

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ ЕЯ

СОВРЕМЕННЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ

Критико-биографические этюды

Семена Венгерова.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Часть II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Графія Вилькина и Эттингера, Казанская ул., д. № 22.

1875.

2004127306

Настоящій второй выпускъ «Русской Литературы въ ея современныхъ представителяхъ» появляется отдельно оть первого только вслѣдствіе совершенно случайныхъ обстоятельствъ и не обусловливаетъ собою появленія дальнѣйшихъ выпусковъ. Замѣчаніе это дѣлается для тѣхъ же гг. рецензентовъ, которые желали-бы болѣе или менѣе остроумно вычислить сколькими томами авторъ настоящаго труда подарить русской публики, если ему придется охота перебрать всѣхъ «представителей» и съ такой же подробности, какъ Тургенева.

С. Венгеровъ.

IX.

Мы соединили все стихотворения Тургенева въ одну рубрику, все очерки изъ крестьянского быта тоже въ одну главу, сдѣлаемъ теперь, для цѣльности впечатлѣнія, иѣчто подобное и съ повѣстями, предшествующими «Рудину», потому что онъ составляютъ отдѣльный фазисъ въ развитіи творческаго таланта нашего беллетристіа. Начиная съ 1844 г., когда было напечатано первое произведеніе Тургенева въ прозѣ «Андрей Колосовъ», онъ отъ времени до времени, въ перемежку со стихами, драмами, очерками «Записокъ Охотника», помѣщалъ небольшія повѣсти, которыя, собранныя вмѣстѣ, вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1856 г. подъ заглавіемъ «Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева». Общее свойство таланта нашего писателя: чуткость ко всему происходящему вокругъ него не оставляетъ его и здѣсь, но оно проявляется въ менѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ то время когда «Рудинъ», «Наканунѣ», «Дворянское гнѣздо», «Отцы и Дѣти» воспроизводятъ характерныя черты цѣлой эпохи, «Колосовъ», «Три портрета» и др. разрабатываютъ только небольшіе моменты въ жизни русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Поле зренія которымъ обладаетъ Тургеневъ въ концѣ сороковыхъ годовъ не было еще на столько обширно, чтобы захва-

тить изображеніе выдающихся явлений, оно не идетъ дальше мелкихъ чертъ и анализъ автора «Повѣстей и Рассказовъ», не идетъ дальше простого констатированія. За исключеніемъ «Дневника лишняго человѣка», должно сказать что только «Рудинъ» Тургеневъ переступилъ ту неуловимую границу, которая отдѣляетъ первостепенное дарованіе отъ второстепен-наго. Положимъ, до «Рудина» существовали «Записки Охотника», но вѣдь значеніе ихъ состояло въ ансамблѣ; каждый очеркъ, если и составлялъ одно художественное цѣлое, то только оттого, что сюжетъ былъ немногосложный. Поэтому крупнымъ литературнымъ дѣятелемъ, способнымъ воспроизвести обширное общественное движеніе, Тургеневъ становится только съ «Рудина». Если это умѣніе въ немъ было и раньше, то читатель, во всякомъ случаѣ, про то ничего знать не могъ и только критика конца пятидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ, убѣдившись въ могучемъ дарованіи автора «Андрея Колосова», имѣла право простить ему извѣстную мелкость сюжетовъ первыхъ его повѣстей и отчасти извинить мелкостью-же эпохи, отраженіемъ которой они явились.

Въ Тургеневѣ настолько слилось въ одно прекрасное цѣлое мысль и форма, что какъ «эстетики» прежнихъ временъ, такъ и «реалисты» болѣе поздней эпохи могутъ черпать въ его сочиненіяхъ весьма вѣсія доказательства своимъ воззрѣніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время найдется только весьма ограниченное число людей, которые стали бы горой за таѣ называемое «искусство за искусство», за форму безъ содержанія. А между тѣмъ прочтите «Андрея Колосова» и вы уже не найдете этой взгляду настолько нелѣдимъ и невидѣрывающимъ критики. Если-бы намъ категорически приступили съ требованіемъ пересказа содержанія «Колосова», не дѣлая при этомъ длинныхъ выписокъ и не заставляя, следовательно, говорить за насъ самого автора, мы, право, были-бы поставлены въ весьма затруднительное положеніе. Жиль иѣкій студентъ, полюбилъ иѣкую девицу; разлюбилъ ее — чего тутъ кажется разсказывать; никакихъ при этомъ драматическихъ положеній не произошло, случилась въ тысячи-

ный разъ одна и та же старая история—и все-же вы съ напряженіемъ вниманіемъ перелистываете страницу за страницей и, не встрѣчая даже въ повѣсти опредѣленной развязки, все-же выносите очень стройное впечатлѣніе. Дарованіе, талантъ, не всегда выражаются въ глубинѣ мысли и во всякой литературѣ не трудно указать писателей сильныхъ только одной стороной творческой способности. Если мысль есть неизбѣжная принадлежность произведенія, претендующаго на прочное общественное значеніе, то въ свою очередь и форма часто составляетъ наиболѣе существенное условіе, для того, чтобы произвести благопріятное впечатлѣніе на читателя. Только при первоклассной формѣ «Шинель» производить такое потрясающее впечатлѣніе; при другой обработкѣ при всей глубинѣ мысли, положенной ей въ основаніе, она непроизведеть и сотой доли того эффекта, который является въ гоголевскомъ изложеніи. Понятно что въ вещахъ, гдѣ основная мысль не поражаетъ своею глубиною, значеніе формы еще болѣе увеличивается. Тутъ если и форма не будетъ безукоризненна, произведеніе выйдетъ уже окончательно плохое. Изъ «Повѣстей» Тургенева мы выносимъ неопределѣленное, но тѣмъ не менѣе пріятное впечатлѣніе, онъ вамъ напоминаютъ нестройное перебирание струнъ цитры, которое при всемъ томъ, что не воспроизводить ясновыраженной мелодіи, затрагиваетъ несмотря на это нѣжныя стороны человѣческой натуры. Байроническая закваска и вообще различныя «вѣянія» сороковыхъ годовъ тоже не остались безъ дѣйствія и придали «Повѣстямъ» современный своей эпохѣ характеръ. Неудивительно по этому если содержаніе въ нихъ вещь второстепенная, но за то поэзія бывать такимъ широкими и чистымъ ключемъ, что сглаживаетъ скучность дѣйствія и блѣдность характеровъ. Глубокая, задушевная поэзія, похожая на поэзію нашихъ народныхъ пѣсенъ составляетъ общий колоритъ «Колосова» и др. и потому сразу устанавливаетъ какія-то особенные дружественные отношенія между авторомъ и читателемъ. «Душа человѣка», о которомъ мы выше упомянули, выступаетъ на первый планъ и заставляетъ васъ умолкнуть съ требованіемъ

ніями холоднаго разсудка. Самъ авторъ часто неувѣренъ въ даваемыхъ имъ характеристикахъ и какъ-бы обращается къ вамъ за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, хотя это обращеніе чисто фиктивное, такъ какъ, вслѣдствіе неопредѣленности красокъ, вы имѣете очень мало средствъ контролировать разсказчика. Вотъ и въ Колосовѣ. Вы очень мало видите въ немъ необыкновеннаго, которое выражалось бы осознательнымъ образомъ и все-же въ концѣ повѣсти проникается сознаніемъ его недюжинности, потому что авторъ употребилъ весь свой талантъ, все свое тонкое творчество, чтобы нѣжными штрихами очертить трудно поддающееся воспроизведенію. Мы увѣрены, что при другой обработкѣ Колосовъ ни на минуту не завоевалъ - бы нашей симпатіи и не выдвинулъ - бы изъ числа людей, имя коимъ «легіонъ». Тургеневъ-же заставилъ васъ увѣрить въ справедливость своихъ личныхъ ощущеній, словами передалъ «the music of the face», по выражению Байрона.

Колосовъ ни въ какомъ случаѣ не русское лицо и отъ него такъ и вѣтъ героями Жоржъ-Зандовскихъ романовъ, бывшихъ въ модѣ въ сороковыхъ годовъ. Это по нашему мнѣнію представитель того времени, когда человѣкъ цѣнился не вслѣдствіе качествъ, которыми обладалъ, а «самъ по себѣ». Подъ влияніемъ французского романтизма беллетристика не отрицала возможности увлечься какимъ нибудь дикаремъ или дикаркой, такъ какъ въ pendant искусству для искусства отыскивался тогда «человѣкъ ради человѣка». Величавыя фигуры Куперовскихъ индѣйцевъ еще у всѣхъ были въ памяти и подогревали стремленіе къ формѣ, часто въ большой ущербъ содержанію. Если Колосовъ и не изображалъ собою какого нибудь Чингахгова, то все-же авторъ въ его лицѣ намъ вывелъ человѣка, пѣниающаго окружающихъ помимо тѣхъ способовъ добиться людскаго сочувствія, что даются образованіемъ, цивилизацію. Колосовъ не былъ особенно способенъ, имѣть довольно ограниченное количество знаній и несмотря на это подчинялъ себѣ всѣхъ. Значить ему тутъ помогало распространенное въ обществѣ расположение къ абстрактному понятію о человѣкѣ, помимо его содер-

жимаго. Въ «Рудинѣ» мы увидимъ, какъ обладающій прекрасными природными качествами и во всѣхъ отношеніяхъ «славный малый» Волынцевъ долженъ ретирироваться, когда на сцену является Рудинъ, завоевающій свое положеніе исключительно интеллигентностью своего нравственнаго существа. Тутъ слѣдовательно уже не можетъ быть и разговору о человѣкѣ «самомъ по себѣ», между тѣмъ какъ въ «Колосовѣ» все на этомъ мотивѣ вертится.

Подобно герою повѣсти, героиня принадлежала къ описанной выше категоріи.

«Варя была дѣвушка очень обыкновенная, а между тѣмъ такая дѣвушка весьма не много на святой Руси. Вы меня спросите: отъ чего? Отъ того, что я никогда не замѣчалъ въ ней ничего натянутаго, не естественнаго, жеманнаго; отъ того, что она была простое, откровенное, нѣсколько грустное созданіе; отъ того, что ее нельзя было называть «барышней». Мнѣ нравилась ея тихая улыбка; я любилъ ея простодушный звонкій голосокъ, ея легкій и веселый смѣхъ, ея внимательные, хотя совсѣмъ не «глубокіе» взоры. Этотъ ребенокъ не обѣщалъ ничего; но вы невольно любовались имъ, какъ любуетесь внезапнымъ мягкимъ крикомъ иволги вечеромъ, въ высокой и темной березовой рощѣ. Я долженъ сознаться, что въ иное время я довольно равнодушно прошелъ бы мимо такого созданія: мнѣ теперь не до вчерашнихъ одинокихъ прогулокъ, аѣ до иволгъ; но тогда...»

Итакъ и тутъ неизѣяснимое, неуловимое «нѣчто» составляетъ причину того, что Варя нравиться. «Роковое, таинственное, непонятное»—эти имена прилагательныя были въ большомъ употребленіи въ тридцатыхъ годахъ и расточались на право и на лѣво безъ особенно вѣскихъ основаній. Нашимъ доморощеннымъ Байронамъ чѣмъ-же нибудь нужно было доказать свое духовное родство съ великимъ англійскимъ поэтомъ и вотъ отчего какая нибудь Варя пріобрѣтаетъ совсѣмъ ей не свойственный ей колоритъ. Но въ изложеніи Тургенева все такъ слажено, бѣлыя нитки на столько искусно скрыты, что портретъ героини не возбуждается въ васъ рѣзкой оппозиціи и даже согласіе ея выйти замужъ за равнодушнаго ей человѣка вами добродушно игнорируется. Не хочется вѣкъ-то приписать ей намѣреніе словить женщика. Не то уничтожается все поэтическое обаяніе повѣсти.

Какъ первый опытъ «Андрей Колесовъ», во всякомъ случаѣ, безукоризненъ. Вы нигдѣ въ немъ не чувствуете шероховатостей, юношеской неумѣлости. Все гладко, какъ у присяжнаго писателя. Слогъ, блестящій тургеневскій слогъ, съ характернымъ тонкимъ юморомъ, проявляется и въ этой повѣсти. Недаромъ она сразу была замѣчена при своемъ появлѣніи въ 10-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1844 г. Съ тѣхъ порь каждый годъ Тургеневъ помѣщалъ одну или двѣ повѣсти въ журналахъ того времени, все болѣе и болѣе увеличивая число своихъ поклонниковъ, какъ среди читающей публики, такъ и среди рецензентовъ. Имя его дѣлается неизбѣжнымъ въ объявленіяхъ лучшихъ журналовъ того времени. Съ своей стороны Тургеневъ не остается въ долгу и старается вполнѣ оправдать лестное о немъ мнѣніе. Критика относилась къ нему почти всегда благосклонно, потому что онъ, слѣдя указаніямъ критики (мы понятно говоримъ о передовой, а не таковой Булгарина *et consortes*), старался брать темою своихъ произведеній сюжеты, наиболѣе соотвѣтствовавшия настроенію эпохи. Мы не станемъ утверждать, что подобное подчиненіе творчества извѣстнаго рода указаніямъ было-бы вполнѣ нормально, но на первыхъ порахъ молодому писателю оно можетъ быть не безъ пользы. Понятно оно непримѣнно къ первоклассному таланту, такъ какъ по основному характеру своему послѣдній вызываетъ новые требования критики, а не наоборотъ. Критика также грамматика, которая рождается языкомъ: Слѣдовательно, нечего и говорить, что гений, вслѣдствіе оригинальности своей, никогда ничѣй указкѣ не подчиняется. Но писатель второстепенный, а такимъ былъ Тургеневъ въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, какъ планета, заимствующая свой свѣтъ отъ другого свѣтила, долженъ стараться поставить свой талантъ въ наиболѣе выгодное положеніе, чтобы наибольшее количества свѣта и теплоты на него падало. Нѣкоторые позднѣйшіе писатели, какъ напр. покойный Дружининъ, исходя изъ своей теоріи безсознательнаго творчества, наладають на Тургенева за слишкомъ большое послушаніе

указанием критики и мнѣній, господствующих въ обществѣ. Мы, напротивъ того, ставимъ это нашему беллетристу въ большую заслугу и мнѣніе наше подкрепляется тѣмъ, что «послушная» повѣсти Тургенева всѣми цѣнителями, даже эстетиками чистѣйшей воды признаются «перлами» художественного творчества. Значитъ о вредѣ, о порчу таланта тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Типъ Онѣгина и Печорина, на созданіе которыхъ ушелъ лучшій поэтическій материалъ нашихъ двухъ великихъ поэтовъ, былъ слишкомъ живучъ и подходящъ подъ настроение времени, чтобы не сдѣлаться обыкновеннымъ явленіемъ. При разборѣ «Параші», мы уже сказали во что обратились Чайльдъ-Гарольды и Манфреды въ переложеніи на русскіе нравы, мы тогда уже замѣтили недовольство ими нашего автора. Въ «Бретерѣ» мы опять встрѣчаемся съ подобнымъ чувствомъ Тургенева, только обстановка при этомъ значительно разнится отъ таковой стихотворнаго разсказа. Тамъ герой явился съ претензіями на байронизмъ и не оправдываясь ихъ, въ «Бретерѣ» же другіе желаютъ произвести героя повѣсти въ необыкновенные люди. Самъ онъ сознаетъ свое собственное ничтожество и въ интимномъ разсужденіи съ самимъ собою долженъ признаться, что онъ въ сущности очень глупъ. Слѣдовательно, если мы къ «Бретеру» приплели байронизмъ, то исключительно потому, что онъ невольно приходитъ на умъ при чтеніи повѣсти и мы не имѣмъ права освобождить автора отъ предположенія въ немъ желанія именно такой сюжетъ затронуть. Посудите сами.

«.... Между ними нѣкто Авдѣй Ивановичъ Лучковъ, штабъ-ротмистръ, ссыльный бреттѣромъ. Лучковъ былъ роста небольшаго, не казистъ; лицо имѣло малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькие, черные, черты лица обыкновенные и темные глазки. Онъ рано остался сиротой, выросъ въ нуждѣ и загонѣ. По цѣлымъ недѣлямъ весь онъ себѣ тихо... и вдругъ—словно бѣсъ какой имѣлъ овладѣть—ко всѣмъ пристаетъ, всѣмъ надобдѣаетъ, всѣмъ нагло смотритъ въ глаза; и, такъ и напрѣшивается на есorerу. Впрочемъ, Авдѣй Иванычъ не чуждался своихъ сослуживцевъ, но въ дружбѣ состояла съ однимъ только раздраженнымъ адютантомъ; въ карты не игралъ и не пилъ вина».

Бретеръ, забіяка, въ карты не играеть, вина не пьетъ—согласитесь тутъ мы имъемъ дѣло съ кое-какими притязаніями на байронической ярлыкъ. Положимъ, сходство Лучкова съ Печоринымъ чисто вѣнчное, отличие ихъ другъ отъ друга бросается въ глаза даже при самомъ поверхностномъ обзорѣ, но во всякомъ случаѣ трудно отрицать то обстоятельство, что если даже Лучковъ не желаетъ быть и не воображаетъ себя Печоринымъ, то тѣмъ не менѣе въ немъ есть материаль для создания этого типа. Многія барыни и барышни считаютъ его демоническимъ созданіемъ и отбрасываютъ даже свою провинциальную жеманность, чтобы съ нимъ сблизиться. Слѣдовательно, Тургеневъ косвенно содѣствовалъ развѣнченію въ глазахъ общества налики доморощенныхъ Байроновъ, выставивъ Лучкова сквернымъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ нелюдимость бреттера, его молчаливость объясняются нежеланіемъ жалчайшей посредственности быть осмыянной, его отрицаніе любви—просто грубостью натуры, и наконецъ геройство, равнодушіе къ жизни—просто какимъ-то калмыцкимъ чувствомъ, среднимъ между апатіею необразованного человѣка и кровожадностью дикаго сына степей. Итакъ, картина развѣнченаго байронизма оказывается весьма и весьма не-привлекательною. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ опять попалъ подъ общественное настроеніе, подъ протестъ противъ всесильныхъ героевъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Онъ видѣлъ ихъ паденіе, наблюдалъ постепенное охлажденіе къ нимъ общества и послѣшилъ воспроизвести это явленіе въ своемъ «Бретерѣ». Жаль только, что противодѣйствіемъ Лучкову выступаетъ вислосладкій нѣмецъ Кистеръ, очень уже витающій на горныхъ высахъ идеальной фантазіи. Конtraстъ между Лучковымъ и Кистеромъ слишкомъ великъ и поразителенъ, чтобы произвести положительное дѣйствіе. Читатель въ одинаковой степени не удовлетворенъ ни тѣмъ, ни другимъ. Къ первому вы, положимъ, чувствуете отвращеніе; но и ходячій сборникъ добродѣтелей слишкомъ безукоризненъ для живаго лица. Клинъ лучше всего выбивать клиномъ же. Волкъ-же Лучковъ и агнецъ Кистеръ сами собою уничтожа-

ются и въ читатель оставляютъ только смутное чувство неудовольствія.

Другое лицо повѣсти — провинціалочка Маша очень не дурно очерчена авторомъ. Она представитель многочисленнаго типа «порядочныхъ» барышень, но которыхъ все-же всегда барышнями остаются. Натура не глубокая и не пошлай, Маша обладаетъ буржуазными добродѣтелями, нужными для семейнаго «счастья». Но въ ней нѣтъ ничего общаго съ тѣми оставляющими огромное впечатлѣніе женскими фигурами, что поражаютъ своею нравственною мощью въ другихъ произведеніяхъ Тургенева. Въ Машѣ очень много сходства съ Мареинькой изъ «Обрыва» Гончарова, только съ большею противъ той придачею интеллигентіи и какъ жанровая картинка Маша обличаетъ въ Тургеневѣ умѣніе подмѣтать и слѣдить за всякою рода личностями. Но въ этомъ родѣ творчествъ, а именно въ жанрѣ, нашъ романистъ дальше второстепеннааго таланта не возвышался. Самъ натура чрезвычайно много содержательная и поэтическая, человѣкъ пишущій потому, что въ немъ органическая потребность передавать бумагѣ свои ощущенія, Тургеневъ во всемъ блескѣ дарованія появляется только при воспроизведеніи тонкихъ и недюжинныхъ натуръ. Чистое непосредственное творчество, энтузіазмъ предъ выставляемыми личностями лучше всякихъ указокъ помогаютъ тогда Тургеневу найти истинный путь. Авторъ, который живеть одною жизнью со своими героями, который за одно съ ними чувствуетъ, увлекается, страдаетъ, который въ выставляемыхъ имъ поэтическихъ образахъ расходуетъ часть самаго себя, который въ своихъ произведеніяхъ изливаетъ потокъ личныхъ накипѣвшихъ ощущеній, стонъ собственного сердца, такой авторъ не можетъ не сдѣлаться первокласснымъ писателемъ, если счастливая случайность его натолкнетъ на первоклассный сюжетъ и дастъ возможность удвоить впечатлѣніе обилиемъ творческой мысли. Въ «повѣстяхъ» мы этого первокласнаго сюжета не имѣемъ, но въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ содержаніе возвышается надъ обыденной обстановкой, гдѣ дѣйствующія лица не совсѣмъ обыч-

новенны, Тургеневъ «Дворянского гнѣзда», Тургеневъ «Наканунѣ» очень легко можетъ быть найденъ. «Андрей Колосовъ», «Три портрета», «Жидъ», «Три встрѣчи» и другія производить на читателя очень сильное впечатлѣніе, между тѣмъ какъ «Пѣтушкивъ», гдѣ авторъ сошелъ на несвойственную ему почву жанра и гоголевскаго юмора-сразу даютъ чувствовать фальшивость тона. Въ «Бретерѣ» если что сильнѣе заставляетъ течь вашу кровь и поднимаетъ грудь сочувственнымъ вздохомъ, то только трагическая развязка повѣсти. Смерть всегда налагаетъ на все поэтическій покровъ, придаетъ симпатичный отблѣкъ и вслѣдствіе этого конецъ сентиментального Кистера заставляетъ насъ удержаться отъ насыщенной улыбки. Вообще же можно вывести то положеніе, что наиболѣе удаются Тургеневу тѣ произведения, гдѣ жанръ занимаетъ меныше мѣста. Силу его таланта составляютъ щемящая, за душу хватающая поэзія и тонкій, интеллигентный юморъ. При разборѣ «Наканунѣ», мы покажемъ, что значеніе этой повѣсти именно и состоитъ въ удачномъ комбинированіи двухъ указанныхъ качествъ. Въ «Повѣстяхъ» мы замѣчаемъ тоже. «Дневникъ лишняго человѣка» занимаетъ самое видное между ними мѣсто не столько по важности затронутаго сюжета, сколько по поэтическому колориту. Слѣдующая за «Бретеромъ» повѣсть «Три портрета» болѣе поражаютъ читателя, потому что перевѣсь въ ней остается за необыденнымъ элементомъ.

Производя лучшее впечатлѣніе тѣмъ «Бретеръ», «Три портрета» не вполнѣ, однако же, настъ удовлетворяютъ, потому что «необыденность» сюжета этой повѣсти слишкомъ подернута малодраматическимъ отблѣкомъ совершенно не свойственнымъ русской жизни. Герой повѣсти скорѣе смахиваетъ на *gentilhomme'a* временъ Генриха Наваррскаго, нежели на русскаго дворянина половины прошлаго столѣтія.

«На третьемъ портретѣ, писанномъ другою, болѣе искусною рукою, былъ представленъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ зеленою мундирѣ екатерининскаго времени, съ красными отворотами, въ бѣломъ камзолѣ, въ тонкомъ батистовомъ галстуکѣ. Одной рукой опирался онъ на трость съ золотымъ набалдашни-

комъ, другую заложилъ за камзоль. Его смуглое, худощавое лицо дышало дерзкою надменностью. Тонкія, длинныя брови почти сроскались надъ чёрными какъ смоль глазами; на блѣдныхъ щекахъ играла не добрая улыбка».

Съ наружностью довольно хорошо гармонировало нравственное существо героя—Василий Лучинова.

«Вообразите себѣ человѣка, одареннаго необыкновенной силой воли, страстнаго и расчетливаго, терпѣливаго и смѣлаго, скрытаго до чрезвычайности и—по словамъ всѣхъ его современниковъ—очаровательно, обаятельно любезнаго. Въ немъ не было ни совѣсти, ни доброты, ни честности, хотя ни кто-же не могъ назвать его положительно злымъ человѣкомъ. Онъ былъ самолюбивъ, но умѣлъ таить свое самолюбіе, и страстно любилъ независимость. Когда, бывало, Василий Ивановичъ, улыбаясь, ласково прищурить черные глаза, когда захочетъ пѣснить кого-нибудь, говорить, невозможно ему было противиться—и даже люди, увѣренныя въ сухости и холодности его души, не разъ поддавались чарующему могуществу его вліянія. Онъ усердно служилъ самому себѣ, и другіхъ заставлялъ трудиться для своихъ-же выгодъ, и всегда во всемъ успѣвалъ, потому что никогда не терялъ головы, не гнушился лести, какъ средства, и умѣлъ льстить».

Лучиновъ вседѣло принадлежитъ въ категоріи симпатичныхъ негодяевъ про которыхъ мы уже раньше не разъ говорили. Мы всегдабываемъ поражены нравственnoю мощью, въ какомъ-бы видѣ послѣдняя не проявлялась и нерѣдко любимъ страстно людей, недостатки которыхъ намъ вполнѣ извѣстны. Энергичный негодай нерѣдко способенъ на весьма хорошия поступки и за эту возможность мы ему готовы простить и больше симпатизировать, чѣмъ добродѣтельной посредственности, которая дурного положимъ не совершить, но за то и хорошаго мало. Лучиновъ натура очень сильная и все поведеніе его въ продолженіе разсказа вполнѣ гармонируетъ съ вышеопредѣленною характеристикою. На концепцію его личности байронизмъ далеко не остался безъ вліянія и сквозь его обликъ въ отдаленіи виднѣется фигура Манфреда. Что-то чужестранное лежитъ на Лучиновѣ, что-то такое дѣлаетъ его очень интересною, привлекающей картинкой, но не снимкомъ съ дѣйствительности. Русская жизнь пуще огня боится мелодраматизма и нужно быть очень недюжиннымъ писателемъ, чтобы заставить читателя забыть это существенное условіе.

Столкновение Лучинова съ отцемъ, драматическая сцена, когда сынъ, стиснувъ плагу въ рукахъ, злобными и непокорными глазами измѣривъ отца, готовъ поднять на него руку— эта сцена вышла-бы чрезвычайно эффектной въ романѣ изъ иностранного образа жизни. Тургеневъ-же долженъ былъ сопротивлять все свое художническое чутье правды, чтобы не произвести отрицательного впечатленія и тонкій рисунокъ не превратить въ суздалское издѣліе. Но удачно вышедши изъ труднаго положенія относительно Василія Лучинова, Тургеневъ наложилъ слишкомъ густыя краски на отца его. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ русскаго помѣщика временъ даже не Очакова и покоренія Крыма, а императрицы Елизаветы Петровны. Авторъ ни словомъ не проговоривается объ умственному его уровнѣ, следовательно, мы не имеемъ права поставить его выше всякаго другаго изъ современныхъ ему обитателей блаженной провинціи, хотя онъ и прожилъ вѣткомъ лѣтъ въ Петербургѣ. И вотъ такого-то господина Тургеневъ заставляетъ двадцать лѣтъ не говорить ни слова съ женой, за туманно выраженное въ повѣсти подозрѣніе въ супружеской невѣрности. *Das ist zu stark*, — какъ говорятъ немцы.

«Вообще, его отношения къ Аннѣ Павловнѣ были весьма странного рода. Она завѣдывала всѣми домашними хозяйствомъ, за обѣдомъ сидѣла всегда возлѣ своего мужа—онъ нещадно наказывалъ-бы человѣка, который осмѣялся бы сказать ей одно не почтительное слово,—а между тѣмъ, самъ съ ней никогда не говорилъ, не прикасался къ ея рукѣ. Анна Павловна была робкая, блѣдная, убитая женщина; каждый день молилась въ церкви на колѣни и никогда не улыбалась. Толковали, что они прежде, т. е. до приѣзда въ деревню, жили въ большомъ ладу; поговаривали также, что Анна Павловна нарушила свои супружескія обязанности, что мужъ узналъ о ея проступкѣ.... Какъ-бы то ни было, но Иванъ Андреевичъ, даже умирая, не примирился съ ней. Во время послѣдней его болѣзни, она не отлучалась отъ него; но онъ, казалось, ея не замѣчалъ. Въ одну ночь Анна Павловна сидѣла въ спальне Ивана Андреевича; его мучила бессонница—лампада горѣла предъ образомъ; слуга моего дѣдушки, Юдичъ, вышелъ. Анна Павловна встала, перешла черезъ комнату и рѣдя бросилась на колѣни передъ постелью мужа, хотѣла что-то сказать—протянула руки.... Иванъ Андреевичъ посмотрѣлъ на нее — и слабымъ голосомъ, по твердо закричалъ: «человѣкъ!» Слуга вошелъ, Анна Павловна поспѣшила встала, и шатаясь возвратилась на свое мѣсто».

Весь этот отрывокъ точно взятъ изъ романа Вальтеръ-Скотта съ средневѣковымъ сюжетомъ. Изъ того обстоятельства, что Тургеневъ позволилъ себѣ подобную несообразность, можно видѣть, что въ 1846 году, когда «Три портрета» были напечатаны, взгляды его на искусство не совсѣмъ еще установились, или, вѣрнѣе говоря, они не приняли того направления, съ которымъ мы встречаемся въ позднѣйшій періодъ его литературной дѣятельности. Въ сороковыхъ годахъ процвѣтали такъ называемыя «салонныя» новеллы, съ какими-нибудь изящными содержаньицемъ. Мы не намѣрены уничтожать «Три портрета» сравненiemъ съ этими бездѣлушкиами, но полагаемъ, что въ обсуждаемой повѣсти слишкомъ много потрачено прекрасной отдѣлки на вещь, того несущую. Видѣть въ Лучиновѣ что-либо демоническое, а главное прототипъ Печорина, какъ это сдѣлали нѣкоторые критики, мы положительно отказываемся. Всего вѣрнѣе будетъ отнести «Три портрета» къ области «искусства для искусства», поставленного въ условій времени и мѣста. Только въ такомъ случаѣ, разсмотривая «Три портрета» какъ интересный разсказъ, ну, скажемъ, изъ итальянской жизни, мы готовы съ ними вполнѣ примириться. Синіоръ Базиліо де-Лучини, мрачный владѣлецъ замка, его безмолвная супруга, стремительный Тибръ, — при такой обстановкѣ повѣсть значительно выиграла-бы, но въ Болховскомъ или въ Щигровскомъ уѣздѣ, среди добродушныхъ россійскихъ мужиковъ, она чѣсколько отзыется лубочнымъ издѣліемъ.

Самое удачное лицо во всей повѣсти, по нашему мнѣнію, это траги-комическая фігура Павла Афанасьевича Рогачева, жениха соблазненной Лучиновыми дѣвушками. На этотъ разъ жанръ очень удался Тургеневу. Рогачевъ — вполнѣ живое лицо. Мы въ его особѣ имѣемъ дѣло съ чистымъ русакомъ, въ обыкновенное время и муhi не рѣшающагося тронуть, а когда надобность дѣлать настанетъ проявляющаго всю свою медвѣжью силу. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ. Рогачевъ, что называется, добродушнѣйшее животное, вѣчно улыбающееся существо. Лучиновъ даже разъ предложилъ ему пари, что

онъ, Рогачевъ, не въ состояніи перестать улыбаться. И что же! «улыбка, глупѣйшая, напряженная улыбка не хотѣла сойти съ его вспотѣвшаго лица». Къ эдакому-то субъекту блестящій дуэリスト Лучиновъ, подъ угрозой поединка, приступаетъ съ требованіемъ немедленно жениться на соблазненной имъ, Лучиновыи, Ольгѣ Ивановнѣ, и нашъ добрякъ ничуть не струсили. Никогда въ руки не бравшій шпаги, онъ не задумывается выступить противъ Лучинова и на усопѣщенія послѣдняго не отзыается.

« — Нѣтъ, Василій Ивановичъ, перебилъ его Рогачевъ.—Вы меня, я знаю, либо убьете, либо изувѣчите; но чести своей я терять не намѣренъ, умирать, такъ умирать».

Мы уже при разборѣ «Записокъ Охотника» указали на характерное свойство русскаго народа подъ ничего-не-значащей, часто даже смѣшной вѣнѣнностью скрывать богатѣйшия душевныя силы. Рогачевъ служитъ еще однимъ подкрѣпле-ніемъ выраженной нами мысли. Его массивное геройство не заключаетъ въ себѣ ничего въ глаза съ первого раза бро-сающагося, ничего театральнаго, эффектно-мелодраматиче-скаго, что мы обыкновенно привыкли соединять съ понятіемъ о героическомъ, но тѣмъ не менѣе оно также глубоко какъ и при обладаніи только-что поименованными атрибутами. Оно пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность вслѣдствіе абсолютнаго отсутствія рисовки, желанія заслужить чье-либо одобреніе. Дол-гое, часто очень долгое время, оно лежитъ подъ спудомъ, и по-томъ разомъ вынырнетъ въполномъ облаченіи, точно древняя Паллада изъ головы родителя своего—громовержца Зевеса.

Весьма характеристиченъ конецъ «Трехъ портретовъ». Заколовъ Рогачева, Василій Лучиновъ «черезъ недѣлю уѣхалъ въ Петербургъ — и черезъ два года вернулся въ деревню, разбитый параличемъ, безъ языка. Онъ уже не засталъ въ живыхъ ни Анны Павловны, ни Ольги и умеръ скоро самъ на рукахъ у Юдича, который кормилъ его какъ ребенка и одинъ умѣлъ понимать его несвязный лепеть».

Мы привели окончаніе повѣсти для того, чтобы пока-

зать, что оно не является чистою случайностью. Внѣшнее обстоятельство—паралич есть ничто иное, какъ замѣна другой болѣе глубокой причины. За нимъ срывается мысль о безхарактерности нашей интеллигенціи, безхарактерности, которая проникаетъ всѣ наши общественные типы, начиная съ герояевъ Карамзина и кончая Лаврецкимъ изъ «Дворянскаго гнѣзда». Лучиновъ, блестящій левъ, обладающій въ молодости большою силою воли, въ послѣдствіи превращается въ какое-то лишенное человѣческаго смысла существо, которое третируютъ какъ ребенка. Наши «энергичные» люди прежняго времени были таковыми только до тѣхъ поръ, пока жизнь имъ улыбалась, пока никакія черезчуръ сильныя препятствія не заставляли ихъ сообразно этимъ препятствіямъ измѣнять свой нравственный строй. Но стоило только обстоятельствамъ сложиться не вполнѣ благопріятно, и наши смѣло глядѣвшіе орлы превращались въ робкихъ и забитыхъ людей: Борьба была имъ абсолютно не по силамъ и они изъ нея всегда выходили побѣжденными, вслѣдствіи того, что она икъ всегда настигала въ расплохъ. Барское воспитаніе, не-нормальность общественныхъ условій—вотъ главные факторы этого общаго явленія. Дѣйствія ихъ не избѣжалъ и Лучиновъ. Чтобы читатель не упрекнулъ насъ въ натяженіѣ, въ приписываніи Тургеневу мыслей, вовсе ему не принадлежащихъ, мы позволимъ себѣ нѣсколько забѣжать впередъ и *V* сказать два слова объ отцѣ героя «Дворянскаго гнѣзда» Лаврецкаго. Личность эта во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно походитъ на Лучинова и мы полагаемъ даже, что въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» при описаніи происхожденія Лаврецкаго, Тургеневъ только полноѣ обработалъ сюжетъ, намѣченный слегка въ «Трехъ портретахъ». И тамъ либераль, вольтеріанецъ, англоманъ, очень дѣятельно, если и не особенно полезно, проведшій свою молодость, на старости, два три раза почувствовалъ на себѣ суровое дыханіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, становится ниже воды и тише травы, весь превратившись въ суетѣрнаго, слюниваго ста-ричка, себѣ и другимъ отравляющаго жизнь вѣчнымъ ворча-

ніемъ. Отецъ Лаврецкаго, какъ позднѣйшая формадія типа Лучинова, доказываетъ, что однѣ и тѣ-же условія, даже не въ одно и то-же время всегда влекутъ схожіе между собою результаты и мы, слѣдовательно, въ свою очередь не будемъ неправы, если, убѣдившись въ сходствѣ Лучинова съ Лаврецкимъ, предположимъ возможность подобія и окончанія ихъ жизненныхъ путей.

Лучиновъ и Лаврецкій—типы безхарактерныхъ, наименѣе еще наскѣ шокирующихъ, мы скоро поведемъ рѣчь о безхарактерныхъ, которые никогда и тѣни характера не проявляли, чего совсѣмъ нельзѧ сказать обѣ Лучиновѣ. Байроническая закваска не предохранила его отъ общей участіи всѣхъ русскихъ людей, но все-же въ извѣстной степени придала его фігурѣ болѣе самостоятельный видъ.

«Жидъ», несмотря на свой незначительный объемъ и отсутствіе опредѣленной тенденціи, читается съ большими удовольствіемъ. Онъ такъ живо, интересно написанъ, что вы прощаете автору нѣкоторую утрировку. Тургеневъ изображалъ своего «Жида» по извѣстному шаблону, по тому образцу, который былъ принятъ съ сороковыхъ годовъ для характеристики богоизбраннаго народа. Неудивительно, если слѣдя предписаннымъ правиламъ, Тургеневъ дѣлаетъ весьма и весьма крупные промахи, которые искупаются единствомъ живостью разсказа. Согласна-ли напримѣръ съ дѣйствительностью слѣдующая маленькая сценка.

— Да ты обманешь меня, или покажешь мнѣ какое-нибудь чучело?

— Ай, вѣй, что вы такое говорите? проговорилъ жида съ необыкновеннымъ жаромъ и размахивая руками.—Какъ можно? Да вы... ваше благородіе, прикажите тогда мнѣ дать пятьсот.... четыреста пять-десять палокъ, прибавилъ онъ послѣднѣо....»

Это уменьшеніе цифры пятьсотъ палокъ пятидесятью достойно попасть въ одинъ изъ «жидовскихъ» разсказовъ г. Павла Вейнберга. Эта мнимая характерная черта лишена

всякаго смысла и намъ очень жаль констатировать въ нашемъ беллетристѣ отсутствіе въ данномъ случаѣ чутыи правды. Совсѣмъ уврнуться отъ палокъ — это-бы имѣло свой raison d'etre, но евреи слишкомъ уменъ, чтобы сполна получить даже 450 ударовъ. Значитъ вся его поспѣшность отторговать пятьдесятъ палокъ носить вполнѣ водевильный характеръ. Мы уже не говоримъ о другомъ чудовищномъ постуикѣ жида — торговаго дочерью. Мы можемъ понять воспроизведеніе подобнаго факта въ беллетристической формѣ только въ томъ случаѣ, если будемъ смотрѣть на «Жида», какъ на интересную, пикантную бездѣлушку. Какъ описание событія случившагося съ г. А въ мѣстѣ Въ въ году С — «Жидъ» мыслимъ. Но вѣдь не это-же значеніе беллетристики. Разъ вы въ выдуманной формѣ кого-нибудь представили — онъ уже является не единичнымъ лицемъ, а представителемъ, если и не особеннаго многочисленнаго типа, то все-же цѣлаго разряда людей съ подобніемъ-же направленіемъ. Нечего и говорить, что Тургеневъ былъ очень и очень неправъ, бросая въ лице безъ того уже достаточно приниженному народу совсѣмъ не заслуженный имъ упрекъ. Тургеневскій Гиршель — очевидно фігура авторская. Въ дѣйствительности немыслимо человѣческое существо, которое настолько было лишено всякихъ элементарныхъ чувствъ нравственности, чтобы изъ собственной дочери сдѣлать предметъ наживы. Нужно опуститься ниже животнаго, чтобы торговатъ честью своего дитяти, изъ за нѣсколькихъ червонцевъ продать его первому встрѣчному. Очевидно, Тургеневъ, при концепціи «Жида», подъ влияніемъ французскаго романтизма, задался цѣлью изобразить человѣка на крайней ступени его паденія, чудовище, потерявшее человѣческій обликъ. Но въ такомъ случаѣ напрасно онъ избралъ для подобной цѣли приниженнаго, трусливаго Гиршеля. Торговать дочерью — на это не всякий способенъ, тутъ можетъ быть требуется очень большая нравственная рѣши-
мость, которая въ Гиршеля немыслима. Просвѣщенный дерз-
кій Борджіа гораздо болѣе подходитъ подъ такую гнусную категорію, чѣмъ суевѣрный и невѣжественный жидъ, пони-

маючій только низшія, примитивнія форми обмана и безнравственности, а не рафинированныя, являющіяся следствіемъ большей цивилизації.

Совершенную противоположность съ напечатаннымъ въ 1846 году въ «Современикѣ» «Жидомъ» составляетъ въ 1847 г., появившійся тамъ-же разсказъ «Пѣтушковъ». Это одна изъ самыхъ неудачныхъ Тургеневскихъ вещей. Если «Жидъ» невѣрность основной мысли выкупаетъ превосходной отдѣлкой подробностей, если при всей натяжкѣ иныхъ деталей, онъ производить весьма удовлетворительное впечатлѣніе, то относительно «Пѣтушкова» этого никакъ нельзя сказать. Жанръ, какъ мы уже сказали, не есть сильная сторона Тургеневскаго таланта, и только въ соединеніи съ другими основными качествами его дарованія, хорошо ему удастся.

«Пѣтушковъ» очевидно писанъ подъ вліяніемъ Гоголя. Гоголь первый узаконилъ права міра «инфузорій» на воспроизведеніе въ литературѣ. Попытка его имѣла огромный успѣхъ, и анализъ чувствъ Акакія Акакіевича поставилъ «Шинель» въ глазахъ современниковъ на ряду съ первыми произведеніями великаго обличителя земли русской. Съ тѣхъ-поръ мелкіе, приниженные люди получаютъ права граждансства, становятся любимою темою беллетристики. Тургеневъ поддался общему направленію и въ «Пѣтушковѣ» захотѣлъ изобразить тихую, но тѣмъ не менѣе, весьма сильную страсть иѣкоего безобиднаго поручика къ понравившейся ему булочницѣ Василисѣ. Разсказъ не безъ извѣстнаго интереса, но повсюду въ немъ проглядываетъ именно то, что авторъ «желалъ, старался», что-то такое обрисовать, да видно тема ему не особенно по сердцу и онъ не могъ скрыть искусственности своего вдохновенія. Задушевность тургеневскаго слога вслѣдствіе этого обстоятельства пропала, что сильно отзы-вается на общемъ впечатлѣніи.

«Пѣтушковъ» написанъ въ 1847 г. Слѣдующая повѣсть— «Дневнико́въ лишняго человѣка» помѣчена 1850 г. Не слѣдуетъ думать, что эти три года прошли безплодно для русской литературы. Нѣтъ, въ продолженіи ихъ Тургеневъ, побуждаемый успѣхомъ первыхъ очерковъ «Записокъ Охотника», обращаетъ на нихъ свое преимущественное вниманіе и менѣе занимается другими сторонами современной ему жизни. За то міросозерцаніе его становится все крѣпче и крѣпче, творческая зрѣлость возвышается и онъ своимъ «Дневникомъ» даетъ доказательство умѣнія подмѣщать особенности цѣлой эпохи, писать физиологію или вѣрнѣе патологію на этотъ разъ уже не единичного явленія, а цѣлаго общественнаго вѣянія.

X.

Всѣ «Повѣсти» Тургенева болѣе или менѣе для насъ «дѣла давно-минувшихъ дней», преданія если и не «старины глубокой», то все-же настолько неблизкой, что мы къ ней можемъ отнестиъ съ полной объективностью историка. Въ галлерѣи героевъ Тургеневскихъ повѣстей мы себя чувствуемъ какъ-бы въ музѣѣ, гдѣ безъ задора «Злобы дня» можемъ заняться спокойнымъ анализомъ интересныхъ экземпляровъ. Условія современного быта настолько отличны отъ прежнихъ, весь строй жизни, которой мы живемъ, такъ не похожъ на прошедшій, что намъ часто приходится весьма сильно удивляться инымъ выставленнымъ субъектамъ. Не мыслимъ теперь Колосовъ, не мыслимъ Лучковъ, не мыслимъ Лучиновъ. Но если они немыслимы для нашего времени, мы все-таки понимаемъ возможность ихъ существованія въ прежнее. Тутъ вопросъ чисто хронологическій: не теперь, такъ прежде. Всѣ эти Колосовы, Лучковы, Лучиновы въ измѣненныхъ формахъ и теперь встрѣчаются. Но вотъ мы подходимъ съ вами, читатель, къ совершенно особаго рода явленію. На банкѣ,

къ которой мы теперь съ вами приближаемся, наклеенъ съ первого раза непонятный ярлыкъ: «лишній человѣкъ». Какъ такъ «лишній человѣкъ»! восклицаете вы въ недоумѣніи. Всякое одушевленное существо уже въ силу одного того, что оно живеть, не можетъ считаться лишнимъ. Природа ничего ненужнаго не производить и кто только намѣренію не отврачиваются отъ полезнаго дѣла, тотъ всегда его найдетъ. А между тѣмъ авторъ «Дневника», человѣкъ искрѣнній, которому можно повѣрить относительно истинности его намѣреній, категорически увѣряетъ, что онъ совсѣмъ лишній на Божиемъ свѣтѣ, что съ его исчезновенiemъ абсолютно ничего не измѣнится.

«Лишній, лишній. Отличное это придуманіе слово. Чѣмъ глубже я вникаю въ самого себя, чѣмъ внимательнѣе рассматриваю всю свою прошедшую жизнь, тѣмъ больше убѣждадсь въ строгой истинѣ этого выраженія. Лишній—именно. Къ другимъ людямъ это слово не примѣняется.... Люди бываютъ злые, добрые, умные, глупые, пріятные и непріятные; но лишніе.... нѣть. То есть: поймите меня: и безъ этикѣ людей могла бы вселенная обойтись.... конечно; но безполезность—не главное ихъ качество, не отличительный шильдикъ, и замъ, когда вы говорите о нихъ, слово «лишній» не первое приходитъ на языкъ. А я.... про меня ничего другого и сказать нельзя: лишній—да и только. Сверхъ-штатный человѣкъ—вотъ и все. На мое появленіе природа очевидно не рассчитывала и вслѣдствіе этого обопллась со мной, какъ съ нежданннымъ и незванымъ гостемъ. Не даромъ про меня сказалъ одинъ щутникъ, большой скотникъ до профераціи, что моя матушка мною обременилась».

Эту безпощадную характеристику самого себя, это самоуничиженіе, превосходящее таковое Гамлета Щигровскаго ъзда, авторъ «Дневника» добавляетъ еще слѣдующимъ картинымъ сравненіемъ:

«Помнится, однаждыѣхалъ я изъ Москвы въ дилижансѣ. Дорога была хороша, а ямщикъ въ четверкѣ рядомъ пригрѣгъ еще пристажную. Эта несчастная, пытая, вовсе бесполезная лошадь, кое-какъ привязанная къ передку толстой, короткой веревкой, которая немилосердно рѣжетъ ей мяшку, третъ хвостъ, заставляетъ ее бѣжать самимъ неестественнымъ образомъ и придавать всему ей тѣлу видъ запятой, всегда возбуждая мое глубокое сожалѣніе. Я замѣтилъ ямщику, что, кажется, можно было на сей разъ обойтись безъ пайтой лошади.... Овъ помолчалъ, трахнулъ затылкомъ, стегнулъ ее въ затылокъ

разъ десятокъ кнутомъ черезъ худую спину подъ раздутый животъ—и не безъ усмѣшки промолвилъ: «Вѣдь вѣшь, въ самомъ дѣлѣ, пришелась! На кой чортъ?»

И я вотъ пришелся....»

«Лишній человѣкъ»—безъ сомнѣнія уродливое явленіе и долженъ всячаго поражать своимъ безобразіемъ въ томъ видѣ какъ является у Тургенева. Съ первого взгляда, не проникну въ сущность этого лица, вы готовы порицать автора за воспроизведеніе болничной фигуры Чулакатурина; такъ неподобающій представляется вамъ сначала послѣдній изъ другихъ, такъ рѣзко онъ отъ нихъ отличается. Но все это вамъ кажется при поверхностномъ взглядѣ. Зайдемъ повнимательнѣе чакоточнымъ героямъ «Дневника», проанализируемъ основные элементы его характера и можетъ быть мы тогда убѣдимся, что значеніе Чулакатурина глубже, чѣмъ онъ представляетъ можетъ быть и грустный, но все-же вѣрный символъ жизни русской интеллигентіи прежняго времени.

Уже въ введеніи въ настоящему труду мы замѣтили, что въ продолженіи всей русской исторіи новѣйшаго периода замѣчается постоянный разладъ между парадною, официальную стороною нашего житья-бытья и внутреннюю, интимную. Если въ первые годы послѣ петровской реформы заслуга быть ближе къ ходу общечеловѣческаго прогресса была на сторонѣ официального покрова русской жизни, то вскорѣ это распределеніе мѣняется. По мѣрѣ все большаго и большаго усвоенія русскимъ народомъ основныхъ началъ общеевропейской гражданственности, изъ массы начинается выдвигаться кружокъ, сначала немногочисленный, но потомъ постоянно увеличивающійся новыми сочленами. Кружокъ этотъ совмѣщаетъ всѣ лучшія силы русской земли. Все то, чѣмъ Россія гордится, выходитъ изъ его нѣдра. Во времена Екатерины кружокъ еще не особенно богатъ членами, но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ перестаетъ быть «кружкомъ», а переходить въ то, что мы называемъ «русское общество». Оно находится въ глубокомъ разладѣ съ окружающей обстановкою, въ средѣ его царствуютъ идеи и идеалы, радикально расходящіеся съ

условіями существованія власть имѣющихъ началь. Съ каждыемъ годомъ усиливается его неудовольствіе противъ ему современаго, все сильнѣе и сильнѣе, опредѣленіе и опредѣленіе выражается его протестъ. Но не всегда примѣнно изрѣченіе женевскаго идеалиста, не всегда желать значить мочь. Бываютъ времена, когда самыя прекрасныя намѣренія разбиваются о неопреодолимыя препятствія. Въ данномъ случаѣ оно и было. Попытка наглядно выразить чувства его проникавшія не удалась русскому обществу и ему пришлось въ самомъ себѣ затаить свое горе и неудовольствіе. Послѣднее становится жгучѣе и мучительнѣе, такъ какъ впереди еще не виднѣлась заря новаго порядка, не видно было предвестниковъ другаго строя. Неудивительно, если литература переполняется типами недовольныхъ существующимъ. Люди эти, нерѣдко сами не могутъ себѣ дать вполнѣ точнаго и яснаго отчета о своемъ состояніи, въ умственной неразвитости своей они не могутъ такъ глубоко вдаться въ анализъ причинъ душевнаго настроенія своего, но за то тѣмъ легче сдѣлать это намъ. Теперь, когда явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, составляетъ уже полное достояніе исторіи, когда ясно обнаружились факторы прежнаго образа жизни, намъ можно безошибочно указать на причины, прежде ускользавшія отъ наблюденія.

Первый по времени литературный типъ недовольнаго — это Евгений Онѣгинъ. Рисуя своего героя, Пушкинъ былъ вполнѣ вѣренъ дѣйствительности, онъ констатировалъ фактъ, въ истинности втораго невозможно было сомнѣваться. Писаревъ, въ своемъ увлечении вандализмомъ противъ прошлаго, низвергъ недовольство Онѣгина на ступень барской прихоти, бѣснованія отъ жира. Здѣсь не място спорить противъ такого взгляда, нелѣпость его слишкомъ сильно бьетъ въ глаза, несомнѣнно лишь то, что значеніе Онѣгина гораздо глубже, нежели полагалъ талантливый представитель реализма шестидесятыхъ годовъ. Мы по крайней мѣрѣ видимъ въ Онѣгинѣ весьма яркое отраженіе того неудовольствія окружающими, что съ такою силой стало проявляться съ начала текущаго столѣтія и достигло апогея въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Извѣстное настроеніе, извѣстное чувство, распространяясь на большее количество людей, теряетъ характеръ строгой сознательности и человѣкъ, даже не особенно много думающій, какъ-бы въ воздухѣ, которымъ дышеть, находить сѣмяна общаго настроенія, которое и въ немъ начинаетъ пускать ростки. Когда известная сила распредѣляется между многими факторами, то интенсивность ея въ каждомъ отдельномъ случаѣ неизбѣжно уменьшается. Слѣдовательно, если мы въ Онѣгинѣ и не замѣчаемъ стройнаго, оформленнаго міросозерцанія, то онъ все-же какъ дитя своего времени несомнѣнно указываетъ, что въ обществѣ, изъ котораго онъ вышелъ, созрѣлъ протестъ противъ существующаго. А въ такомъ случаѣ мы, не опасаясь упрека въ натяжкѣ, имѣемъ право искать причины рассматриваемаго явленія даже тамъ, где Онѣгинъ ихъ и не подозрѣваетъ.

Онѣгинъ, а вслѣдъ за нимъ Печоринъ представляютъ еще самые просвѣщенные типы недовольныхъ. При некоторомъ умственномъ напряженіи они бы и сами дошли до полнаго объясненія своего состоянія. Другіе типы недовольныхъ менѣе интеллигентны и нужно не мало труда, чтобы очистить толстую кору постороннихъ вліяній и добраться до сущности. Если вы въ срединѣ обширнаго озера произведете взрывъ, вода вокругъ быстро придетъ въ сильное волненіе и огромными волнами обнаружитъ нарушеніе своего покоя. Но помѣрѣ распространенія своего сила волнъ все уменьшается и уменьшается, все болѣе и болѣе удаляясь отъ причины своего ненормального состоянія. Если наблюдатель случайно будетъ находиться на берегу, то безъ сомнѣнія видѣть волнъ придется его въ недоумѣніе: съ первого раза, ни о чёмъ не предчувствуемый, онъ будетъ теряться въ догадкахъ причинъ страннаго явленія и откроетъ ихъ только послѣ внимательнаго анализа мѣстности, где дѣло происходитъ. Тоже самое съ типами недовольныхъ. Болѣзнь вѣка претерпѣваетъ самые разнообразныя метаморфозы и въ различныхъ видахъ выходить наружу. Вотъ отчего съ первого взгляда можетъ показаться парадоксомъ мысль о духовномъ родствѣ Онѣгина

сь Чулкатуринъ. Что общаго, скажутъ намъ,—между пресыщеннымъ побѣдами и успѣхами въ жизни герояемъ Пушкинскій поэмы и робкимъ, мнительнымъ авторомъ, «Дневника лишняго человѣка». Одинъ страдаетъ оттого, что удача ему надѣла, другой оттого, что она ему не далась. Всѣ эти возраженія вполнѣ справедливы, но они ничуть не вліяютъ на высказанную нами мысль. Да, Онѣгинъ и Чулкатуринъ недовольны отъ различныхъ причинъ, но тѣмъ не менѣе ихъ неудовольствіе выросло на одной и той-же почвѣ. Если бы сущность ихъ томленія не была-бы одна и та-же, они, при неоднаковости условій, должны были-бы прийти къ различнымъ результатамъ. А между тѣмъ, ничего подобнаго не замѣчается. Многое заставляетъ насъ предполагать, что Чулкатуринъ, даже при удачѣ, едва-ли измѣнилъ бы господствующій въ немъ духъ неудовлетворенности. И въ самомъ дѣлѣ. Чулкатуринъ—натура глубокая. Онъ чувствуетъ гораздо тоньше, чѣмъ окружающіе его. Если неудачи такъ сильно на него повлияли, то это намъ даетъ основаніе предполагать, что и въ противномъ случаѣ онъ не удовлетворился-бы достигнутымъ успѣхомъ. Въ большинствѣ случаевъ человѣкъ впечатлительный никогда не бываетъ пошлымъ. Чулкатуринъ человѣкъ къ тому еще далеко не безъ развитія, впечатлительный, стремящійся; слѣдовательно, мы не будемъ неправы, если предположимъ, что онъ едва-ли удовлетворился-бы мелкимъ чувствомъ, доставляемомъ жизненными «удачами». Не хуже разныхъ другихъ представителей провидціальной жизни, Чулкатуринъ былъ-бы очень удовлетворительнымъ помощникомъ, семьяниномъ и т. д. Но ему хотѣлось во чтобы ни то стало жить иною жизнью, чѣмъ окружающіе его, ему претило животное прозябаніе, погрязшее въ мелочахъ ежедневной жизни. Сознаніе, что онъ по многимъ качествамъ своимъ стоитъ выше тѣхъ самыхъ господъ, которые свысока на него смотрѣли, это чувство неотступно грызло его и не давало ему удовлетвориться какой нибудь вседневной дѣятельностью. Его нелюдимость, его неловкость въ обращеніи ничто иное, какъ слѣдствіе большихъ его требованій, не гармонирующихъ съ

данными ему отъ природы средствами. При другомъ порядке вещей, онъ удовлетворился бы скромною долею хотя мелкаго труженика, но за то работающаго для великаго дѣла. Въ сороковыхъ же-годахъ, когда никакихъ опредѣленныхъ цѣлей не существовало, всякий-стремился къ грандиознымъ мировымъ цѣлямъ и понятно, что изъ этого кромъ ряда разочарованыхъ людей ничего не выходило. Чулкатуринь мельче плавалъ, нежели Рудины, но безъ общей съ ними заслуги онъ не явился бы такимъ грустнымъ представителемъ предшествующей эпохи. Мы и не думаемъ его поставить наряду съ ними. Наши требованія несравненно скромнѣе и сводятся только къ тому, чтобы доказать, что Чулкатуринь разновидность онѣгинскаго типа, разновидность положимъ крайне безобразная, но все таки имѣющая общіе признаки съ своимъ родоначальникомъ. Онѣгинъ — это первый періодъ общественной опухоли, первый признакъ злочастственной гангрены, указывающей на необходимость радикальной операции; Чулкатуринь-же — это крайній предѣлъ нагноенія — дальше при такихъ условіяхъ нарывъ не можетъ существовать совмѣстно съ нормальнымъ организмомъ. Онъ долженъ повлечь за собою гибель.

И такъ въ «Дневнике лишняго человѣка» мы имѣемъ дѣло съ концемъ патологического процесса на тѣлѣ русскаго общества. Послѣ него, въ слѣдующихъ произведеніяхъ Тургенева мы уже будемъ имѣть дѣло съ переломомъ русской жизни, съ наростаніемъ новаго порядка.

Помимо глубины основной своей тенденціи, «Дневникъ» чрезвычайно замѣтательенъ по художественной отдѣлкѣ. Несмотря на нѣсколько еднообразный тонъ изложенія, онъ производить очень сильное впечатлѣніе обилиемъ поэтическихъ красотъ, какъ нельзя болѣе подходящихъ къ грустному настроенію всей повѣсти. Какъ не прийти въ восторгъ напримѣръ отъ слѣдующаго мѣста.

«Мы гуляли довольно долго, до самаго вечера, и мало разговаривали. Я молчалъ, какъ всѣ неопытные любовники, а ей вѣроюто, ничего было мнѣ сказать; по она словно о чёмъ-то размышляла и какъ-то особенно по-

качивала головой, задумчиво кусая сорванный листъ. Иногда она принималась идти впередъ, такъ рѣшительно.... а потомъ вдругъ останавливалась, ждала меня и огладывалась кругомъ съ приподнятыми бровями и разсѣянной усмѣшкой. Наказуя мъ съ бей вмѣстѣ прочли «Кавказскаго Плѣнника». Съ какой жадностью она меня слушала, опершись лицомъ на обѣ руки и прислонясь грудью къ столу! Я было заговорилъ съ вчерашнемъ чтеніемъ: она покраснѣла, спросила меня, даль-ли я передъ отъездомъ снигирю кокопляннаго стѣнки, громко загѣла какую-то пѣсенку и вдругъ замолчала. Роща съ одной стороны коячалась довольно высокимъ и крутымъ обрывомъ; внизу текла извилистая рѣчка, а за ней на необозримое пространство тянулись, то слегка вздымаясь, какъ волны, то широко разстилаясь скатертью, бесконечные луга, кой-гдѣ перерѣзанные оврагами. Мы съ Лизой первые вышли на край рощи; Бизьмѣнковъ остался позади съ старухой. Мы вышли, остановились и оба не вольно прищурили глаза: прямо противъ насъ, среди раскаленнаго тумана, садилось багровое, огромное солнце. Полиеба разгоралось и рдѣло; красные лучи были вскользь по лугамъ, бросая алый отблескъ даже на тѣнистую сторону овраговъ, ложились огнестыемъ свинцомъ по рѣчкѣ, тамъ, гдѣ она не пряталась подъ нависшіе кусты, и словно упирались въ грудь обрыва и рощѣ. Мы стояли, облитые горячимъ сияніемъ. Я изъ состояніи передать всю отрастную торжественность этой картины. Говорить, одному слѣпому красный цѣль представился трубнымъ звукомъ; не знаю, на сколько это сравненіе справедливо, но дѣйствительно было что-то призывающее въ этомъ пылающемъ золотѣ вечерняго воздуха, въ багряномъ блескѣ неба и земли. Я вскрикнулъ отъ восторга и тотчасъ обратился къ Лизѣ. Она глядѣла прямо на солнце. Помнится, пожаръ зари отражался маленькими огненными пятнышками въ ея глазахъ. Она была поражена, глубоко тронута. Она ничего не отвѣчала на мое воскликаніе, долго не шевелилась, потупила голову.... Я протянуль къ неї руку; она отвернулась отъ меня и вдругъ залилась слезами. Я глядѣль на нее съ тайнымъ, почти радостнымъ недосуѣніемъ.... Голосъ Бизьмѣнкова раздался въ двухъ шагахъ отъ насъ. Лиза быстро оттерла слезы и съ нерѣшительной улыбкой посмотрѣла на меня. Старуха вышла изъ рощи, опираясь на руку своего бѣлокураго вожатаго; оба въ свою очередь полюбовались видомъ. Старуха спросила что-то у Лизы, и я, помню, невольно задрогнулъ, когда ей въ отвѣтъ прозвучалъ, какъ надтреснувшее стекло, разбитый голосокъ ея дочери. Между тѣмъ, солнце садилось, заря начала гаснуть. Мы пошли назадъ. Я опять взялъ Лизу подъ руку. Въ рощѣ было еще светло, и я ясно могъ различить ея черты. Она была смущена и не поднимала глазъ. Румянецъ, разлитый по всему ея лицу, не исчезалъ: словно она все еще стояла въ лучахъ заходящаго солнца.... Рука ея чуть касалась моей. Я долго не могъ начать рѣчи: такъ сильно билось во мнѣ сердце. Сквозь деревья вдали замелькала карета; кучерь шагомъ бѣхъ къ намъ на встречу по рыхлому песку дороги.

— Лизавета Кирилловна, промолвилъ я, наконецъ: отчего вы заплакали?

— Не знаю, возразила она, послѣ небольшаго молчанія, посмотрѣла на

меня своими кроткими, еще влажными отъ слезъ глазами—взглядъ ихъ показался мнѣ измѣненнымъ—и опять умолкла».

Вторую половину этой сцены мы привели для того, чтобы показать, что самъ Тургеневъ о своемъ герой не особенно дурного мнѣнія. Человѣкъ настолько тонко чувствующій какъ Чулкатурина, ипъ въ какомъ случаѣ пошлымъ названіе быть не можетъ. Если-бы въ немъ не засѣль Оябгинскій червь, онъ жиль-бы, можетъ быть, весьма «счастливо». Несчастіе его состояло только въ томъ, что онъ, подобно Гамлету Щигровскаго уѣзда, былъ преисполненъ хорошихъ намѣреній — и ничего болѣе. Между нимъ и Рудиномъ есть существенные черты сходства, разница только та, что послѣдній есть блестящій представитель безхарактерности русской интеллигенціи, а Чулкатурина такое-же лицо, но безъ достоинствъ, которыми Рудинъ обладаетъ. Создавая своего «Лишняго человѣка», авторъ очевидно задавался цѣлью произвести какъ можно болѣе сильное впечатлѣніе и вотъ почему при рисовкѣ Чулкатурина употребилъ весьма яркія краски. Цѣль его была достигнута: русское общество съ ужасомъ отшатнулось отъ нѣсколько обезображенаго, но все-же похожаго изображенія своего, и въ увлечениіи своемъ отрещивалось отъ какой-бы то ни было общности съ болѣзненною фигурою Чулкатурина. Эта ужасъ показывала, что въ русскомъ обществѣ уже созрѣла необходимость другаго строя, что инертность ему надѣла и оно ищетъ широкаго поля дѣятельности, на которомъ-бы на свободѣ могли развернуться застоявшія силы.

Повѣсть «Три встрѣчи» всецѣло принадлежитъ въ область «искусства для искусства». О руководящей идеѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Фигурально выражаясь, это благоуханный цветокъ, ароматъ котораго съ наслажденiemъ влекаешь, но другихъ существенныхъ качествъ не представляющій. Тутъ вся суть въ отдѣлкѣ, въ переложеніи она теряетъ всю свою прелесть. Нужно заставить замолкнуть на нѣсколько времени

холодный умъ съ его требованіями и наслаждаться прелестною неопределенностю изложения, нѣжнымъ колоритомъ всей новѣти. Нужно заставить говорить самого автора, вмѣсто того, чтобы анализомъ доходить до уразумѣнія выставленныхъ типовъ. Безподобная художественная отдѣлка закрываетъ ротъ критику, ищущему прежде всего мысли, а не формы. Поневолѣ начинаешь не особенно строго относиться къ эстетику, который видѣть мысль уже въ томъ обстоятельствѣ, что форма безукоризнена. Да, если всѣ приверженцы «искусства для искусства» будутъ разрабатывать свои сюжеты, какъ Тургеневъ въ «Трехъ встрѣчахъ», то споръ съ этимъ взглядомъ станетъ очень и очень затруднителенъ. Положимъ, логические принципы говорятъ вамъ другое, выставляютъ иныхъ требованія, но... но «грѣшить такъ приятно» выражается кто-то, гдѣ-то. Тургеневу еще въ два раза скорѣе можно простить на ряду съ превосходною формою иногда появляющуюся безъ-вѣйность. Въ его произведеніяхъ, взятыхъ въ совокупности, таъ мнѣ много мысли, что отсутствіе ея въ той или другой повѣсти болѣе чѣмъ легко ему прощается. Послѣ капитальныхъ вещей, составляющихъ эпоху въ литературѣ, Тургеневъ какъ-бы отдыхаетъ и блузится красивыми бездѣлушками. Въ его творчествѣ замѣчаются полосы, болѣе или менѣе обильныя плодами. Какъ у всякаго впечатлительного человѣка, настроение его не всегда одинаково и эти субъективные особенности отражаются на сочиненіяхъ Тургенева весьма ощущительнымъ образомъ. Субъективность, проявляющаяся въ «Трехъ встрѣчахъ» настолько сильна, что вамъ дѣйствительно кажется истиннымъ описываемое происшествіе. Трудно вѣрится, чтобы путемъ кабинетнаго, абстрактнаго творчества могло вылиться подобная сцена.

«Я перешелъ черезъ широкую дорогу, осторожно прорвался сквозь запыленную крапиву и прислонился къ вязкому плетню. Неподвижно лежать передо мною небольшой садъ, весь озаренный и какъ-бы успокоенный серебряными лучами луны — весь благовонный и влажный; разбитый по старинному, онъ состоять изъ одной продолговатой поляны. Прямые дорожки сходились изъ самой ея серединѣ въ круглую клумбу, густо заросшую астрами; высокія липы окружали ее ровной каймой. Въ однѣмъ только кѣстѣ прерывалась эта кайма

сажени на дѣѣ, и сквозь отверстіе видѣлась часть кизельского дома съ двумя къ удивленію моему, осѣщенными окнами. Молодняк яблони кое-гдѣ возвышалась надъ поляной; сквозь ихъ жидкія вѣти кротко синѣло ночное небо, лежа на дремотный свѣтъ луны; передъ каждой яблоней лежала на бѣльющей травѣ ея скабая, чистрая тѣнь. Съ одной стороны сада лишь смутно зеленѣли, облитыя неподвижнымъ, блѣдно-яркимъ свѣтомъ; съ другой онѣ стояли всѣ черные и беспрозрачныя; странный, сдержанній шорохъ возникалъ по временамъ въ ихъ сплошной листѣ; онѣ какъ будто звали на пропадавшія подъ ними дорожки, какъ будто манили подъ свою глухую стѣну. Все небо было кипящено звѣздами; таинственно струилось съ вышинъ ихъ голубое, мягкое мерцанье; онѣ, казалось, съ тихимъ вниманіемъ глядѣли на далекую землю. Малыя, тонкія облака, изрѣдка налетая на луну, превращали на мгновеніе ея спокойное сіяніе въ неясный, но свѣтлый туманъ... Все дремало. Воздухъ, весь теплый, весь пахучій, даже не колыхался; онѣ только изрѣдка дрожали, какъ дрожитъ вода, возмущенная паденіемъ вѣтки... Какан-то жажда чувствовалась въ немъ, какое-то млѣніе.... Я нагнулся черезъ плетень: передо мной красный полевой маѣ поднималъ изъ заглохшей травы свой прямой стебелекъ; большая круглая капля ночной росы блестѣла темнѣмъ блескомъ на дѣѣ раскрытаго прѣѣтка. Все дремало, все изѣжалось вокругъ; все какъ будто глядѣло вверхъ, вытанувшись, не шевелясь и выжидало.... Чего ждала эта теплая, эта не заспвшая ночь?

Звука ждала она; живаго голоса ждала эта чуткая тишина — но все молчало. Соловьи давно перестали пѣть... а внесанное гудѣніе мимолетнаго жука, легкое чмоканье малкой рыбы въ сажалкѣ за липами на концѣ сада, сонливый свистъ встрепенувшейся итички, далекій крикъ въ полѣ, до того далекій, что ухо не могло различать, человѣкъ-ли это прокричалъ, или звѣрь, или птица, короткій, быстрый топотъ по дорогѣ: всѣ эти слабые звуки, эти шелесты только усугубляли тишину.... Сердце во мнѣ томилось неизѣяснимымъ чувствомъ, похожимъ не то на ожиданье, не то на воспоминаніе счастья. Я не смѣлъ шевельнуться, я стоялъ неподвижно передъ этимъ неподвижнымъ садомъ, облитымъ и луннымъ свѣтомъ и росой, и, не знаю самъ почему, неотступно глядѣлъ на тѣ два окна, тускло краснѣвшія въ мягкой полутѣни, какъ вдругъ раздался въ домѣ аккордъ, — раздался и прокатился волною.... Радостительно-веселый воздухъ отгрызнулъ эхомъ... я невольно вздрогнулъ.

Всѣдѣ за аккордомъ раздался женскій голосъ... Я жадно старай вслушиваться — и... могу ли выразить мое изумленіе?... Два года тому назадъ въ Италии, въ Сорренто, слышалъ я ту-же самую пѣсню, тѣть-же самый голосъ... Да, да...

Vieni pensando a me segretamente...

Это она, я узналъ ихъ, это тѣ звуки.... Вотъ какъ это было. Я всѣ возвращался домой, послѣ долгой прогулки на берегу моря. Я быстро шелъ по улицѣ; уже давно настала ночь, — великолѣпная ночь, южная, не тихая и

грустно задумчивая, какъ у часъ, чѣты! вся свѣтлая, роскошная и прекрасная, какъ счастливая женщина въ цвѣтѣ лѣта: луна свѣтила невѣрою ярко; большія, лущистыя звѣзды, такъ и шевелились на темно-синемъ небѣ; рѣзко отдѣлялись черныя тѣки отъ освѣщенной до желтизны земли. Съ обѣихъ сторонъ улицы тянулись каменные ограды садовъ; апельсинные деревья поднимали надъ ними свои кривыя вѣтки, золотые шары тяжелыхъ плодовъ то чуть виднѣлись, спрятанные между перепутанными листьями, то ярко рдѣли, пышно выставившись на луну. На многихъ деревьяхъ пѣжою блѣли цвѣты; воздухъ весь былъ напоенъ благовониемъ, томительно-сильнымъ, острымъ и почти тяжелымъ, хотя невыразимо сладкимъ. Я шелъ и, признаваться, успѣвъ уже привыкнуть ко всѣмъ этимъ чудесамъ, думалъ только о томъ, какъ-бы поскорѣй добраться до моей гостиницы, какъ вдругъ изъ одного небольшаго павильона, надстроенного надъ самой стѣной ограды, вдоль которой я спѣшилъ, раздался женскій голосъ. Онъ пѣлъ какую-то пѣсню, мнѣ незнакомую, и въ звукахъ его было что-то до того призывающее, онъ до того казался самъ проницнутъ страстнымъ и радостнымъ ожиданіемъ, выраженнымъ словами пѣсни, что я тотчасъ невольно остановился и поднялъ голову. Въ павильонѣ было два окна; но въ обеихъ жалузи были спущены, и сквозь узкія ихъ трещинки едва струился матовый свѣтъ. Повторивъ два раза — *vieni, vieni*, голосъ замеръ; послышался легкій звонъ струнъ, какъ-бы отъ гитары, упавшей на коверъ, платье зашелестѣло, поль слегка скрипнуло. Полоски свѣта въ одномъ исчезли... кто-то изнутри подошелъ и прислонился къ нему. Я сдѣлалъ два шага назадъ. Вдругъ жалузи стукнуло и распахнулось; стройная женщина, вся въ бѣломъ, быстро выставила изъ окна свою прелестную голову и, прятывъ ко мнѣ руки, проговорила: «*Sei tu?*». Я потерялся, не зналъ что сказать, но въ то-же мгновеніе незнакомка съ легкимъ крикомъ откинулась назадъ, жалузи захлопнулись, и огонь въ павильонѣ еще болѣе померкъ, какъ будто вынесенный въ другую комнату. Я остался неподвиженъ и долго не могъ опомниться. Лицо женщины, такъ внезапно появившись передо мною, было поразительно прекрасное. Оно слишкомъ быстро мелькнуло передъ моими глазами для того, чтобы я могъ тотчасъ-же запомнить каждую отдѣльную черту но общее впечатлѣніе было несказанно сильно и глубоко.... Я тогда-же почувствовалъ, что этого лица я вѣѣтъ не забуду. Мѣсяцъ ударялъ прямо въ стѣну павильона, въ то окно, откуда она мнѣ показалась, и Боже мой! какъ великолѣко блеснули въ его сіяніи ея большие темные глаза! какой тяжелой волной упали ея полу-распущенныя черные волосы на приподнятое круглое плачо! Сколько было стыдливой иѣги въ мягкому склоненіи ея стана, сколько ласки въ ея голосѣ, когда она окликнула меня — въ этомъ торопливомъ, но все еще звонкомъ шепотѣ!»

Читатели, надѣемся, легко простятъ намъ длинную выписку. Въ приведенныхъ мѣстахъ разбросано столько поэтическихъ красотъ, гоголевской кистью набросана такая пора-

зительно - яркая картина лѣтней ночи, что намъ становится вполнѣ понятно, отчего Тургеневъ, несолько лѣтъ даже до появленія «Рудина», въ рецензіяхъ тогдашнихъ журналовъ всегда появлялся съ эпитетомъ «любимый публикой писатель». Дѣйствительно, трудно было не полюбить автора, который весь раскрывался передъ читателемъ, который своей интересной субъективностью вводилъ въ привлекательный внутренний міръ развитаго и тонко - чувствующаго человѣка. На «Трехъ встрѣчахъ» печать личности автора необыкновенно сильна и ею объясняется неотдѣланность повѣсти, ея эскизный характеръ. «Три встрѣчи» кончаются ничѣмъ: любопытство читателя такъ любопытствомъ и остается. Оно неудовлетворяется таинственной полу-развязкой, что и придаетъ всей повѣсти свойство дѣйствительного приключенія, происшествія, которое въ сущности довольно неинтересно само по себѣ, но приковывающаго наше вниманіе въ первоклассномъ изложеніи творца «Записокъ Охотника». Читающая публика недаромъ такъ скоро и рано отдала свои симпатіи автору «Трехъ встрѣчъ». Она инстинктивно понимала, что такая первоклассная форма рано или поздно должна натолкнуться на первоклассный сюжетъ и совокупность этихъ двухъ качествъ беллетристического произведенія сольется въ одно прекрасное цѣлое.

Слѣдующая повѣсть «Муму», появилась въ «Современ.» на 1854 г. (№ 3). Она распадается на двѣ части: на изображеніе барской жизни прежнаго времени и на постановку характера глухонѣмого дворника Герасима. Обѣ задачи исполнены весьма удовлетворительно. Выполненіе второй части повѣсти показываетъ въ Тургеневѣ замѣчательное чутье правды. Въ самомъ дѣлѣ: какъ легко можно было увлечься сентиментальностью при воспроизведеніи такого обиженнаго природою существа, какъ глухонѣмой Герасимъ. Въ изображеніи автора такъ и мелькаетъ при этомъ Квазимодо изъ «Парижской Богоматери», такъ и соблазняетъ его придать

дѣлу мелодраматической характеръ, который не тає строго будетъ обсужденъ вслѣдствіе необыденности выставляемой личности. Но Тургеневъ не погнался за дешевымъ эффектомъ и въ угоду ему не пожертвовалъ требованіями дѣйствительности. Его исторія любви нѣмаго къ собачкѣ, и безъ всякихъ прикрасъ, вышла достаточно «трогательна». Дѣйствительность, ежедневная жизнь тоже иногда содержитъ свои глубокія драмы и нужно только хорошенько въ нихъ всмотрѣться, чтобы найти тамъ эффекты, не менѣе поразительные, чѣмъ таковы французской романтической школы. Возьмите хотя-бы того-же Герасима. Природа наградила его силой, цѣвущими здоровьемъ, которая въ свою очередь породили въ немъ жажду и потребность дѣятельности. Не зная никакихъ другихъ потребностей, онъ вполнѣ доволенъ сознаніемъ исполненной обязанности. Когда онъ сдѣлаетъ свое дѣло — онъ чувствуетъ себя въ самомъ лучшемъ состояніи. Но человѣкъ не созданъ изъ одной положительности. Сердце, даже у глухонѣмаго, отъ времени до времени предъявляетъ свои права и настойчиво требуетъ удовлетворенія. Глухому Гараскѣ понравилась дворовая девка — горничная Татьяна и онъ на свой неловкій манеръ начинаетъ за ней ухаживать. Но любовь вслѣдствіе разныхъ причинъ вышла неудачна. Тургеневъ не заставилъ, однако же, своего глухаго прийти въ бѣшенство и обнаружить какія-нибудь звѣрскія наклонности. Лучше понимая глубокую славянскую натуру, авторъ рѣшилъ, что взрывъ страстей не особенно будетъ подходящъ къ ней. Но развѣ не заключается цѣлая драма въ слѣдующихъ словахъ.

«Герасимъ постоялъ, поглядѣль на нее, махнулъ рукой, усмѣхнулся и пошелъ, тяжело ступая, въ свою каморку. Цѣлыхъ сутки не выходилъ она оттуда. Форейторъ Антипка сказывалъ потомъ, что она сквозь щелку видѣла, будто Герасимъ, сидя на кровати и приложивъ къ щекѣ руку тихо, мѣрно и только изрѣдка мыча—пѣль, т. е. покачивался, закрывалъ глаза и ветряхивалъ головой, какъ ящерицы или бурлаки, когда они затягиваютъ свои заунывныя пѣсни. Антипкѣ стало жутко, и она отошла отъ щели».

Не одному Антипкѣ должно было жутко стать. Тихое, но сильное горе производить на насъ гораздо болѣе сильное

впечатлѣніе, чѣмъ порывистое, театральное. Нѣмое страдающее лицо — говорить само за собою и совершенно инстинктивно возбуждаетъ вашу симпатію. Вотъ оттого вся повѣсть о привязанности Герасима къ найденной имъ собачкѣ такъ неотразимо, такъ сильно дѣйствуетъ на читателя. Не знаемъ, какъ другіе, но авторъ настоящаго труда, рискуя получить заслуженный упрекъ въ сентиментальности, долженъ сознаться, что неоднократное чтеніе «Муму» всегда вызывало на его глаза слезы. Есть что-то глубоко щемящее за сердце въ любви одного безсловеснаго существа къ другому такому-же безсловесному, въ этомъ союзѣ полнаго силъ глухаго богатыря съ слабымъ, беспомощнымъ созданіемъ.

Отрѣшившись на этотъ разъ отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ темъ, Тургеневъ задался разрѣшеніемъ интересной психологической задачи и, нужно ему отдать справедливость, исполнилъ ее весьма удачно. Онъ не заставилъ своего Герасима броситься въ воду вмѣстѣ съ утаилимаемой имъ собаченкой, не послалъ его совершать какой-нибудь экцентричный подвигъ. Съ первого раза кажется нѣсколько страннымъ и непонятнымъ, что глухой дворникъ, который любилъ найденную имъ собачку не въ меньшей степени, чѣмъ мать своего ребенка, самъ-же рѣшается, по приказанію своей барыни, исполнить смертный приговоръ надъ обласканымъ имъ животнымъ. Но противорѣчие это только кажущееся. Герасимъ выросъ при условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ обыкновенныхъ. Не имѣя частыхъ сношений съ людьми и не имѣя возможности ближе узнать ихъ дрянность, онъ все прикимаетъ за чистую монету. Всякий человѣческий поступокъ является въ его глазахъ имѣющимъ несомнѣнную основательную подкладку. На этомъ основаніи барыня его, которую онъ никогда и въ глаза не видѣлъ, представляется въ его искреннемъ міросозерцаніи чѣмъ-то высшимъ, миѳическимъ. Онъ видѣть какъ всѣ приказанія барыни безпрекословно исполняются, видѣть, что нѣсколько десятковъ людей только для того и существуютъ, чтобы угождать и поддерживать дряхлую старуху. Неудивительно послѣ этого, что Герасимъ,

все мѣряющій на свой честный, откровенный и прямой аршинъ, проникается твердымъ убѣженіемъ, что воля этой самой барыни должна быть для него высшимъ закономъ. Долгъ въ его глазахъ имѣть очень важное значеніе и онъ не позволяетъ себѣ ни на шагъ отъ него отступать. Поэтому не въ Герасимѣ готовность исполнить жестокую волю барыни была бы неестественна, но нашъ-глухонѣмой, при чрезвычайности тѣхъ обстоятельствъ, который создали его нравственный міръ, очень легко могъ себѣ привить добродѣтели, отзывающіяся древнимъ Римомъ. Такія фигуры, какъ Герасимъ, дѣлаютъ для насъ уже не столь непонятными нѣкоторые факты изъ античной исторіи, когда человѣкъ былъ менѣе испорченъ и въ основу всѣхъ его поступковъ и дѣйствій ложилось *должное*. Герасимъ—дитя природы, индѣйская фигура Фенимора Купера, только съ большою долею жизненной правды. Слѣдовательно, рѣшимость собственными руками утопить «Муму» указываетъ намъ не на ошибку автора, а на желаніе его нарисовать намъ крѣпкую натуру, которая должна пристыдить разныхъ «лишнихъ людей» активностью своего нравственного существа. У Герасима было свое горе, не менѣе глубокое, чѣмъ у Чулкатурина и все таки онъ не раскисъ, и не превратился въ вѣчно-ноющее существо. Главную причину тутъ слѣдуетъ искать въ томъ, что Герасимъ имѣлъ свое дѣло, свою обязанность, между тѣмъ какъ Гамлеты Щигровскаго уѣзда и Чулкатурины жили диллентантами и отъ бездѣлья въ два раза сильнѣе хныкали. Они не имѣли того великаго утѣшенія больной души, что приобрѣтается сознаніемъ исполненнаго долга и трудовой жизни.

«Два Пріятеля» интересны для насъ личностью одного изъ «Двухъ Пріятелей» — Вязовнина. Интересенъ онъ для насъ тѣмъ, что представляетъ собою средній типъ недовольныхъ людей. Онѣгинъ, Печоринъ—наиболѣе уваженія достойные изъ прежнихъ *Kulturtr鋐er* нашего, Чулкатуринъ—

наименѣе имѣющій право претендовать на подобныя чувства по отношенію къ нему. Вязовинъ-же занимаетъ средину и потому только слегка скучаетъ, слегка тоскуетъ, имѣть слегка возвышенные идеалы; онъ не пошлять и не идеалистъ; добръ, больше по мягкости характера, однимъ словомъ «золотая середина»—но середина недовольная, потому что онъ неудовлетворяется своимъ тихимъ безмятежнымъ «счастіемъ» и при всемъ томъ, что любить и даже уважаетъ свою молодую жену—его тянетъ въ большой городъ, за границу, чтобы увидѣть вокругъ себя настоящую жизнь, а не физиологическое проростаніе. Если недовольствіе настоящимъ проникло до сознанія Вязовинъ, то мы въ этомъ должны усмотреть ясное указаніе о томъ, что «кружокъ», про который мы говорили при разборѣ «Дневника лишняго человѣка», къ концу сороковыхъ годовъ принялъ самые широкіе размѣры и увлекалъ за собою всякого мало-мальски развитого человѣка. Новый порядокъ долженъ быть настать, потому что все русское общество съ нетерпѣніемъ его ожидало.

Слѣдующая за «Двумя пріятелями» повѣсть «Затишье» принадлежитъ къ тѣмъ, которыя мы причисли-бы къ «Oeuvres choisies» Тургенева, еслибы онъ захотѣлъ выпустить въ свѣтъ подобное изданіе. Помимо другихъ интересныхъ лицъ «Затишье» выдвигаетъ на первый планъ такие два типа, которые не должны быть забыты, если обнять умственнымъ взоромъ прошлое нашего общества. Впрочемъ мы не особенно настаиваемъ на словѣ *типа*, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ геройнѣ—Машѣ. Такія женщины составляютъ исключеніе и показываютъ только, какія крѣпкія фигуры иной разъ выдвигаются неказистая родная обстановка.

«Марья Павловна его поразила. Давно не видывалъ онъ такой прямой русской, степной красоты. Она скоро вернулась, сѣла на диванъ, и осталась неподвижной. Волосы свои она убрала, но платья не перемѣнила, не надѣла даже маништокъ. Черты ея лица выражали не то, чтобы гордость, а суровость, почти грубость; лобъ ея былъ широкъ и низокъ, посы коротковъ и прямъ; длинная и медленная усмѣшка кривила ея губы; презрительно хмурились ея прямые брови. Она почти постоянно держала свои большие, темные глаза опущенными. Я знаю, казалось, говорило ея непривѣтное молодое лицо,

я знаю, что вы все на меня смотрите, вы смотрите, надейте! Когда же она поднимала свои глаза, въ нихъ было что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взоръ лани. Сложеня она была великолѣпно. Классический поэзъ сравнилъ бы ее съ Церерой или Юноной.

Маша является не совсѣмъ однокою въ галлерѣи Тургеневскихъ портретовъ. Въ одномъ изъ капитальнѣйшихъ произведеній нашего беллетриста, въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», главное дѣйствующее лицо — Лиза Калитина носить на себѣ очень многія черты сходства съ нею. Обѣ онѣ отличаются совершеннымъ отсутствіемъ даже намека на мелодраматичность и глубокой трагизмы ихъ фигуръ имѣть единственную причину самую сущность ихъ положенія. Маша звѣздѣ съ неба, какъ и Лиза, не хватаетъ, она не любить такъ называемыхъ «умныхъ» разговоровъ, но тѣмъ не менѣе ею способенъ заинтересоваться даже развитой человѣкъ, потому что (повторяю это опять) нравственная мощь въ какихъ-бы формахъ она не проявлялась всегда производить свое дѣйствіе. Все равно какъ даже прожившій много лѣтъ въ вихрѣ европейской жизни, гдѣ нибудь въ Парижѣ или въ Лондонѣ, съ наслажденіемъ можетъ провести время среди здороваго населения американскаго «Far West», проводящаго свою жизнь среди ободряющаго воздуха первобытныхъ лѣсовъ, такъ и взоръ наблюдателя, утомленный тепличными фигурами большинства нашихъ интеллигентныхъ женщинъ прежнаго времени, вѣчно находившихся въ какомъ-то слатающемъ неопределенному томлѣнію, съ отрадою останавливается на неистощенной «черноземной» натурѣ Марии. Цивилизациѣ, съ своею неизбѣжною спутницей — пошлостью, не подожила еще на нее своихъ желѣзныхъ лапъ и она во всей своей первобытной крѣпости является предъ нашимъ умственнымъ взоромъ. Вы имѣете дѣло съ богатой золотоносной жилой, которую нужно умѣючи эксплоатировать, чтобы достигнуть самыхъ успѣшныхъ результатовъ.

Мы не будемъ дѣлать выписокъ изъ прелестныхъ страницъ «Затишья»; желающіе проверить наши взгляды пусты возобновить въ своей памяти фигуры дѣйствующихъ лицъ,

еще разъ перечитавъ повѣсть. Наше дѣло — только пріохотить ко вторичному чтенію.

Какъ и въ Лизѣ Калитиной, кромѣ грандіозности финала, въ «Затишье» очень мало крупныхъ чертъ, которыхъ оправдывали бы данную намъ характеристику Марии. Но этихъ крупныхъ чертъ никто и не вправѣ отъ насъ и требовать. Откуда-же въ Курской губерніи взяться случаемъ, гдѣ-бы проявились эти самыя черты? Подвернулся — одинъ ну, Мария и показала свой «характеръ». А тамъ въ обыденной жизни намъ приходиться уже нѣсколько прибѣгнуть въ «философіи», чтобы въ достаточной степени одѣнить степную Юонону. За ея угрюмостью и суровостью нескрываются ничего черстваго, ничего жесткаго. Когда она поетъ малороссійскія пѣсни, то задушевности, съ которой она это дѣлаетъ слившимъ достаточно, чтобы изгнать всякое подобное подозрѣніе. Замѣчательная черта въ степной барышнѣ — она не любить «сладкихъ» стиховъ. Но за то глубокая поэзія Пушкинскаго «Анчара» производить на нее очень сильное впечатлѣніе и она съ наслажденіемъ нѣсколько разъ перечитываетъ прекрасное стихотвореніе. Полюбивъ Веретьевъ за ширину его натуры, она не можетъ, однако же, равнодушно видѣть его шутовства и дѣлаетъ ему по этому случаю весьма горькие упреки. Полюбила она тоже не «такъ себѣ», слегка, отъ скучи. Любовь ея не порывиста, южная, которая именно вслѣдствіе страстности своей, очень часто остываетъ, но за то теряя во внѣшности, она выигрываетъ во внутреннемъ содержаніи и счастливъ тотъ мужчина, которому удалось нарушить покой ея дѣвственнаго сердца. Самоубійство Марии не доказывается, какъ оно бываетъ въ другихъ случаяхъ, слабости ея характера. Мария не сдѣлала такъ называемаго «рокового шага»: быть Веретьевъ, сплыть Веретьевъ — «общественное мнѣніе» недѣжало никакихъ двусмысленныхъ сопоставленій, значитъ причина самоубійства Марии не имѣла причиной малодушіе. Все равно какъ пожаръ въ американскомъ дѣвственномъ лѣсу всегда принимаетъ грандіозные размѣры, вслѣдствіе обилия горючаго материала, такъ и от-

носительно Маши чувство въ Веретьеву вслѣдствіе немимо-
летности и глубины своей, должно было окончиться не такъ,
какъ кончаются въ большинствѣ случаевъ такія вещи. Не
любящей сладкихъ стиховъ барышнѣ болѣе всего примицна
такая развязка, которую мы встрѣчаемъ у Тургенева. Къ
тому-же вѣдь общая участь хорошихъ русскихъ какъ мужчинъ
такъ и женщинъ та, что рано или поздно они погибаютъ,
при чемъ даже наиболѣе отдаленный срокъ этого «поздно»
всегда застаетъ ихъ еще въ полномъ раззвѣтѣ силъ....
Маша разомъ погибаетъ для общества, Лиза Калитина хотя
и остается въ живыхъ, но польза отъ такого обстоятельства
не большая, потому что какъ въ могилѣ, такъ и въ мона-
стырѣ обѣ девушки похоронены въ одинаковой степени.....

Широкая россійская натура—Веретьевъ кончаетъ свою
жизнь трактирнымъ засѣдателемъ. Авторъ «Затишья» нась
увѣряетъ, что въ такомъ финалѣ ничего удивительного нѣтъ,
потому что изъ Веретьевыхъ будто-бы ничего никогда не
выходитъ. Мы не совсѣмъ съ нимъ согласны и разсуждаемъ
такимъ образомъ: что такое человѣкъ какъ не известное со-
браніе какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ силъ, кото-
рыя смотря по обстоятельствамъ, такъ или иначе могутъ
быть направлены. Веретьевъ неиспорченъ, не развращенъ,
въ немъ много талантовъ—отчего-же ему заслуживать горь-
кую участь, удѣленную ему авторомъ. Правильное обще-
ственное устройство, возможность развернуть свои силы и
способности—вотъ условия, при которыхъ богато-одаренные
Веретьевы не пропадутъ безъ пользы для общества. Прежде,
когда образованные, развитые люди могли жить безъ угры-
зеній совѣсти, не имѣя никакого опредѣленного занятія —
Веретьевы при артистичности своихъ натуръ первѣко пре-
вращались въ своего тургеневскаго образца, но поставленные
въ необходимость трудомъ поддерживать свое существованіе—
они должны вполнѣ опровергнуть вышеупомянутое мнѣніе
Тургенева.

«Переписка» составляет продолжение физиологии русских Гамлетовъ и Лишнихъ Людей и также какъ «Гамлетъ Щигровского уѣзда» болѣе похожа на философско-публицистическое изслѣдованіе, чѣмъ на беллетристическое произведеніе. На сцену опять выступаетъ самобичующійся российской дворянинъ, находящій утѣху въ томъ, чтобы копошиться въ своихъ «внутренностяхъ» и оттуда извлечь сознаніе своей непригодности.

«Каждый дѣлаетъ свою судьбу—да!... Но напѣ братъ слишкомъ много ес дѣлаетъ — вотъ въ чёмъ наша бѣда! Слишкомъ рано пробуждается въ насъ сознательность; слишкомъ рано мы начинаемъ наблюдать за самими — собою.... У насъ Русскихъ *нетъ другой жизненной задачи, какъ опять-таки разработка нашей личности*, и вотъ мы, едва возмужалы дѣти, уже прикинемся разрабатывать ее, эту напу несчастную личность! Не получивъ извѣдника какого опредѣленного направления, ничего дѣйствительно не уважая, ничему крѣпко не вѣря, мы вольны дѣлать изъ себя что хотимъ... нельзя-же требовать отъ каждого, чтобы онъ тотчасъ понялъ бесплодность ума, «кишащаго въ дѣйствіи пустотъ».... и вотъ опять на свѣтѣ одинъ уродомъ больше, больше однимъ изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, въ которыхъ привычки себѧ любия искажаютъ самое стремление къ истинѣ, смѣшное простодушіе живетъ рядомъ съ жалкимъ лукавствомъ.... однимъ изъ тѣхъ существъ обесцѣленной, беспокойной мысли, которымъ незнакомо во вѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее горжество убѣжденія.... Совмѣщающая въ себѣ недостатки всѣхъ возрастовъ, мы лишаемъ каждый недостатокъ его хорошей, выкупившей стороны.... Мы глупы какъ дѣти, но мы не искрѣни, какъ они; мы холодны, какъ старики, но старческаго благородства не имѣть въ насъ.... За то мы психологи. О, да, мы большие психологи! Но *наша психологія сбивається на патологію*; наша психологія — это хитростное изученіе законовъ болниаго состоянія и болниаго развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла»....

Подумаешь какъ логиченъ долженъ быть такой философъ въ своей жизни, если онъ способенъ на подобный тонкий психологический анализъ. И что оказывается на самомъ дѣлѣ? Съ тщательностью записного анатома весь перерывшиесь въ самомъ себѣ, нашъ философъ сталкивается съ дѣйствительностью, но Боже! что за жалкое зрѣлище представляется нашимъ глазамъ. Психологъ связывается съ какою то танцовщицею, которая изъ него дѣлаетъ своего закея. При разборѣ «Венчаний водъ», мы увидимъ, что герой «Че-

реписки» не единичное лицо, что требовать на миллион и удовлетвориться грошемъ — случалось не разъ нашимъ умникамъ сороковыхъ годовъ.

«Яковъ Пасынковъ»—скорѣе походитъ на нѣмецкую повѣсть съ «сантиментами», чѣмъ на произведение нашего фотографа-беллетриста. Слишкомъ уже сладокъ этотъ самыи Пасынковъ, да и смотрѣть онъ почти придуровато, такъ что восхититься нѣжной его фигурой—мы никакъ не можемъ. Не понимаемъ также, къ чему авторъ ввелъ для характеристики своего героя—стрѣлу, пущенную въ него Сибирскимъ инородцемъ. Или можетъ быть на бѣднаго Макара все шишкы валятся.

«Повѣсти и Рассказы» Тургенева, при своемъ появлѣніи въ 1856 г. были очень благосклонно встрѣчены критикою. Наиболѣе замѣчательныя рецензіи вышли изъ подъ пера Дудышкина и Дружинина. Статья Дудышкина вѣсомъ туманна, но за то Дружининская превосходна. Вотъ чѣмъ завершилъ послѣдній свой обширный разборъ:

«Мы покачаемъ наше послѣднюю статью подъ вѣяніемъ самого пріятнаго впечатлѣнія: издалека дошелся до насъ голосъ привѣта и одобренія, голосъ того самого дорогаго намъ писателя, котораго отзывѣ о нашей рецензіи для насъ теперь цѣнѣтъ всѣхъ возможныхъ проявленій читательской симпатіи. Мы трудились не напрасно и можемъ сказать, что по крайней мѣре первая часть задачи не была для насъ трудомъ неблагодарнымъ. Пусть-же долго и долго звучить, въ дружескомъ кругѣ нашемъ и въ молодой нашей литературѣ, тотъ симпатическій и любимый голосъ поэта-прозанка, къ которому такъ хорошо подходитъ званіе любезнѣйшаго и любимѣйшаго изъ современныхъ русскихъ писателей!»

XI.

Всякому въ своей жизни приходилось встрѣчаться съ такими личностями, которыхъ съ перваго-же раза производить на собесѣдниковъ своихъ очень хорошее, даже больше чѣмъ хорошее, прямо чарующее впечатлѣніе. Съ каждымъ словомъ новаго знакомца оно становится все болѣе и болѣе привлекательнымъ, вы открываете въ немъ все болѣе и болѣе симпатичныя качества. Если вы женщина, да еще молодая, да и не свѣтская кукла къ тому, то въ сердцѣ вашемъ брошены первыя сѣмьна сильнаго расположенія къ симпатичной личности новаго знакомаго. Необходимою принадлежностью такого человѣка должно быть краснорѣчие; безъ этого, будь въ немъ скрыты самые лучшіе природные дары, вы съ трудомъ его разгадаете раньше долгаго съ нимъ общенія. Краснорѣчивый-же человѣкъ сразу вами овладѣваетъ и вы ему съ большою готовностью подчиняетесь. И не удивительно отчего. Люди, если только они дѣйствительно моди, а не всеядная животная зоологическаго разряда *Homo sapiens*, такъ созданы, что не всегда материальная сторона ихъ существа составляетъ главную часть человѣческой натуры. Идеализмъ, понимаемый въ смыслѣ возможности возвыситься надъ своеокрыстынми стремленіями животной природы, за рѣдкими исключеніями присущъ молодости и только приближеніе къ старости характеризуется постепеннымъ ослабѣваніемъ господства духа надъ матеріею. Поэтому молодой человѣкъ, свѣжая натура, которую пошлость не завѣла, не смотря на многія разочарованія практической жизни, вѣритъ въ возможность существованія субъекта съ напрекраснѣйшими качествами и, встрѣчая личность, хотя бы на словахъ только берущую города, невольно поддается ея вліянію и возносить ее на высокій пьедесталъ. Да и какъ не податься? Представьте

себѣ, что вы живете въ обществѣ со склонностью ненавистью про-
гоняющемъ все возвышенное, дабы оно не смущало его жи-
вотного покоя, въ обществѣ, готовомъ побить каменьями вся-
кого нарушителя этого неосмыслинаго и незаконнаго покоя,
въ обществѣ, не способномъ и не желающимъ проникнуться
требованиями истины и справедливости, и вдругъ предъ вами
является личность искусно и увлекательно рукою откры-
вающая картину истинно-человѣческой бытія, картину побѣды
идеала надъ повседневной обыденностью и мизерностью. Какъ
не стать горюю за такого расшевелителя, какъ не увѣровать въ
немъ, какъ въ Христа? Такъ оно всегда и бываетъ. Но странное
дѣло! Всегда, или покрайней мѣрѣ очень часто, оно какъ-то
уже выходитъ, что продолжительное знакомство съ красно-
рѣчивымъ и возвышеннымъ новымъ знакомцемъ мало по малу
разрушаетъ первоначальное обаяніе и нѣрѣдко прежнее ува-
женіе переходить даже въ презрѣніе. Горько разочаровы-
ваться подобнымъ образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и по-
лезно, такъ какъ даетъ первый урокъ житейской опытности,
не той опытности, которая формируетъ «солидность», а
именно той, безъ которой очень легко впасть въ манилов-
щану и смотрѣть постоянно на окружающее сквозь розовую
призму мечтательнаго идеализма. Подобное разочарованіе не-
избѣжно и не случайно вслѣдствіе уже одного того, что че-
стный фразеръ и самъ увлекается самимъ-же собою. Онъ
электризуется собственными словами, въ данную минуту ему
искренно кажется легко преодолимыми всякия препятствія
и подвернись подъ руку удобный случай, онъ совершилъ
одинъ изъ такихъ подвиговъ, который на всегда можетъ
увѣковѣчить его имя. Онъ готовъ быть разстрѣленнымъ,
если на него будетъ смотрѣть вся Европа, какъ сказалъ кто-
то. Но чрезъ не большой промежутокъ времени воодушев-
леніе пропадаетъ, и вчерашній римскій герой сегодня спо-
собенъ дать самого немужественнаго стречка.

Охарактеризованныя выше личности все чаще попа-
даютъ въ нашу матушку Россію. Другія страны ими не
избѣлюютъ. У насъ-же «земля богата, да порядка въ ней

нѣтъ! Богъ не обидѣлъ насъ личнымъ мужествомъ, славится вездѣ удачъ русская-богатырская, но гражданскимъ мало одарилъ. Выдержки въ насъ нѣтъ, дрессировки, которая дается цивилизациою. А безъ нея дальше фразъ не уйдешь. Вотъ и Рудинъ принадлежитъ къ этой категоріи; и его богатые природные задатки пропадаютъ, благодаря нерациональному устройству образа жизни окружающихъ его. За границею изъ Рудинъ формируются блестящіе парламентскіе ораторы, популярные публицисты, у насъ-же они сначала надѣются на міровую дѣятельность, потомъ требованія ихъ становятся меньше и они незамѣтно превращаются въ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, даромъ колтающихъ небо вместо того, чтобы быть полезными своимъ согражданамъ и своей странѣ сообразно тѣмъ дарованіямъ, которыхъ они получили отъ природы.....

Рудинъ—чисто русское явленіе. Въ немъ не трудно прослѣдить генетическую связь съ современною ему эпохой и на немъ-же можно доказать получающій права гражданства въ соціальныхъ наукахъ законъ, что поступки индивидуума находятся въ полнѣйшей зависимости отъ окружающей его обстановки, что прежде чѣмъ винить кого-нибудь, нужно посмотреть, не болѣе-ли виноваты при этомъ другие, не имѣемъ ли мы дѣло съ результатомъ хотя и печального, но все-же дѣйствительного положенія вещей.

Русское общество тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ явило въ себѣ, какъ уже разъ нами было замѣчено, элементы страшного разъединенія, оно являло изъ себя Януса съ двумя лицами, хотя оба лица не были между собою вполнѣ тождественны какъ по характеру, такъ и по величинѣ: Образованное меньшинство являло въ себѣ вполнѣ кружокъ европейской, проникнутый интеллигентіей, часто или покрайней мѣрѣ иногда опередившій современныхъ ему образованныхъ людей на западѣ. По этому разладу между теоріею и практикою былъ совершенный, подразумѣваемъ подъ теоріею идеалъ общества, царившій въ головѣ нашей интеллигентіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а подъ практикой ту неказистую

дѣйствительность, которая приводила въ отчаяніе нашихъ бѣдныхъ идеалистовъ. Само собою разумѣется, что попадались примѣры и даже не особенно рѣдкіе примиренія съ окружющей пошлостью, компромиссы заключались въ силу слабости людской къ земнымъ благамъ. Но за то, какъ бы для замѣщенія этой отрицательной строны, являлись личности, которымъ казались измѣною всему хорошему малѣшая уступка нерациональнымъ требованиямъ практической жизни, тѣмъ требованиямъ, удовлетворить кои можно было только цѣною своихъ убѣждений.

Какую дѣятельность могъ себѣ избрать человѣкъ того времени, имѣвший кое-какія понятія о призваніи человѣка, о пользѣ, что всякий гражданинъ долженъ принести, о согласованіи поступковъ съ требованиями высшей правды. Что было ему дѣлать? Какое практическое поприще себѣ избрать? — Поступить на службу — это значило окунуться въ болото мелкихъ чиновничихъ интересовъ, въ міркѣ, гдѣ человѣкъ вполнѣ честный и не одаренный отъ природы гибкостью позвоночного столба рисковалъ застрять всю свою жизнь въ званіи мелкой служебной сошки и выйти въ люди въ огромномъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не благодаря своимъ дѣйствительнымъ способностямъ, а другимъ менѣе лестнымъ свойствамъ. Если еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ считалось «предосудительнымъ» поступать на службу, то нечего и говорить, что раньше къ этому средству занять свое достоинство прибѣгали люди интеллигентные и честные только въ крайности, стараясь при этомъ занять място, какъ можно менѣе шокирующее ихъ убѣжденія.

Такой человѣкъ какъ Рудинъ не могъ долго оставаться на службѣ. Слишкомъ грандіозны были его идеалы и слишкомъ мизерна чиновничья дѣятельность того времени. Чтобы быть безсловесною машиной въ рукахъ самодура-начальника, для этого ему не нужно было окончить университетъ и изучать германскихъ философовъ въ подлинникѣ. И такъ, служить Рудинъ не могъ. Быль-ли онъ въ состояніи приносить пользу на другихъ поприщахъ? На этотъ вопросъ Тур-

геневъ намъ даетъ отрицательный отвѣтъ и это вытекаетъ изъ всего характера Рудина, ибо главная черта его характера, помимо не ему одному принадлежащихъ качествъ, есть безалаберность. Безалаберность, слѣдствіе отсутствія почвы подъ ногами, мѣшаетъ ему организовать свои занятія; безалаберность заставляетъ его браться за дѣло, въ которомъ онъ ничего не смыслить, безалаберность его, наконецъ, заключается въ этомъ слишкомъ большомъ подчиненіи своихъ поступковъ резонерству. Въ самомъ дѣлѣ: если мы видимъ или по крайней мѣрѣ можемъ допустить и понимать существование людей, на столько раціонально устроившихъ свой образъ жизни, чтобы подчинять всякий свой поступокъ общимъ теоретическимъ законамъ, то въ Рудинѣ подобное полное согласованіе теоріи съ практикою является грѣшалицмъ противъ логики, противъ всего характера его личности. Что такое въ самомъ дѣлѣ Рудинъ, какъ не полнѣйшее олицетвореніе формулы всероссійской жизни, о которой еще въ девятомъ столѣтіи наши предки довели до свѣдѣнія варяжскихъ князей? Что такое Рудинъ, какъ не вѣрное выражение нашей интелигенціи, все стремящейся устроить свое житѣе-бытье вполнѣ по правиламъ новѣйшей философіи, но къ сожалѣнію всегда терпящей въ этомъ стремленіи полнѣйшее фіаско? Что такое Рудинъ, какъ не обидѣе природныхъ дарованій и силъ, не получающихъ должной обработки, чтобы разцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ, и главный характеръ котораго именно и есть отсутствие системы, руководящей идеи, безъ чего природные дары могутъ произвести мгновенный взрывъ, по временамъ даже, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, красивый и ослѣпительный фейерверкъ, но никогда не служить полезнымъ двигателемъ. Вслѣдствіе всего сказанного должно стать очевиднымъ, что Рудинъ, безалаберный вообще, становится не логичнымъ и не послѣдовательнымъ, когда вдругъ одну отрасль своей жизни начинаетъ анализировать до мелочей, желая построить ее на вполнѣ раціональныхъ основаніяхъ. Представьте себѣ, что вы встрѣчаете нехорошо одѣтаго господина, у котораго вы

вдругъ на шеѣ, поверхъ грязной рубашки и засаленного жилета, открываете наивысшаго фасона галстучекъ. Не правда-ли, что галстучекъ ни сколько не помирить васъ съ ободраннымъ господиномъ и вызоветъ только на ваши уста невольную улыбку. А между тѣмъ, та-же исторія, съ нѣкоторыми измѣненіями, продѣлывается Рудинымъ. И въ самомъ дѣлѣ! Человѣкъ, Боть знаетъ въ силу какихъ логическихъ и нравственныхъ оснований живеть въ продолженіи довольно долгаго времени нахлѣбникомъ у помѣщицы Ласунской, ничего тамъ не дѣлаетъ, убиваетъ свое время до тошноты прекрасными проповѣдями о человѣческомъ достоинствѣ, о высшей правдѣ и тому подобныхъ материахъ, опять Богъ знаетъ во имя чего прикидывается влюбленнымъ въ Наталью и вдругъ добывшиесь у той нетрудного успѣха, идетъ вполнѣ чистосердечно къ несчастливому обожателю Натальи—Волынцеву, чтобы извѣстить его обо всемъ и утѣшить. Дѣлаетъ онъ это потому, что считается, что между порядочными и интеллигентными людьми не должно быть недарозумѣній даже по предмету, считаемому обыкновенными людьми не философскими развитими, довольно щекотливымъ. Между сыномъ природы Волынцевымъ и гегемоницемъ Рудинымъ происходит сцена и посмотрите на сколько естественное и логичное выступаетъ первый.

Въ этой сценѣ Рудинъ весь какъ на ладони. Тутъ ясно видна въ немъ неиспорченность характера, благородство намѣреній, но въ то-же время страшное господство холоднаго резонерства. Чѣмъ инымъ, какъ не послѣднимъ качествомъ можно себѣ объяснить, что человѣкъ идетъ къ несчастливому сопернику объявлять о своемъ успѣхѣ, ничуть не руководимый тщеславнымъ желаніемъ хвастнуть удачею. По истинѣ на это способенъ только безалаберный русскій гегемонецъ, которому кажется, что можно свои чувства передѣлать сообразно философской указочки и жить вполнѣ рациональнымъ образомъ, когда въ дѣло вмѣшается такая логическая вещица, какъ страсть. Посмотрите съ какой тщательностью, достойною лучшей участы, Рудинъ анатомируетъ свое сердце,

какъ кропотливо онъ копошится въ своихъ чувствахъ въ одномъ случаѣ, и дѣлаетъ страшные и совсѣмъ не философскіе промахи въ другомъ случаѣ. Сравните его заниманіе денегъ и поступокъ съ Волынцевымъ, его нахлѣбничество у Ласунской и нежеланіе обеспечить себя, его бѣгство и отчасти трусость во время свиданія съ Натальей и геройскую смерть на баррикадахъ 48 года, сравните всѣ эти несообразныя вещи, и скажите, какое иное слово, чѣмъ безалаберность, лучше характеризуетъ Рудина.

Но безалаберность Рудина есть безалаберность даровитой натуры. Даровитость его видна въ его умѣніи изъ каждой науки извлекать пригодное для его возвышенной натуры. Онъ не особенно много знаетъ, но немногимъ распоряжается лучше и производить большее впечатленіе, нежели другой съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній. На Рудинѣ въ сотый разъ доказывается разница между даровитою и обыкновенною натурою. Другой ученый, съ арміею цыфръ и таблицъ, станетъ вами доказывать справедливость извѣстнаго положенія, и вы будете только зѣвать и ничуть не проникнетесь истинностю доказываемаго, а придетъ Рудинъ и въ живой, увлекательной рѣчи безъ всякихъ фактическихъ доказательствъ заговорить въ пользу чего-нибудь во имя высшихъ человѣческихъ инстинктовъ, и вы понадѣлись на удочку. Въ парламентахъ такие фокусы продолжаются сплошь да рядомъ и увлекаютъ людей, далеко не идеальныхъ, и не энтузиастовъ. Таково уже устройство человѣческой натуры, что математика годна для головы, а для сердца требуется что-нибудь менѣе опредѣленное. Даровитость Рудина видна также изъ того вліянія, которое онъ пріобрѣтаетъ на своихъ товарищахъ.

Двоихъ рода бываетъ вліяніе товарища на товарищей, когда онъ и они сидятъ на университетской скамье. Причиною одного рода вліянія является стадное начало, отъ дѣйствія котораго студенческая масса, какъ и всякая другая, не можетъ увернуться. И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣйствующими лицемъ является толпа, изъ среды ея нерѣдко выдвигаются личности, совсѣмъ недостойныя пер-

венствующаго положенія. Но не съ такимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло въ лицѣ Рудина. Онъ не кривунъ, покоряющій молодыя сердца смѣлостью своего ничего не щадящаго отрицанія. Нѣтъ! онъ идеалистъ, слѣдовательно составить вокругъ себя кружокъ почитателей онъ могъ только силой своей увлекающей способности напомнить молодежи, хотя бы на словахъ только, образы тѣхъ великихъ людей, съ которыми она знакома изъ изученія исторіи человѣческихъ обществъ. Молодость не возьмешь основательною эрудиціею, трезвымъ отношеніемъ къ дѣлу. Всѣ эти вещи могутъ внушить ей уваженіе, но горой она станетъ только за того, кто сумѣеть отвлечь ее отъ мелкихъ дѣлъ «міра сего» и перенести въ міръ благородныхъ стремленій и міровыхъ добродѣтелей. Во главѣ ея можетъ стать только человѣкъ обладающій страстью, честными увлеченіемъ, грандіозностью намѣреній. Все это качества, которыхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываютъ спутниками даровитыхъ натуръ, и притомъ честныхъ и благородныхъ.

Честность и благородство, понимаемые въ самомъ высшемъ смыслѣ, составляютъ на равнѣ съ безалаберностью квинтъ-эссенцію характера Рудина. Въ немъ нѣть выдержанки, онъ лишенъ инициативы, но предъ явною опасностью и притомъ руководимый теченіемъ обстоятельствъ, онъ никогда не отступить. Тургеневъ своею позднѣйшею припискою къ эпилогу, не могшой первоначально появиться вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, показалъ, что онъ безподобно понялъ характеръ Рудина. Таковыи именно онъ долженъ быть.

«Въ звѣйный полдень 26 Іюля 1848 года, въ Парижѣ, когда уже восстание «національныхъ мастеровыхъ» было почти подавлено, въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ предмѣстія св. Антонія, баталіонъ лизейаго войска бралъ баррикаду. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже разбили ее; ея защитники, оставшиеся въ живыхъ, ее покидали и только думали о собственномъ спасеніи, какъ вдругъ на самой ее вершинѣ, на продавленномъ кузовѣ поваленаго синебуса, появился высокий человѣкъ въ старомъ сюртуѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ, и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ, растрепанныхъ волосахъ. Въ одной руцѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой—кривую и тупую саблю, и кричалъ что-то напряженнымъ, тонкимъ голосомъ, карабкаясь кверху и пома-

хивая и взаменемъ и саблей.—Венсенскій стрѣлокъ прицѣлился въ него—вымѣрѣлъ... Высокій человѣкъ выронилъ знамя—и, какъ мѣшокъ, повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги кому-то поклонился.... Пуля прошла ему сквозь сердце.

— Tiens! сказаль одинъ изъ убѣгавшихъ *insurgés* другому: On vient de tuer le Polonais.

— Bigre! отвѣтилъ тотъ и оба бросились въ подвалъ дома, у котораго все ставни были закрыты и стѣны пестрѣли слѣдами пуль и ядеръ.

Этотъ «Polonais» былъ — Дмитрій Рудинъ».

Да, это былъ онъ, жертва неразумнаго устройства русской жизни! Жертва подавляющей разницы между теоріею и практикою въ бытѣ русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ! Не Рудинъ виноватъ въ своемъ характерѣ, виновато общество, его создавшее. Поэтому онъ не есть карикатура живаго лица, какъ утверждали вѣкоторые, а типъ и притомъ типъ бессмертный. Такъ понять характеръ эпохи могъ только такой тонкій и умный наблюдатель, какъ Тургеневъ. Въ нашей литературѣ есть много изображений людей сороковыхъ годовъ, но всѣ онъ обыкновенно воспроизводятъ только одну сторону ихъ нравственной физіономіи. Въ Рудинѣ же мы имѣемъ полную физіологію человѣка, предшествующей намъ эпохи. Тутъ онъ намъ является со всѣмъ своимъ запасомъ дарованій и природныхъ силъ, но за то и во всей своей гражданской непрігодности. На немъ мы наглядно убѣждаемся, какъ сильно, несмотря на вѣкоторые тормазы, мы двинулись впередъ за послѣдніе двадцать, тридцать лѣтъ. Въ настоящее время многіе поступки Рудина могутъ быть заклеймены совсѣмъ не лестными эпитетами, тогда какъ прежде они извинялись характеромъ эпохи.

Есть многіе, которые безусловно нападаютъ на Рудина, не признавая за нимъ искренности и позоря его исключительнымъ прозваніемъ фразера. Мнѣніе это совершенно невѣрно. Положимъ,—Рудинъ фразерь, но вѣдь фразерь фразеру розы. На что другое годится Рудинъ въ сороковыхъ годахъ какъ не на то, чтобы въ салонахъ и студенческихъ кружкахъ проповѣдывать о материахъ высокихъ. Ему старинъ изъ «Разговора» не сдѣлаетъ упрека въ позорномъ бездѣствіи, ему онъ не скажетъ.

Великой силы благодать
Толпа не смеетъ не признать
И негодующій пророкъ
Караль бы слабость и порокъ.

* Гремѣли-бы страстныя слова,
И, какъ изсохшая трава,
Пылали-бы отъ твоихъ рѣчей
Сердца холодныхъ людей.
Не малодушный ты! Судьбѣ
Ты покорялся безъ стыда....

Нѣтъ! Рудинъ не малодушный. Что было въ его силахъ, что допускалось окружающей его обстановкою онъ сдѣлать. Мы уже показали, что ни одинъ родъ практической дѣятельности не былъ для него подходящимъ. Всѣ занятія того времени были ему въ одинаковской степени не по душѣ. Онъ могъ только возмущаться и, передавая другимъ своего негодованія, своего неудовольствія, приносить при такомъ образѣ дѣйствій громадную пользу. Грандиозный конецъ его не является неожиданной развязкой его жизни. Онъ какъ нельзя лучше къ ней подходитъ. Безъ пріюта, безъ привѣта, въ нищетѣ и убожествѣ завершаетъ онъ вѣкъ свой, геройски умирая на баррикадѣ при защитѣ дѣла, въ сущности для него равнодушнаго, но которое въ состояніи воспламенить человѣка подобнаго ему, признающаго справедливость непрѣмѣннымъ элементомъ разумнаго существованія, и по этому возмущающагося, если она гдѣ-бы то нибыто нарушается. Человѣкъ, умирающій только во имя одной высшей справедливости, во имя общечеловѣческихъ принциповъ, во имя идеи— есть личность болѣе чѣмъ достойная уваженія и если мы въ ней замѣчаемъ недостатки, то должны предполагать дурно-сложившіяся обстоятельства, некоропо повліявшия на формирование ея характера. Въ Рудинѣ есть натура, есть матеріалъ для созиданія превосходнѣйшей личности, но увы! все это не направлено куда слѣдуетъ, богатой натурѣ негдѣ развернутъся, она можетъ горѣть только вспышками, но не ровнымъ, нормальнымъ огнемъ.

Грустныя мысли должно навѣвать чтеніе «Рудина». Какъ

не болѣть душою, когда видишь безполезную гибель людей, которые и на западѣ составляютъ праздничное явленіе, а не только среди будничной русской обстановки. Не по силамъ намъ окажется роскошь, если мы станемъ допускать безполезную потерю такихъ рѣдкихъ счастливыхъ случайностей. Мы слишкомъ бѣдны выдающимися единицами, чтобы не прийти въ отчаяніе отъ невозможности воспользоваться услугами каприза судьбы, вдругъ побаловавшей насъ свѣтлымъ метеоромъ на сѣромъ небѣ тусклой повседневной жизни.

Изъ женскихъ характеровъ въ «Рудинѣ» на первомъ планѣ стоитъ Наталья, дочь Ласунской. Она получила образованіе какъ всѣ барышни того времени и до знакомства съ Рудинымъ была вполнѣ довольна своею обстановкою. Послѣдняя не казалась ей мizerиою, такъ какъ она въ умственномъ отношеніи не особенно возвышалась надъ нею. Но задатки выдти изъ обыкновенной колеи находились въ ней въ достаточномъ количествѣ. Какъ и всѣ женские характеры у Тurgенева, личность Натальи является чрезвычайно симпатичною. Мы въ ней видимъ дѣвушку съ неиспорченной натурою, способностью увлечься не только мелкими житейскими интересами. До появленія Рудина она умственно спала. Ей не приходила въ голову мысль, что жизнь, ею водимая, въ сущности не жизнь, а какое-то животное прозябаніе. Не на столько развитая, чтобы сознательно усвоить себѣ все проповѣдуемое Рудинымъ, она тѣмъ не менѣе инстинктивно чувствуетъ, что въ его словахъ ироется именно тотъ настоящій идеалъ осмыслинаго человѣческаго бытія, что и ей самой иногда смутно мелькаетъ въ ея думахъ послѣ чтенія любимыхъ поэтовъ и авторовъ вообще. Не на столько умственно взрослая, чтобы вполнѣ оцѣнить культурное значеніе личностей, подобныхъ Рудину, она все-же въ силу природнаго ума и не пошлого склада натуры, удивляется, когда Рудинъ ей говоритъ, что ему пора отдохнуть. Она не понимаетъ какимъ образомъ человѣкъ настолько богато-одаренный и всѣдѣствіе

того могущій приносить своимъ ближнимъ пользу человѣкъ имѣть право въ тридцать лѣтъ проспаться на отдыхъ. Здоровой ея натурѣ не понятно фразерство и поэтому она всѣ слова Рудина принимаетъ за чистую монету; за то, убѣдившись, что въ этомъ отношеніи ошиблась, она разомъ срываетъ съ своихъ глазъ завѣсу первоначального обаянія, внушенного ей краснорѣчивымъ собесѣдникомъ. Когда Рудинъ въ первое свое посѣщеніе заговорилъ о предметахъ, выходящихъ изъ обыкновенныхъ темъ разговора, когда онъ своимъ новымъ знакомцемъ показалъ часть своихъ знаній, часть своего прекраснаго умѣнья увлекательно говорить, — болѣе всѣхъ была поражена Наталья. Рудинъ, самъ, можетъ быть, того вполнѣ не сознавая, возбудилъ въ ней массу новыхъ желаній и стремленій. Подобно тому, какъ самая простая случайность ведеть иногда за собою весьма важныя послѣдствія только потому, что плодъ уже созрѣлъ и требуетъ самого ничтожнаго усиленія, чтобы упасть на землю, такъ и въ данномъ случаѣ Рудинъ вовсе не былъ особенно значительно замѣшанъ въ дѣлѣ быстраго развитія Натальи. У нея, и безъ того, была бездна задатковъ, которые рано или поздно, но непремѣнно все-таки должны были увидѣть свѣтъ Божій, такъ что Рудинъ былъ только первымъ плугомъ, прошедшимъ по богатой черноземной почвѣ богатѣйшей русской женской натуры. Въ другихъ повѣстяхъ Тургенева намъ не разъ еще придется столкнуться съ такими черноземными сплами, ждущими первого благотворнаго дождя, чтобы дать роскошнѣйшиѳ всходы.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какъ дѣйствуютъ на Наталью слова Рудина.

«Наталья, хотя и раздѣлась и легла въ постель, но ни минуты не уснула и не закрывала даже глазъ. Подперши голову рукою, она глядѣла пристально въ темноту; лихорадочно бились ея жилы, и тяжелый вздохъ часто приподидалъ ея грудь».

Все это душевное настроеніе Наталии произведено не вѣшнностью Рудина: послѣдняя не была настолько представительна, чтобы съ одного разу внушить девушки симпатію.

Нѣтъ! буря въ Натальѣ произведена нравственnoю личностью Рудина, она поражена мнимою мощью этого человѣка, предъ ея глазами рисуется гигантъ слова и мысли. Согласитесь, что дѣвушка способная увлечься подобными качествами въ мужчинѣ не вполнѣ обидчива; она непремѣнно должна носить въ себѣ ту искру Божію, что отличаетъ истинно-человѣческое существо отъ человѣкоподобнаго животнаго, живущаго главнымъ образомъ въ физиологическомъ отношеніи. Фактъ, что изъ всѣхъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ Рудинымъ, больше всего онъ подействовалъ на Наталью, показываетъ, что она стояла выше своего окружающаго, была способнѣе отзываться на высшіе инстинкты человѣческой природы. Наравнѣ съ нею положимъ увлекался и Басистовъ, добродушный учитель дѣтей Ласунской, но увлеченіе Натальи было высшей пробы. Мы не должны забывать, что она женщина. Слѣдовательно, когда въ дѣло вмѣшалась любовь, она становится въ два раза энергичнѣе мужчины и поэтому ея увлеченіе можетъ повлечь за собою болѣе рѣшительные результаты. Женщина, вслѣдствіе своеобразно сложившихся историческихъ обстоятельствъ, постоянно направляла всѣ свои умственные и нравственные способности на то единственное поприще, которое ей было оставлено все-захватывающимъ мужчиной. Это поприще есть—любовь. На немъ изощралась женщина въ продолженіи всего почти своего исторического существованія. Неудивительно поэтому, что, если и мужчина многое можетъ совершить подъ вліяніемъ любви, то женщина въ подобномъ случаѣ въ состояніи рѣшиться на все. Тысячелѣтній запасъ энергіи, переходящій изъ одного женского поколѣнія въ другое и постоянно въ одномъ и томъ-же направленіи, способенъ дѣлать чудеса. Вотъ причина поражающаго дѣйствія, которое производить на многихъ женщинъ любовь, разомъ превращающая неразвитую дѣвочку въ энергичную женщину, не знающую препятствій въ достижениіи своей цѣли. У мужчины любовь составляетъ не самую значительную часть тѣхъ ощущеній, что приходится ему въ своей жизни испытывать, у женщины-же — это все. Болѣе

важныхъ моментовъ въ ея жизни нѣтъ и при современномъ ея положеніи и быть не можетъ. Но крайне несправедливы тѣ критики, утверждающіе будто Рудина нельзѧ винить за его нежеланіе связать себя съ Натальею на всю жизнь, даже предполагая, что онъ любилъ дочь Ласунской. Женщина того времени, говорять они, не понимала другихъ добродѣтелей, кромѣ семейныхъ, поэтому человѣку съ такими грандіозными помыслами, какъ Рудинъ, Наталья могла быть только помѣхой въ дѣлѣ служенія общему благу. Она-бы потребовала отъ него исключительного посвященія времени одной ей.

Подобный взглядъ болѣе чѣмъ не вѣренъ. Развѣ женщина тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ оттого исключительно занималась своимъ сердцемъ, что ни на-что другое не была способна? Развѣ она виновата въ томъ, что и мужчина того времени не предлагалъ ей ничего, кромѣ удовлетворенія ея сердечныхъ склонностей? Развѣ она виновата, что весь характеръ эпохи былъ таковъ, что на первомъ планѣ, даже у людей высоко-развитыхъ и честныхъ, стояли не общественные вопросы (за некоториѣ изъ), а вопросы единичнаго существованія, вопросы личнаго сердца и ума? Тутъ не зачѣмъ упрекать женщинъ. Ихъ развитие идетъ всегда параллельно времени, въ которомъ они живутъ. По мягкости и уступчивости своей натуры, они всегда способны поддаваться всякому вліянію, дурному или хорошему, смотря по обстоятельствамъ. Они не идутъ во главѣ движенія, но и не тормозятъ его. Такая личность, какъ Рудинъ, если-бы его слова не оставались-бы только словами, нашелъ-бы въ Натальѣ лучшаго помощника. Когда Рудинъ ей говорить, что женщина, которая любить, имѣть право требовать отъ любимаго человѣка, чтобы тотъ ей вполнѣ отдался, она съ этимъ мнѣніемъ совершенно не соглашается и горячо противъ него протестуетъ.

«Я понимаю, говорить она, что кто стремится къ великой цѣли, уже не долженъ думать о себѣ; но развѣ же женщина не въ состояніи оѣнить такого человѣка? Мне кажется, напротивъ, женщина скорѣе отвернется отъ

эгоиста... Всѣ молодые люди, эти юноши, по вашему, всѣ — эгоисты, всѣ только собою заняты, даже когда любятъ. Повѣрьте, женщина не только способна познать самопожертвованіе: она сама умѣеть пожертвовать собою».

И дѣйствительно! все дѣло только въ руководителяхъ. Дайте женщинѣ надлежащее направленіе—изъ нея выйдетъ превосходный членъ цивилизованнаго общества, не дѣлайте изъ нея свѣтской куклы, и вы не будете потомъ имѣть возможности упрекать женщинъ въ безсердечіи и пустотѣ. Дайте наконецъ ей проникнуться общественными идеалами и вы навѣрное не обвините ее въ непризнаніи другихъ добродѣтелей, кромѣ семейныхъ. Легко сказать: женщина сороковыхъ годовъ эгоистка, она стремится всесѣло завладѣть мужчиной и считаетъ измѣнью себѣ всякия другія наклонности, гдѣ она не стоитъ на первомъ планѣ! но доказать это невозможно, по той простой причинѣ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ уклоненіемъ отъ истины. Женщина въ данномъ случаѣ не составляетъ что нибудь особенное, отличное отъ своей обстановки. Вините сколько вамъ угодно эпоху, совокупность всѣхъ условій, повлиявшихъ на нее, но оставьте въ покое женщинъ. Они менѣе всего тутъ виноваты, такъ какъ играли вполнѣ пассивную роль. Они слѣдовательно являются жертвами, а не виноватыми.

О чёмъ разговаривала Наталья, когда оставалась вдвоемъ съ Рудинымъ? Еслибы были справедливы критики, о которыхъ мы раньше говорили, предметами разговора должны были быть только вопросы сердца. А въ самомъ дѣлѣ ничего подобнаго мы не находимъ. Наталья всегда вызывала Рудина на такія бесѣды, гдѣ-бы она могла извлечь пользу изъ его знаній, изъ его развитія. Она ей читалъ произведенія романтической школы, въ сороковыхъ годахъ еще не отжившей свой вѣкъ, объясняла ей великия творенія германской литературы, часто давая на читанное увлекательные краснорѣчивые комментарія. Она вводила въ ея сознаніе много новыхъ поэтическихъ и философскихъ истинъ, до того ей неизвѣстныхъ, открывала для нея міръ новыхъ ощущеній и чувствованій, сообщая ей часть своего энтузіазма

предъ грандиозными созданіями человѣческаго ума, того энтузіазма, который служить предохранительнымъ средствомъ противъ поглощенія житейской пошлостью, того восторга, что лучше всякаго талисмана служить для постояннаго подогреванія въ человѣкѣ высшихъ стремленій. Неужели же можно, послѣ усвоенія Натальею подобныхъ чувствъ, причислить ее къ разряду эгоистичныхъ женщинъ, могущихъ мѣшать общественному дѣятелю служить дѣлу своего назначенія. Только одна умственная близорукость или преднаизвѣренная тенденціозность можетъ не видѣть, что именно изъ подобныхъ Натальи формируются тѣ нерѣдкія въ исторіи женщины, которыхъ не разъ вдохновляли своихъ мужей на высокіе подвиги.

Наталья женщина дѣла, а не одного лишь слова. Разъ она чѣмъ-нибудь прониклась, она не останавливается ни передъ чѣмъ въ достижениіи своей цѣли. Какъ неизмѣримо выше Рудина становится она тогда, когда, несмотря на угрозы матери, рѣшается бросить свое обеспеченное положеніе, чтобы раздѣлить съ любимымъ человѣкомъ горе и нужду. Не нужно забывать, что это не есть поступокъ взбаламошенной дѣвушки, начитавшейся романовъ и только того и жаждущей какъ-бы какимъ-нибудь манеромъ на самой себѣ продѣлать одну изъ исторій, недавно ею съ замиранiemъ сердца вычитанной изъ эффектной повѣсти. Посмотрите какъ не похожа сцена объясненія въ любви между Рудинымъ и Натальею, посмотрите какъ ведеть себя при этомъ послѣдняя и вы должны будете сознаться, что имѣете дѣло не съ совсѣмъ обыкновенной дѣвушкой, не съ совсѣмъ обыкновенной страстью, которая-бы основывалась только на половомъ влечениіи. Тутъ мы видимъ объясненіе въ любви безъ обычныхъ «горячихъ, продолжительныхъ поцѣлуевъ», безъ «тихаго привлечения къ себѣ» и тому подобныхъ аксессуаровъ шаблоннаго объясненія во взаимномъ расположениіи. Въ данномъ случаѣ ничего похожаго не произошло, такъ какъ Наталья пришла не затѣмъ, чтобы амурничать съ Рудинымъ. Она пришла лишь убѣдиться, дѣйствительно-ли тотъ ее любить, и не простою животною любовью, а облагороженною и

соответствующей высокимъ стремлениямъ Рудина. А кому-же неизвѣстно, что наше обращеніе съ женщиной опредѣляется ю-же самою и что, значитъ, въ настоящемъ случаѣ, честь облагораживанія всей сцены всецѣло принадлежитъ Натальѣ.

«Ахъ, Наталья Алексѣевна, какъ я, счастливъ! теперь уже ничто нась не разъединить!

Наталья взглянула ему въ глаза.

— Пустите меня, прошептала она:—мнѣ пора.

— Одно мгновенье, началь Рудинъ...,

— Нѣть, пустите, пустите меня...

— Вы какъ будто меня боитесь?

— Нѣть, но мнѣ пора...

— Такъ повторите, по крайней мѣрѣ, еще разъ...

— Вы говорите, вы счастливы? спросила Наталья.

— Я? Нѣть человѣка въ мірѣ счастливѣе меня! Неужали вы сомнѣваетесь?

Наталья подняла голову. Прекрасно было ея блѣдное лицо, благородное, молодое и взволнованное—въ таинственной тѣни бесѣдки, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ кочнаго неба.

— Знайте-же, сказала она:—я буду ваша.

— О Боже! воскликнулъ Рудинъ...

Но Наталья уклонилась и ушла.

Эта сцена по нашему очень характерна. Другая барышня просто-бы растаяла отъ ухаживанья такого «умника» какъ Рудинъ. Наша-же героиня не потому отвѣчаетъ взаимностью что польщена, а вслѣдствіе дѣйствительной любви. Подъ вліяніемъ этого чувства, съ нею происходитъ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые сразу даютъ умственную зрѣлость. На глазахъ читателя Наталья выростаетъ и изъ дѣвочки превращается въ энергичную женщину. Посмотрите на нее въ знаменитой сценѣ утренняго свиданія съ Рудинымъ. Поведеніе ея настолько достойно, настолько внушаетъ къ себѣ уваженіе и почтеніе, что Рудинъ теряется и ничего не можетъ возразить противъ ея проникнутыхъ негодованіемъ на него нападокъ. Здоровая логика Натальи не даетъ Рудину возможности пустить въ ходъ столь излюбленное имъ оружіе ціаlectики и онъ посрамленный долженъ удалиться съ поля сраженія. Тридцатипятилѣтній гегеліанецъ пасуетъ предъ провинціалкой девятнадцати лѣтъ!

Тургеневъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ большую ошибку, выдавая вноскѣствіи Наталью замужъ за Волынцева. Положимъ, что Волынцевъ человѣкъ съ отличнымъ характеромъ, одна изъ цѣльныхъ русскихъ натуръ, но въ мужа Натальѣ онъ всетаки не годится! Какъ можетъ она удовлетвориться имъ, когда даже *Mme. Boscourt* жалѣеть о «*le rapproche garçon, il a si peu de ressources dans la conversation.*». Его можно любить какъ брата, но не какъ мужа, съ которымъ женщина дѣлить всѣ свои стремленія и желанія, который долженъ служить ближайшимъ повѣреннымъ ея думъ и помысловъ. Можетъ-ли женщина, любившая Рудина, заразившася отъ него высшими стремленіями, можетъ-ли она быть счастлива съ добрымъ, но ограниченнымъ человѣкомъ? Какъ можетъ она раздѣлять свою жизнь съ личностью которая при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, не въ состояніи понять сомнѣній, брошеннѣй въ ея душу Рудинъ? Или можетъ быть мы въ лицѣ Натальи имѣемъ дѣло съ одной изъ тѣхъ неопределѣвшихся натуръ, которая въ одинаковой степени довольствуется весьма разнородными лицами? Или, можетъ быть, мы не правы, возведя Наталью въ предидущихъ странницахъ на слишкомъ высокій пьедесталъ? Можетъ быть она все-же обыкновенная провинціалка, которая не прочь пошалить и съ такимъ «умникомъ» какъ Рудинъ, хотя ей болѣе по плечу Волынцевы, и не прошедшая сквозь огонь и воду и мѣдные трубы пѣменецкой философіи? Если это такъ, если мы не правы, то зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ Тургеневу было возбуждать въ продолженіи всей повѣсти симпатію къ Натальѣ, зачѣмъ было окружать ее обаяніемъ, чтобы потомъ разомъ двумя строчками уничтожить первоначальное впечатлѣніе и превратить въ обыкновенную барышню, выходящую замужъ за всякого изъ боязни остататься въ старыхъ дѣвахъ? Но неѣтъ! Мы энергически вооружаемся въ защиту Натальи, и изъ поставленной намъ дилеммы предпочитаемъ видѣти такимъ образомъ, что при всемъ нашемъ уваженіи къ тонкому такту Тургенева согласны предположить, что онъ сдѣлалъ психологическую ошибку, застав-

ляя Наталью удовлетвориться такимъ мужемъ, какъ Волынцевъ, чѣмъ хотя на минуту подумать, что Наталья барышня, «имя коей легионъ». Наталья не Елена изъ «Наканунѣ», не Лиза изъ «Дворянскаго гибѣда», она, безъ сомнѣнія, мельче плаваетъ, но все-же слишкомъ глубоко, чтобы ей было достаточно просторно въ мелкой лужѣ помѣщицей жизни à la «Старосвѣтскіе помѣщицы» въ компаніи съ Волынцевымъ. А между тѣмъ Тургеневъ, устами Басистова, объявляетъ, что Наталья счастлива, принявъ предложеніе Волынцева. Тутъ явное противорѣчіе, несообразность со всѣмъ характеромъ Натальи, слишкомъ разсудительной и развитой, чтобы не понимать, какъ далеко отстаетъ ея будущій мужъ отъ идеала, мелькающаго въ ея воображеніи со времени знакомства съ Рудинымъ. Мы бы еще отчасти могли понять поступокъ нашей героини, если-бы Тургеневъ намъ показалъ, что послѣдняя, подъ вліяніемъ пребыванія въ свѣтскомъ московскомъ обществѣ, опошилась, потеряла свои прежнія, хорошия стороны. Но нѣтъ! Тотъ-же Басистовъ, привезшій Лежневымъ извѣстіе о бракѣ Натальи съ Волынцевымъ, разсказываетъ, что Наталья съ презрѣніемъ отвергла предложеніеѣкоего Корчагина, красиваго молодого человѣка и свѣтскаго льва, не смотря на то, что мать ея, ею очень любимая, чрезвычайно сильно желала видѣть свою дочь замужемъ за Корчагинымъ. Значить Наталья осталась прежнею — столица ее не испортила! И вдругъ такой шагъ назадъ: она выходитъ за Волынцева! Мы этого положительно не понимаемъ. Какъ безподобенъ конецъ или вѣрище алфѣозъ Рудина, какъ онъ истекаетъ изъ всего его характера, такъ несообразенъ поступокъ, завершающій собою появленіе въ повѣсти Натальи. Въ другомъ произведеніи Тургенева мы увидимъ, что дѣлаетъ русская женщина, когда ей не удается быть счастливымъ съ любимымъ человѣкомъ, увидимъ на какія энергичныя средства она рѣшается, чтобы затушить горесть своего сердца, средства, положимъ, нерациональныя и проистекающія только изъ неразумнаго устройства русской жизни, но все-же показывающія, что дѣйствительно женщина на нихъ

рѣшившаяся выходить изъ обыкновенной колеи провинціальныхъ русскихъ баринь. Наталия-же нелогична, появляясь при одномъ освѣщеніи въ началѣ повѣсти и при совершенномъ другомъ въ концѣ ея.

Объемъ нашего этюда, грозящаго затянуться до безконечности, не позволяетъ намъ останавливаться на другихъ дѣйствующихъ лицахъ «Рудина». Мы пропускаемъ поэтому великосвѣтскую львицу Ласунскую, прѣѣхавшую «отдохнуть» въ провинціи, ея сателита Пандзалевскаго, добродушнаго Басистова, красавицу—Александру Павловну. Мы пропускаемъ увальня Лежнева и даже не безъинтереснаго ненавистника жеющаго—Шигасова, съ его злостроумными насмѣшками надъ прекрасною половиною человѣческаго рода. Мы дѣлаемъ этотъ пропускъ не съ особенно большими сожалѣніемъ, такъ какъ намѣрены главнымъ образомъ показать *общественное значение* Тургеневскихъ произведеній и поэтому не желаемъ останавливаться на лицахъ, не представляющихъ собою характернаго типа, носящаго на себѣ отпечатокъ эпохи.

«Рудинъ» былъ напечатанъ въ январской и февральской книжкахъ «Современника» за 1856 годъ. При появленіи своемъ онъ возвбудилъ всеобщую сенсацію, всѣ поняли, что Тургеневъ изъ небольшаго міра лишнихъ людей и великихъ героевъ на маленькия дѣла перешель на широкое поле крупныхъ общественныхъ явлений и типовъ. И дѣйствительно, «Рудинъ» начинается самый блестящій періодъ развитія Тургеневскаго таланта. Въ теченіи шести лѣть, съ 1856 по 1862, быстро превратившійся въ первого русскаго беллетриста, писатель даетъ намъ «Рудина», «Фауста», «Асю», Дворянское гнѣздо, «Наканунѣ», «Первую любовь» и «Отцевъ и Дѣтей». Дѣятельность, которой можетъ позавидовать любой изъ корифеевъ европейской литературы! Съ «Рудина» датируются та громадная популярность Тургенева, которую, за исключеніемъ Пушкина и Гоголя, никто изъ представителей русскаго творчества не пользовался. До «Рудина» Тургеневъ былъ тоже любимцемъ журнальной публики, но никто въ немъ не видѣлъ, не смотря на „Записки Охотника“, одного

изъ тѣхъ людей, которые составляютъ предметъ національной гордости, предметъ всеобщаго почитанія. «Рудинъ» разомъ всѣмъ показалъ, что можно ожидать отъ его автора.

Вотъ какъ писалъ объ «Рудинѣ» покойный Дружининъ въ своей блестящей статьѣ о Тургеневѣ (Библ. для Чт. 1857). «Общий отзывъ читателей и очень развитыхъ и очень неразвитыхъ, сказался весьма скоро, въ одной и той-же формѣ. Самый толкій цѣнитель и самый вѣтреный дилетантъ согласились въ одномъ приговорѣ:—«Рудинъ есть вещь истинно замѣчательная и, мѣстами, неувыдовительная». Когда-же пришлое опредѣлять точнѣе степень достоинства и недостатковъ новой повѣсти,—отзывы раздѣлились и представили изъ себя нѣчто сбивчивое. Идея произведения, по своей глубинѣ, могла выдержать какой угодно анализъ, хотя и тутъ одни цѣнители нашли, что Тургеневъ обошелся съ Рудиномъ весьма слабо, тогда какъ другіе почти обвиняли автора въ чрезмѣрной строгости приговора. Художественная сторона повѣсти, напротивъ того, сама давала на себя оружіе многимъ чересчуръ выскакательнымъ цѣнителямъ. Во многихъ чѣстахъ Рудина, вѣсто живыхъ сценъ, таинулся голый разсказъ отъ авторскаго лица, вѣсто личностей, рельефно-очертанныхъ, появлялись фигуры, едва обозначенные не совсѣмъ вѣркою кистью. И за всѣмъ тѣмъ, повѣсть Рудинъ, разсматриваемая даже съ самой строго-художественной точки зрита, пригана бывала вѣтчи за новый, важный шагъ въ дѣятельности Тургенева. Въ ней не было педоконченостей и пебрежностей, бросавшихъ такую тѣнь на многія предшествовавшия повѣсти автора нашего: она отличалась богатою и многостороннею поэзіею, наконецъ ея идея гармонировала съ формой, на сколько это было возможно при трудности задачи. Переходъ отъ цѣлаго ряда эпизодическихъ эскизовъ къ произведению, имѣющему почти видъ романа, всегда выходитъ труденъ; а г. Тургеневъ сладилъ съ этимъ переходомъ, какъ слѣдовало честному и добросовѣстному писателю его дарованія. Вся его новая вещь носила на себѣ привлекательный слѣдъ серьезной мысли и, благодаря этому слѣду, поэтическія частности Рудина имѣли въ себѣ нѣчто разительное, свѣжее, новое. Короче сказать, повѣсть особенно полюбилась людямъ, коротко знакомымъ со средствами ея сочинителя, цѣнителямъ очень хорошо знающимъ, какихъ достоинствъ они въ правѣ ждать отъ Тургенева, и съ какими слабыми сторонами поэта они должны мириться по необходимости».

Отзывъ огромной массы читателей былъ еще благоприятнѣе.

За исключеніемъ «Рудина» и «Переписки» (Отеч. Зап. № 1.), о которой рѣчь была раньше, въ томъ-же 1856 году Тургеневымъ были напечатаны: «Завтракъ у предводителя» и

«Фаусть», оба въ «Современникѣ», первый въ августовской книжкѣ, второй въ октябрьской.

Изъ всѣхъ комедій Тургенева «Завтрахъ у предводителя» принадлежитъ къ числу наиболѣе живыхъ и сценичныхъ. Это простая жанровая картина и авторъ не бѣть на глубину мысли, какъ въ другихъ комедіяхъ своихъ. Вы съ удовольствиемъ читаете иѣсколько каррикатурное изображеніе вдовы Кауровой и такъ какъ дѣло не идетъ о Богъ вѣсть какомъ важномъ явленіи жизни, то вы и прощаете автору водевильность комедіи. Ступ сціце. Не комедіи сдѣлали Тургенева первымъ русскимъ беллетристомъ, слѣдовательно къ нимъ нельзѧ примѣнять масштабъ, служащій намъ для одѣнки «Рудина», «Дворянскаго гнѣзда» и «Наканунѣ». Спасибо Тургеневу и за то, что онъ небогатый запасъ русскаго репертуара увеличилъ одною, хотя и не особенно блестящую пьесою, но всѣ-же тѣмъ, что на театральномъ жаргонѣ называется «utilit e». Мы видѣли на сценѣ «Завтрахъ у предводителя» и отъ души смѣялись происходящимъ въ немъ перепетіямъ. Что и требовалось доказать!

Теперь, когда рѣчь зашла о комедіяхъ Тургенева, скажемъ обо нихъ иѣсколько словъ, чтобы болѣе къ нимъ не возвращаться. Въ предисловіи къ седьмому тому Салаевскаго изданія, гдѣ собраны вмѣстѣ драматическія произведенія нашего писателя, разбросанныя по «Отеч. Запискамъ» и «Современнику», начиная съ 1843 г. по 1857 г., Тургеневъ дѣлаетъ оговорку, что самъ сознаетъ свою слабость въ драматической поэзіи и ни уступиль-бы просыбамъ издателей перепечатать старыя комедіи свои, если-бы не желаніе представить ихъ читающей публикѣ въ томъ видѣ, въ какомъ были написаны: — напечатаны онѣ были вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій измѣненныя и обезображенныя. Изъ этой оговорки можно заключить, что въ реставрированныхъ комедіяхъ своихъ, Тургеневъ видѣтъ кое-какія достоинства. Къ сожалѣнію мы и въ новой редакціи никакъ не можемъ помириться съ сценичными попытками главы современныхъ русскихъ беллетристовъ. Всѣ его комедіи одна другой слабѣе. «Неосто-

рожность» — драматический очерк изъ испанской жизни— до невозможности вялъ и скученъ. Единственный сносный «нумеръ» въ немъ — серенада въ стихахъ, сносный не въ силу своихъ достоинствъ, а больше потому, что на безлюдьи и юома дворянинъ.

«Безденежье»—сцены петербургской жизни—стремятся къ водевилю, но далеко не достигают даже этого скромнаго уровня, потому что въ нихъ нѣтъ никакой веселости и движений. «Гдѣ тонко тамъ и рвется»—такъ тонко, что и самъ авторъ оборвался, сдѣлавъ совершенно непонятной «мораль» своей пьесы. Что касается «Мѣсяца въ деревнѣ», къ которому авторъ особенно благоволить, то мы право затрудняемся ближе опредѣлить его отличительныя черты. Лишенный драматической жилки, Тургеневъ тѣмъ не менѣе стремится вывести на сцену какую-то весьма хитросплетенную интригу, съ претензіями на психологической анализъ. Но увы и ахъ читателю отъ этого все-же не веселѣе и онъ съ большими кетерифіемъ ожидаетъ конца неинтересной путаницы. Единственная комедія Тургенева, не лишенная кое-какихъ достоинствъ—это «Начальникъ»: при хорошихъ актерахъ онъ легко смотрится.

«Провинціалка», «Холостякъ» — хотя и пользовались во время оно успѣхомъ, но что-же не пользовалось успѣхомъ, когда въ нихъ играли Мартыновъ и Садовскій. При обсужденіи «Разговора на большей дорогѣ» намъ приходится собрать всѣ свои симпатіи къ Тургеневу, чтобы снисходительно отнестись къ страной авторской неразборчивости. Въ respondent «Собакѣ», «Разговоръ на большей дорогѣ» служитъ интереснымъ указаниемъ, до чего можетъ дойти заблужденіе даже первокласснаго таланта относительно своихъ произведений.

XII.

«Силы въ природѣ не теряются». Таковъ законъ, выработанный усовершенствованіемъ естествознаніемъ. Таково положеніе, выведенное изъ наблюденія многихъ единичныхъ случаевъ. Чѣмъ нибудь сила должна проявиться. Рано или поздно дѣйствіе ея обнаружится. Можно задержать ея обнаружение, но уничтожить нельзя. Не постепенно, таکъ сразу всыхнетъ скрытый огонь и съ тѣмъ большою интенсивностью, чѣмъ продолжительнѣе его держали подъ спудомъ. Горько ошибаются тѣ, что полагаютъ возможнымъ идти противъ естественного хода вещей, противъ нормального развитія природныхъ даровъ. Еще никогда репрессивныя мѣры не привели къ цѣли, еще никогда никому не удавалось учредить контроль, изъ подъ власти которого не ускользнуло бы стремящееся наружу проявленіе жизни и сознанія своихъ средствъ. Чѣмъ сильнѣе гнетъ, тѣмъ гибельнѣе и ненормальнѣе увидѣть свѣтъ Божій извѣстное явленіе, при другихъ обстоятельствахъ давшее бы здоровые и полезные результаты, а теперь только служащее горькимъ и печальнымъ предостереженіемъ.

«Фаустъ» Тургенева есть лучшее доказательство всему этому. Въ немъ мы видимъ подтвержденіе высказанного выше. Въ немъ мы видимъ какъ нерадикально искусствомъ дресировкою убивать въ человѣка свойственные ему инстинкты, какъ неразумно превращать одушевленное существо съ горячо волнующейся кровью въ какого-то манекена по внѣшности, но въ сущности таящаго въ глубинѣ души своей весьма взрывчатый материалъ, который при удобномъ случаѣ въ состояніи надѣлать очень много бѣдъ и причинить очень много несчастій. Какъ ни крѣпка оболочка, но если, по мѣрѣ возрастанія ея крѣпости, увеличивается и стремленіе заключеннаго вещества выйти наружу, то когда-нибудь разновѣсіе должно нарушится и дѣло принимаетъ скверный оборотъ.

Героиня рассказа—Вѣра Николаевна Ельцова имѣть весьма сильных причины быть энергичной и страстной дѣвушкой. Ей отецъ былъ очень замѣчательный и талантливый человѣкъ. Со стороны матери наслѣдственность должна была еще сильнѣе сказаться. Дѣдъ ея Ладановъ долго жилъ въ Италии, гдѣ онъ женился на простой крестьянкѣ изъ Албано, предварительно похитивъ ее. На второй день послѣ того какъ родилась мать Вѣры Николаевны, бывшій женихъ албанской крестьянки подкрался къ женѣ своего счастливаго соперника и убилъ ее на повалъ. Ладановъ воротился въ Россію и предался занятіямъ химію, анатомію, кабалистикой, продленіемъ жизни человѣческой и тому подобными фантастическими предметами. Не вполнѣ обыденная чета были дѣдъ Ельцовой и его жена!

«Вѣра Николаевна пошла въ свой кабинетъ и принесла оттуда довольно большой золотой медальонъ. Раскрывъ этотъ медальонъ, я увидѣлъ превосходно написанные миниатюрные портреты дѣда Ельцовой и его жены—этой крестьянки изъ Албано. Дѣдъ Вѣры поразилъ меня сходствомъ со своей дочерью. Только черты у него, окаймленные блѣмы облакомъ пудры, казались еще строже, заостренѣе и рѣзче, а въ маленькихъ желтыхъ глазахъ просвечивало какое-то угрюмое упрямство. Но что за лицо было у итальянки! Сладко-страстное, раскрытое какъ расцвѣтшая роза, съ большими влажными глазами на выкатѣ и самодовольно улыбающимися, румяными губами! Тонкихъ, чувственныхъ ноздри, казалось, дрожали и расширялись, какъ послѣ недавниихъ подѣлуевъ; отъ смуглыхъ щекъ такъ и вѣло зноемъ и здоровьемъ, роскошью молодости и женской силы... Этотъ лобъ не мыслилъ никогда, да и слава Богу! Она нарисована въ своемъ албанскомъ нарядѣ, живописецъ (мастеръ!) помѣстилъ виноградную вѣтку въ ея волосахъ, черныхъ, какъ смоль, съ ярко сѣрыми отблесками: это вакхическое украшеніе идетъ, какъ нельзѣ болѣе къ выражению ея лица. И что всего удивительнѣе: глядя на этотъ портретъ я вспомнилъ, что у Вѣры, несмотря на совершенное несходство очертаній, мелькаетъ иногда что-то похожее на эту улыбку, на этотъ взглядъ....»

Мать Вѣры тоже была женщина съ сильными страстями и вотъ чтобы предохранить свою дочь отъ нихъ, она даетъ ей такое воспитаніе, при которомъ развивается только умъ, но не сердце. Пуще огня она боится поэзіи, такъ какъ при этомъ разыгрывается фантазія, бушуютъ страсти. Вѣра Николаевна до встрѣчи съ героемъ повѣсти послѣ замужества, когда ей уже

было двадцать-восемь лѣтъ не читала ни одного стихотворенія, ни одного романа. Мать ея боялась жизни. Она боялась «тѣхъ тайныхъ силъ, на которыхъ построена жизнь, и которая изрѣдка, но внезапно пробиваются наружу». Вотъ отчего она низачто не хотѣла познакомить свою дочь съ жизнью, вотъ отчего она ей не давала читать книги, гдѣ послѣдняя изображалась. Она ее отѣлила какою-то китайской стѣнкою отъ дѣйствительности и воображала, что ей удастся такимъ образомъ продержать Вѣру навсегда. Но горько она ошиблась! Не счастіе, а гибель принесла подобная система. Узнать страсть въ молодости, когда она законна, когда человѣкъ располагаетъ собою—въ этомъ нѣть ничего дурнаго, но познакомиться съ нею въ зрѣлныя лѣта, когда жизнь наложила известныя обязательства и свобода стѣснена условіями окружающей обстановки—это дѣйствительно горькая дилемма, изъ которой рѣдко кому можетъ удастся выйти не съ разбитымъ сердцемъ. Съ одной стороны долгъ, обязанности, призываютъ васъ смириться; вы головнымъ путемъ убѣждаете себя не отступать отъ дурнаго, но сердце заставляетъ васъ дѣлать другое и вами томительно-страшно хочется послѣдовать его зову. Сердце тоже имѣеть свои права и еще не народился тотъ философъ, который рѣшающимъ образомъ поставилъ бы его требованія ниже другихъ требованій человѣческой натуры. Мать Вѣры была того странаго мнѣнія, что согласовать требованіе сердца и долга нельзѧ.

« — Вы говорите, сказала она наконецъ:—читать поэтическія произведения и полезно и пріятно.... я думаю, надо заражеѣ выбрать въ жизни: или полезное, или пріятное, и такъ уже рѣшиться разъ на всегда. И я когда-то хотѣла соединить и то и другое.... Это невозможно и ведетъ къ гибели или къ пошлости».

Противъ такого мнѣнія много спорить не стоить: слишкомъ была-бы грустна жизнь, слишкомъ много давала-бы она опору пессимистамъ и мизантропамъ, еслибы полезное, должное нельзѧ было соединить съ пріятнымъ, если-бы всегда приходилось дѣлать выборъ между однимъ и другимъ—aut, aut! При самомъ суровомъ взгляде на жизнь, если принять за

истину изрѣченіе Базарова, что «природа есть мастерская, а человѣкъ въ ней работникъ», то и тогда мы не должны смотрѣть на дѣло съ такой мрачной точки зрења. Подобный взглядъ ведеть къ аскетизму, что можетъ быть примѣнительно къ отдельнымъ личностямъ, но никакъ не подходяще и пригодно какъ одинъ изъ пунктовъ общественного міросозерцанія, какъ одинъ изъ параграфовъ кодекса общественной нравственности. Мы пойдемъ дальше и настойчиво будемъ утверждать, что мать Вѣры Николаевны совершила преступленіе, беря за исходную точку воспитанія своей дочери подобный монашескій взглядъ на вещи. Какое право имѣла она убивать молодую натуру въ зародыши, не дать ей расцвѣсти, превратить для нея жизнь въ какую то базаренную обстановку, где все состоѧть изъ сочетанія хотя и правильныхъ линій, но не доставляющихъ удовольствія чувствующему человѣку, жаждущему не математики, а признаковъ юнаго, подвижного элемента, хотя-бы и не всегда правильнаго. Человѣкъ, дѣлающій все и всегда *какъ слѣдуетъ*—есть фикція, вредный вымыселъ, дающій печальные результаты, когда его кто-нибудь вѣдомъ вадумаетъ примѣнять къ жизни. Человѣкъ съ узкой пошлю-филистерской натурою превращается, при такой системѣ, въ сухаго, бессердечнаго педанта, а широкая, полная силъ личность не поддается дрессировкѣ, и за то очень часто выходитъ изъ борьбы, растративъ на нее все даяное ей отъ природы. Слѣдовательно и мать Вѣры въ своемъ вредномъ убѣжденіи возможности подавленія не подавляемаго оказала очень плохую услугу своей дочери, за которую та вносила страданіе дорогое поплатилась. Когда ей открыли новый міръ новыхъ ощущеній, когда ее ввели въ незнакомую область чувствъ и господства сердца наравнѣ съ разсудкомъ, въ ней произошелъ трагическій поединокъ между привитымъ воспитаніемъ и естественнымъ влечениемъ ея натуры. Съ малолѣтства внущенное понятіе о долгѣ боролось и противъ насыща страсти и Вѣра Николаевна не могла выдержать несогласуемости этихъ двухъ элементовъ. Впечатлительная натура слишкомъ сильно отозвалась на полученное раздраженіе

и погибла вслѣдствіе силы своей отзывчивости, вслѣдствіе глубины своихъ ощущеній.

Вѣра Николаевна, не смотря на свою страстную натуру, не была знакома со страстью даже по имени.

«Мать Вѣры до того приучила себя не давать воли своимъ чувствамъ, что даже стыдилась выражать страстную любовь свою къ дочери; она ни разу не поцеловала ее при мнѣ, никогда не называла ее уменьшительнымъ именемъ, всегда Вѣра. Помню ей одно слово: я какъ-то сказала ей, что все мы, современные люди, надломанные.... «надламывать себя не для чего, промолвила она—надо всего себя перекомить или ужъ не трогать».

Сама она предпочитаетъ первое. Вѣра выходитъ замужъ, по совѣту матери, за какого-то Пріимкова, человѣка весьма недальнаго, и обыденнаго, хотя и не злаго. Когда къ ней посватался герой повѣсти, человѣкъ во всякомъ случаѣ неизмѣримо выше стоявшій Пріимкова, мать Вѣры ему сказала: «Нѣтъ, мой милый, поѣзжайте въ Берлинъ, *надломитесь - ка еще*. Вы добры; но не такой мужъ нуженъ для Вѣры». «Стало быть, *ты годился*» справедливо разсуждаетъ нашъ герой, съ-избока посматривая на Пріимкова. Дѣйствительно Вѣра и Пріимковъ—такое сочетаніе можетъ выдумать только близорукая теорія старухи Ельцовой, полагающей возможнымы совмѣстное существованіе двухъ діаметрально-противоположныхъ натуръ. Начало повѣсти какъ - будто нѣсколько подтверждаетъ, что справедливость на сторонѣ матери Вѣры: послѣдняя «счастливо» живеть съ мужемъ своимъ, если только можно назвать ея жизнь такимъ именемъ, если название жизни можно безъ уклоненія отъ истины придавать физиологическому проявленію. Но, Богъ съ нимъ! не будемъ слишкомъ взыскательными, и предположимъ, что чета Пріимковыхъ блаженствуетъ. Посмотримъ только, на сколько прочно основаніе, фундаментъ ихъ счастія, на сколько онъ въ состояніи противостоять натиску разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и случайностей, отъ встрѣчи съ которыми трудно уберечься.

Видали-ли вы когда-нибудь ребенка, которому удалось довести до окончанія постройку карточного домика? Какъ онъ тогда счастливъ и увѣренъ, что его твореніе продержится

долго, очень долго. Но вотъ прибѣжалъ его братишка и сильно чихнулъ. Домикъ распался и ребенокъ, вѣвъ себя отъ гѣя, напускается на чихнувшаго: по его винѣ распалась прекрасная постройка, по его винѣ все несчастіе произошло. Дѣтской логикѣ никогда не придется на умъ подумать, что можетъ быть главная причина разрушенія весьма отдалена отъ чихнувшаго, а лежитъ въ непрочности самого карточнаго домика. Въ «Фаустѣ» мы имѣемъ дѣло точно съ такимъ-же явленіемъ. Безъ сомнѣнія есть такие близорукіе суды, которые не умѣютъ отличить сущность отъ несущественнаго и прямо обвиняютъ героя повѣсти въ томъ, что онъ разрушилъ «счастье» Вѣры. Вѣдь жила-же она, вполнѣ довольная своею обстановкою, до того какъ съ нимъ познакомились, сказала-бы старая Ельцова, если-бы увидѣла произшедшую катастрофу и сказавъ это, совершенно уподобилась - бы выше обсужденному архитектору карточнаго домика. Вѣдь роль героя повѣсти болѣе чѣмъ отрицательная: онъ пришелъ и прочелъ Вѣрѣ «Фауста»; согласитесь, что тутъ еще менѣе активности, чѣмъ чихнуть. Не онъ-же виноватъ въ томъ, что невинное чтеніе производитъ такую бурю въ настроеніи Вѣры. Вѣчно Вѣра не могла-же оставаться въ предѣлахъ своего душевнаго Китая. Когданибудь должна-же была-бы произойти брешь въ стѣнѣ, отдѣляющей ее отъ дѣйствительности. Слѣдовательно если не герой повѣсти, то другой, третій разыграли-бы его роль и открыли бы глаза Вѣрѣ Николаевѣ, до того завѣшаные рукой заботливой матери. Еслибы Вѣра по натурѣ своей не была-бы предрасположена къ восприятію сильныхъ чувствованій — и двадцать пять чтеній всевозможныхъ «Фаустовъ» не произвели бы никакого дѣйствія.

«Я всю ночь не спала, сказала она мнѣ, у меня голова болитъ; я вышла на воздухъ—авось пройдетъ.

— Неужели это отъ вчерашняго чтенія? спросилъ я.

— Конечно: я къ этому не привыкла. Въ этой вашей книжѣ есть вещи, отъ которыхъ я никакъ отѣльваться не могу; мнѣ кажется, это онѣ мнѣ такъ жгутъ голову, прибавила она, приложивъ руку ко лбу.

— И прекрасно, промолвилъ я:—ко вотъ что дурно: боюсь я, какъ-бы эта безсонница и головная боль не отбили у васъ охоты читать такія вещи.

— Вы думаете? возразила она и сорвала мимоходомъ вѣтку дикаго жасмина—Богъ знаетъ! Мнѣ кажется, *что разъ ступитъ на эту дорогу, томъ уже назадъ не вернется*.

Возможно-ли послѣ этого обвинять расшевелителя Вѣры? Представьте себѣ, что этотъ самый господинъ подѣхаль съ «Фаустомъ» къ другой барышнѣ или барынѣ. Ну, они бы его прочли, отдали-бы дань удивленія великому германскому поэту, и потомъ самими спокойнымъ образомъ пошли-бы болтать о сосѣдахъ или пожалуй засѣли бы въ преферацікъ. На Вѣру-же «Фаустъ» производить дѣйствіе электрической искрѣ. Она вся встрепенулась отъ предчувствія знакомства съ неизвѣданнымъ міромъ страстей, желаніе матери ея застраховать дочь отъ нихъ не удалось, а послужило только къ приданію большей прелести незнакомымъ ощущеніямъ. При другомъ воспитаніи это знакомство не произвело-бы такого поражающаго впечатлѣнія и медленное развитіе страстей не причинило-бы такого вреда, который неизбѣженъ при внезапномъ ихъ наплывѣ, при внезапной вспышкѣ. Вѣра натура замѣчательно прямая и потому ей страшно дорого обходится каждая побѣда надъ преувеличеннымъ понятіемъ о долгѣ. Почувствовавъ любовь къ своему расшевелителю, она вѣѣ себя, ей представляется фантомъ матери, съ укоризной на нее взирающей. Она не въ состояніи примирить разнообразныя свои ощущенія. Не даромъ мать про нее сказала: «ты какъ ледь: пока не растаешь, крѣпка, какъ камень: а растаешь, и слѣда отъ тебя не останется». Что она сама тутъ виновата, объ этомъ старуха и не подумала. Хитрить Вѣра не привыкла и потому первая объявляетъ герою повѣсти, что его любить и назначаетъ ему свиданіе.

«Послѣ чаю, когда я уже начинала думать о томъ какъ-бы незакѣтво выскользнуть изъ дому, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрѣзъ за ней. Я не смѣѣ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ей первого слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайского домика, молча вошли въ него, и тутъ я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣжалось—мы внезапно очутились въ объятияхъ другъ друга. Какая-то не видимая сила бросила меня къ ней, ее—ко мнѣ. При потугающемъ свѣтѣ дня,

ея лицо съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилась улыбкой самозабвения и нѣги, и наши губы слились въ поцелуй....

Этотъ поцелуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ и, съ выражениемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ....

— Оглянитесь, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ:—вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого, что?

— Моя мать, медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновеніе.

— Полноте! началь я: что вы это? Скажите мнѣ лучше....

— Нѣть, ради Бога нѣть! перебила она и схватила себя за голову.—Это сумасшествіе.... Я съ ума схожу.... Этимъ шутить нельзя.—Это смерть... Прощайте....

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновеніе, воскликнула я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналь, что говорилъ и едва держался на ногахъ.—Ради Бога.... вѣдь это жестоко.

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ, послѣдно проговорила она:—не сегодня, прошу васъ.... уѣзжайте сегодня.... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду.... я клянусь тебѣ, что приду, привезла она съ увлечениемъ, и глаза ея блеснули: — кто-бы не останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пусти меня сегодня.

И прежде чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла.»

Не пришлось однакоже Вѣрѣ исполнить своего обѣщанія. Она не перенесла страшнаго нравственнаго потрясенія и смертельно занемогла. Вы понимаете, что привидѣніе матери при этомъ является олицетвореніемъ того начала въ нашей героинѣ, которое ей внушаетъ привязанность, уваженіе къ долгу, наперекоръ волю сердца. Вѣра была слишкомъ правдива, чтобы пользоваться чѣмъ нибудь въ тайнѣ. Собственная ея душа была наисильнѣйшей тому помѣхой. На минуту она увлекается, но вдругъ предъ умственнымъ взоромъ ея возстаетъ грозный призракъ матери съ сухою проповѣдью о

долгѣ, и Вѣра не въ силахъ долго съ нимъ бороться. Слишкомъ велико вліяніе воспитанія, чтобы она могла отъ него эмансирироваться и вотъ молодая жизнь принесена въ жертву, доказавъ своимъ примѣромъ, что огонь нельзя потушить, слегка закрывъ его отъ доступа воздуха, мы говоримъ слегка, такъ какъ мы не знаемъ еще той педагогической системы, которая побѣдоносно могла бы выйти изъ борьбы съ естественными требованіями человѣческой природы. Печальнымъ предостереженіемъ возвышается предъ нами симпатичная фигура Вѣры Ельзовой, увеличивая собою галлерею привлекательныхъ женскихъ портретовъ Тургенева. Въ ея лицѣ защитники свободы человѣческаго сердца могутъ почерпнуть гораздо болѣе сильныя доказательства, чѣмъ изъ всѣхъ Жоржъ-Зандовскихъ романовъ, потому что ничто не дѣйствуетъ на насъ сильнѣе чѣмъ грустный финалъ, являющейся результатомъ извѣстнаго нерациональнаго явленія.

«Фаустъ» былъ напечатанъ въ 10 № «Современника» за 1857 г. По поводу его Ивану Сергеевичу пришлось выдержать маленькую перепалку съ издателемъ «Русскаго Вѣстника» г. Катковымъ. Дѣло состояло вотъ въ чёмъ. Въ объявленіи о подпискѣ на «Русскій Вѣстникъ» на 1857 г. между прочимъ было сказано:..... «Особенно со стороны г-на Тургенева встрѣчено было новое изданіе живымъ сочувствіемъ. Онъ вызвался принимать въ немъ самое дѣятельное участіе. Для «Русскаго Вѣстника» былъ имъ предпринять особый трудъ. Въ письмѣ своемъ къ редактору онъ предлагалъ объявить заблаговременно, что въ одной изъ первыхъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» будетъ помѣщена его повѣсть подъ заглавіемъ *Призраки* (вероятно, весьма склонная по содержанію съ разсказомъ, который появился въ октябрьской книжкѣ «Современника» подъ заглавіемъ *Фаустъ*). Недоумѣніе извѣщаѣше онъ насъ о ходѣ своей работы, которая, какъ онъ писалъ, замедлилась отъ разныхъ обстоятельствъ и откладывала доставленіе ея въ редакцію отъ

одной книжки до другой. Наконецъ, въ августѣ, онъ уѣхалъ за границу, а редакція «Современника» напечатала объявление объ его «обязательномъ соглашеніи» съ нею. Зная лично г. Тургенева, и имѣя основанія уважать его не только какъ литератора, но и какъ человѣка, мы увѣрены, что въ его глазахъ *данное слово* должно быть обязательное самаго формальнаго обязательства, а потому мы не сомнѣваемся, что онъ, рано или поздно, очистить и себя и насъ передъ нашей публикою».

Тургеневъ дѣйствительно не долго медлилъ разъясненіемъ. Вотъ что онъ писалъ редактору «Москов. Вѣд.».

«Парижъ 4-го (16) января 1857 г. М. Г., я на дняхъ получилъ № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ помѣщено объявление объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично до меня касающагося,— я не могу не отвѣтить на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

Вотъ въ чёмъ дѣло. Пропилъ осенью я, не назначая впрочемъ определенного срока, обѣщаль г-ну издателю «Русскаго Вѣстника» повѣсть подъ названіемъ: «Призраки», за которую я принялъ въ то-же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями «Современника» условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведения исключительно въ ихъ журналѣ, при чёмъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ «Русскому Вѣстнику». Слѣдовательно, вся моя вина состоить въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почегъ себя въ правѣ наименовать, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ «Фаустъ» въ IX № «Современника», тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо известно, что между этими двумя

повѣстями нѣть никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе моей повѣсти на листахъ этого журнала, вѣроятно никѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что дѣйствіе мое въ одномъ журналь—ни значительно способствовать его распространенію, ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ «Русскаго Вѣстника» — лучшее тому доказательство. Тургеневъ.

На это письмо г-нъ Катковъ отвѣтилъ длиннымъ посланіемъ, изъ которого выбираемъ слѣдующія мысля:

.....Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ «Русскій Вѣстникъ», съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ «Современникѣ», оскорбила г-на Тургенева. Догадка эта распространилась прежде моего замѣчанія, съ нѣкоторыми, не совсѣмъ лестными для редакціи комментаріями; я слышалъ ее отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особенного значенія. Авторъ властенъ надъ развитіемъ своего произведенія, одинъ и тотъ-же мотивъ можетъ развиться въ двухъ параллельныхъ произведеніяхъ, и два различные мотива могутъ слиться въ одномъ. Чисто-сердечно извиняюсь передъ г-мъ Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ, и объясняю, что силу моего упрека полагала я не въ этомъ. Теперь, когда г-нъ Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ название *Призраковъ*, нѣть ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ, а потому и нахожу неумѣстнымъ распространяться о тѣхъ основаніяхъ, которые заставляли меня и другихъ догадываться о сходствѣ между этими двумя рассказами. Сущность-же дѣла, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что если-бы г-нъ Тургеневъ не забылъ силы и формы своего обѣщанія, если-бы онъ потрудился представить себѣ всю

непріятность положенія, въ какомъ должна была, по этому случаю, находиться редакція новаго журнала, то вмѣсто той повѣсти, которую въ мысли своей онъ назначалъ для «Русскаго Вѣстника», и которая не удавалась ему, онъ могъ-бы доставить другую повѣсть, которую успѣхъ кончить. Мы были-бы вправѣ считать свое обязательство передъ публикою исполненнымъ, если-бы вмѣсто *Призраковъ* представили ей *Фауста*. Думаемъ, что г-ну Тургеневу было-бы тѣмъ легче сдѣлать этотъ обмѣнъ, что редакція «Современника», при открытии подписки на нынѣшній годъ, не обѣщала *Фауста*, и потому могла-бы имъ пожертвовать въ ожиданіи *Призраковъ* и многихъ другихъ произведеній г-на Тургенева, какъ своего исключительного сотрудника на будущее время.

Г-нъ Тургеневъ находить въ свою очередь страннымъ, что я, позволивъ себѣ оскорбившее его замѣчаніе, заявляю свое уваженіе къ нему. На это скажу ему, что нравственное достоинство поступковъ опредѣляется прежде всего ихъ побужденіями; въ побужденіяхъ-же г-на Тургенева, относительно меня, я не могъ предполагать ничего дурнаго, и все недоразумѣніе объясняю тою забывчивостью, которой доказательство нашли мы въ его письмѣ изъ Парижа, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Сверхъ того, мы полагаемъ различіе между поступкомъ и человѣкомъ, и не одобряя поступка, можемъ сохранять полное уваженіе къ человѣку, особенно если онъ самъ готовъ сознать свою ошибку».

Закончимъ этотъ, выражаясь по парламентски, *incident* отвѣтнымъ, на этотъ разъ послѣднимъ, письмомъ Тургенева. Если мы вообще нѣсколько долго остановились на этомъ эпизодѣ, то только съ цѣлью показать, что уже въ 1857 г. до появленія «Аси», «Дворянскаго Гнѣзда», «Первой любви», «Наканунѣ», «Отцевъ и Дѣтей», популярность Тургенева была уже очень обширна и имъ его составляло большую пріманку для читающей публики.

Второе письмо Тургенева къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей» гласило: М. Г. Получая снова отъ меня письмо,

въ которомъ идеть рѣчъ о моей повѣсти, объщанной «Русскому Вѣстнику» и т. д. вы рѣбоятно подумаете, что игра не стоитъ свѣчъ. Это мнѣніе раздѣлить съ вами публика, раздѣляю и я. Но дѣлать нечего: надоѣло очистить этотъ вопросъ. Ограничусь двумя словами.

Я готовъ сознаться, что въ первомъ письмѣ моемъ изъ Парижа мнѣ-бы слѣдовало къ словамъ: не назначая опредѣленного срока прибавить слово: обязательнаго; я дѣйствительно надѣялся доставить мою повѣсть г-ну Каткову въ началѣ прошлаго года; — но въ дѣлѣ сочинительства одной доброй воли мало, и повѣсть моя осталась неконченной. Это не мѣшаєтъ мнѣ объявить, что всю отвѣтственность за это неисправность (если только стоитъ употреблять такія громкія слова по поводу такого маловажнаго дѣла) я принимаю на себя.

Что-же касается до выговореннаго мною (при заключеніи условія съ «Современникомъ») права исполнить обѣщаніе, данное «Русскому Вѣстнику», то г-ну Каткову стоитъ обратиться къ редактору «Современника», у котораго хранится оригиналъ нашего условія, чтобы убѣдиться въ совершенной справедливости моихъ словъ. Сожалѣю, что этотъ запросъ г-ну Панаеву не быть сдѣланъ г-мъ Катковымъ раньше; это-бы избавило и его и меня отъ новаго сомнѣнія и намека.

Въ надеждѣ, что этимъ объясненіемъ прекратится возникшее недоразумѣніе, прошу васъ принять, М. Г. увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ остаюсь и пр.

Иванъ Тургеневъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Иванъ Сергеевичъ въ томъ-же 1857 году напечаталъ въ 4-й книжкѣ «Современника» за этотъ годъ одноактную комедію подъ названіемъ «Чужой хмѣль» и въ 10-й книжкѣ «Библіотеки для чтенія» за тотъ-же годъ—очеркъ «Поѣзда въ Польсье», заключившій собою «Записки Охотника». Послѣдніе въ это время были переведены на французскій языкъ Delaveau подъ заглавиемъ

«Recits d'un chasseur». Въ слѣдующемъ 1858 году «Записки Охотника» появились и на нѣмецкомъ языкѣ, въ плохомъ вирочемъ переводѣ Августа Больца подъ заглавиемъ «Aus dem Tagebuche eines Jägers».

XIII.

Предъ нами маленькая повѣсть — «Ася», всего въ 55 страницъ. Но сколько въ ней чувства, сколько поэзіи, не напускной фетовской, а истинной, глубокой, таекъ и щемящей сердце пріятнымъ томлениемъ. Что-то отрадное вами овладѣваетъ, что-то знакомое мелькаетъ предъ вашими глазами, вы вспоминаете былое и вамъ хорошо на душѣ. Въ вашемъ сознаніи возстаютъ картины прошлаго со всѣмъ тѣмъ неопределеннѣмъ хаосомъ ощущеній, который одинъ только Тургеневъ и въ состояніи въ такой сильной степени воскресить у каждого читателя. Всего сильнѣе сей-часть указалъ струйка появляется у нашего беллетриста, когда не выставляя общественныхъ типовъ, онъ вдругъ намъ рисуетъ какое-нибудь оригинальное женское существо въ родѣ Аси и Зинаиды изъ «Первой любви».

Ася не типъ, не представитель извѣстной общественной формациі. Тѣмъ не менѣе характеръ ея имѣть общественную важность, такъ какъ въ ней мы видимъ цѣлую женскую натуру, не подвергшуюся порчѣ неумѣлой дрессировки. Незаконнорожденная Ася воспитывалась до тринацдцати лѣтъ безъ всякой системы, или вѣрѣйте сказать вовсе не воспитывалась, таекъ-таекъ нельзя-же въ самомъ дѣлѣ назвать такимъ громкимъ именемъ то, что маленькой Асѣ давали быть, пить, да одѣвали до девяти лѣтъ по крестьянски, а потомъ какъ барышню. И хорошо, что ее не «воспитали». По крайней мѣрѣ остались въ неприкосновенности ея хорошие природные задатки, доставшіе ей по наслѣдству отъ простой, но су-

ровой и «характерной» матери ея — деревенской девки — Татьяны. Неиспорченная, здоровая народная натураоказалась самым привлекательным образом въ Асѣ, когда ей дали образование, сообщившее ей только хорошія стороны, между тѣмъ какъ дурнія отъ нея отпрынули и не привились. А привиться имъ было болѣе чѣмъ легко. Представьте себѣ, что «незаконнорожденная» девочка попадаетъ въ аристократический пансионъ, гдѣ каждая изъ воспитанницъ уже съ колыбели заражена сословными предразсудками и смотрить поэтому съ величайшимъ пренебреженiemъ на лицъ не «хорошой» фамилии. Не хуже ихъ взрослыхъ маменекъ и тетенекъ онъ могутъ всякому «указать его мѣсто» и уязвить отсутствиемъ доблестныхъ предковъ. А ужъ какъ плохо должно приходиться лацу, которого даже ближайшіе родственники неизвѣстны. Много нужно было Асѣ имѣть неиспорченной натуры, чтобы не стать озлобленною противъ всего свѣта, много ей нужно было обладать хорошими задатками, чтобы не заразиться мелкими качествами своихъ подругъ съ прidaчею завистливости, пронырливости и подлизыванья. Значитъ корень былъ хороши, если столько дурныхъ условій не подействовали гибельнымъ образомъ.

Ася чрезвычайно своеобразная натура, — одинъ изъ безсознательно-геройскихъ характеровъ. Пояснимъ нѣсколько нашу мысль, что бы она читателю не показалась страною и не понятною. Дѣло вотъ въ чёмъ. Есть личности, которыхъ вслѣдствіе образования и хорошаго воспитанія развили въ себѣ чувства гражданскаго мужества, въ сущности представляющаго только вдохновенное и облагороженное личное. Такой человѣкъ въ состояніи воодушевиться отвлеченною идеей, онъ даже способенъ рискнуть жизнью, что бы привести ее въ исполненіе. Но геройство въ немъ пассивное. Если оно не будетъ каждый разъ особенно вызвано, то субъектъ имъ обладающій, можетъ просуществовать долгіе годы безъ того, чтобы окружающие имѣли-бы самое отдаленное понятіе о таковыхъ его качествахъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока какое нибудь экстраординарное происшествіе не вытя-

нетъ ихъ на свѣтѣ Божій, чтобы всѣхъ поразить своею неожиданностью. Въ противоположность такимъ пассивнымъ героямъ есть натуры, для которыхъ сильныхъ ощущенія (признакъ не слабой и не трусливой натуры) также необходимы какъ иному обѣдать каждый день. Безъ случаевъ, когда кровь быстрѣе течеть въ жилахъ, и организмъ живетъ возбужденною жизнью, имъ скучно. Имъ трудно переносить будничную, ровную обстановку, безъ всякихъ потрясений. Между женщинами всего чаще попадаются подобныя личности, такъ какъ женская натура страстнѣе, порывистѣе, болѣе подчинена, вслѣдствіе тысячелѣтней отычки думать, сердцу чѣмъ разсудку. Такимъ характерамъ мы можемъ дать название только *безсознательного* героизма, ибо онъ у нихъ въ крови, онъ составляетъ не отъемлемую часть всего ихъ существа. Онъ выражается въ самомъ обыкновенномъ движениіи, въ каждомъ словѣ, во всякомъ поступкѣ. Онъ отражается напонецъ на физіономії, всегда оживленной и указывающей на душевное настроение. Вотъ, напримѣръ, возьмемъ Асию. Она и сѣть не можетъ какъ всѣ люди. Непремѣнно вскарабкается на высокую скалу, чтобы хотя нѣсколько поволноваться, хотя немного вообразить себя въ необыкновенной обстановкѣ. Она шалитъ какъ маленькая дѣвочка, хотя очень умна и далеко не безъ развитія. Все въ силу своей натуры, требующей безпрестанной смѣни ощущеній, и при томъ волнующихъ сердце. Когда она想要 прикинуться «благовоспитанной» дѣвицей — ей это совершенно не удается потому, что она становится тогда натянутой и не естественной. Братъ Аси, добродушный Гагинъ, отлично понимаетъ ее и говорить, что его сестрѣ можетъ понравиться только герой, необыкновенный человѣкъ или живописный пастухъ въ горномъ ущельѣ. О томъ, какимъ образомъ ей понравился г. Н., рассказчикъ въ «Асѣ», скажемъ послѣ.

Аси томится въ ожиданіи чего-нибудь особеннаго. Ей-бы захотѣлось стать Жанной д'Аркъ или въ родѣ этого, да жалко случаевъ такихъ болѣе нѣть, ничего не подѣлаешь. Ей вдругъ приходить на умъ совсѣмъ нелѣпое и экзентрич-

ное желание быть птичкой, что бы кружиться въ синевѣ небесъ, парить надъ облаками и сразу все обозрѣвать, вообще возвыситься надъ всемъ земнымъ. Нужно замѣтить, что все это не желанія капризной дѣвочки, бѣсанящейся съ жибу. Ася эксцентрична совсѣмъ особымъ образомъ; она страшно впечатлительна и нервна въ томъ смыслѣ, что ничто не проходитъ мимо нея не замѣченіемъ, безъ того, чтобы не оставить какой-нибудь слѣдъ. Когда ей весело, она не становится стѣсняться чужими присутствіемъ, не побоится вести себя самымъ «неблаговоспитаннымъ» манеромъ. Что бы напримѣръ, сказали маменьки и тетенки, какіе бы крики ужаса они испустили при слѣдующей сценѣ:

«Если-бы мы съ вами были птицы—какъ-бы мы взмыли, какъ-бы полетѣли.... Такъ-бы и утонули въ этой синевѣ.... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырасти, возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживите—узнаете. Есть чувства, которые поднимаютъ насъ отъ земли. Не беспокойтесь, у васъ будуть крылья.

А у васъ были?

— Какъ вами сказать.... Кажется до сихъ поръ, я еще не леталъ. Ася опять задумалась. Я слегка ваклобился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? спросила она вдругъ.

— Умѣю, отвѣчалъ я, вѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте.... Я попропу брата сыграть намъ вальс.... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала изъ дома, и побѣжалъ вслѣдъ за нею и вѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ подъ сладкие звуки Лавера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлечениемъ. Чѣмъ-то мягкое, женское простило вдругъ сквозь ея дѣвический, строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мѣхъ ея ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзко обвѣнчаномъ кудрями.»

Но пусть ихъ маменекъ и тетенекъ, пускай кричать, что Ася неблаговоспитанная дѣвочка, которую нужно забрать въ ежевые рукавицы, что бы выгнать «дурь» изъ головы. Все это не помѣшаетъ намъ въ ней видѣть по истинѣ замѣчательную натуру. Но сколько нужно умѣнія, сколько знанія человѣческой природы, что бы утилизировать ее для общества. Вѣдь героическихъ подвиговъ въ не геройской вѣрѣ

намъ вегдѣ и совершать-то. Да наконецъ они и не составляютъ норму жизни, ихъ можно допускать только какъ рѣдкое исключение, какъ годовой праздникъ, не чаще. Въ противномъ случаѣ, они нарушаютъ обычное теченіе цивилизованной жизни и служить только помѣхой ходу прогресса. Общество все болѣе и болѣе приближается къ уничтоженію индивидуального вліянія, оно идетъ по пути всеобщаго уравненія, специализированія занятій каждого изъ членовъ своихъ. Поэтому оно болѣе не нуждается, какъ въ первобытныя времена, въ личной храбрости, въ личной доброкачественности. Ему главнымъ образомъ нужны члены, которые, отрѣшившись отъ міровыхъ стремлений, удовольствовались-бы скромною ролью чернорабочаго въ дѣлѣ прогресса и не заявляли-бы никакихъ претензій на необыкновенные случаи, на экстраординарныя происшествія, нарушающія спокойное развитіе здоровой гражданской жизни. Пока общество еще не достигло своего только-что показанного идеального положенія, оно требуетъ мужества и героизма отъ своихъ членовъ, желающихъ споспѣшствовать его поступательному движению; но оба эти качества должны быть совсѣмъ другаго разряда. Требуется мужество гражданское, то мужество, которое должно поддерживать передовыхъ людей въ ихъ борбѣ съ недомысліемъ и недоброжелательствомъ рутины, въ стремлениі уничтожить нерациональные условия быденій жизни, гдѣ многие еще не возвысились до того, чтобы проникнуться неразумностью современного имъ положенія дѣлъ. Чтобы имъ обладать—нужно быть высокоразвитымъ человѣкомъ. Одной личной храбрости тутъ мало. Рудинъ только отчасти обладалъ «гражданственностью», если можно такъ выразиться. Въ немъ не было умѣнья благотворно дѣйствовать на своихъ согражданъ, потому что у него слово не согласовалось съ дѣломъ и несоответствіе это уничтожало заслугу его тамъ, гдѣ онъ давалъ импульсы умственной жизни людямъ, не додумавшимся самимъ ни дочего. Но Рудинъ—«дѣла давно минувшихъ дней». Ася гораздо ближе намъ, она уже составляетъ переходъ къ Лизѣ

Калитиной, къ Еленѣ Стаковой. Въ ней уже вѣяніе новой жизни, приближеніе эпохи, гдѣ можно было заняться кое чѣмъ кромѣ прекрасноговоренія о материахъ высокихъ.

По нашему мнѣнію значеніе характера Аси гораздо глубже, чѣмъ его обыкновенно понимаютъ. Большинство критиковъ въ ней видѣтъ необыкновенно подвижную натуру, всегда за погонею чего-нибудь выдающагося и больше ничего. Можетъ быть и самъ авторъ ничего другаго не имѣлъ въ мысляхъ, создавая «Асю». Про это мы ничего не знаемъ. Но наше мнѣніе по этому поводу радикально противоположено. Мы въ Асѣ видимъ отраженіе цѣлаго, огромнаго движения въ русскомъ обществѣ.

Начало пятидесятыхъ годовъ характеризуется весьма замѣтнымъ стремленіемъ эмансипироваться отъ многихъ устарѣлыхъ взглядовъ — наслѣдія предыдущихъ эпохъ. Никакіе искусственные тормазы не были въ состояніи задержать это стремленіе, слишкомъ сильно сказавшееся во всѣхъ слояхъ общества. На зло своимъ врагамъ и недоброжелателямъ въ общемъ движениіи не отстала и женщина. И она въ своей сферѣ прониклась желаніемъ отбросить все тормозящую рутину и она захотѣла докнуть новымъ воздухомъ свободы и независимости отъ нѣкѣхъ требованій свѣтскаго китаизма, для нея въ особенности тягостнаго своимъ безконечнымъ количествомъ стѣсненій на всякомъ шагу. Но гдѣ лучше и скорѣе могли проявиться новые идеи, какъ не на торной женской дорожкѣ, которая ни одна женщина миновать не могла. Мы говоримъ о любви, составлявшей все для женщины прежнаго времени, такъ какъ другихъ болѣе важныхъ интересовъ у нея не было. Вотъ отчего на этомъ поприщѣ всего раньше стало замѣтно: вліяніе новыхъ понятій. Ася служить однимъ изъ первыхъ представителей нового направления. Она хотя не дошла «своимъ умомъ» до того, чтобы отвергнуть старыя понятія о любви, объ отношеніяхъ женщины и мужчины между собой, но за то мысли ея, сюда относящіяся, не были спутаны, ей не были привиты воспитаніемъ представленія, совершенно чужды человѣческой при-

родѣ и логическимъ требованіямъ ума. Поэтому нечего удивляться, что полюбивъ, она не обращаетъ вниманіе на свое «поведеніе» и безъ всякихъ околичностей назначаетъ любимому человѣку свиданіе и даже не утаиваетъ отъ брата возникающее въ ней чувство. Но да не придутъ въ ужасъ нравственные папеньки и маменьки! Истинная нравственность тутъ ни чути не нарушена. Если Ася увлечется и, о ужасъ! — «надеть», то все-же будущій мужъ ея можетъ быть увѣренъ въ томъ, что она своему супружескому долгу останется вѣрна и ему не измѣнить. Она его не надусть; если-же разлюбить, то прямо объ этомъ объявитъ, не желая ни съ кѣмъ играть въ жмурки. Вѣдь Ася полюбила не оттого, что воображеніе ея испорчено жизнью въ институтѣ— монастырѣ, съ его тлетворными вліяніемъ. Она не изъ тѣхъ барышень, что занимаютъ свое досужее время совсѣмъ не дѣвичьими мечтами о душахъ-гусарахъ. Нѣть! Ася—чистая непорочная дѣвушка. Но подъ естественнымъ дѣйствіемъ страсти, она не стѣсняется рѣшаться на поступки, можетъ быть и возбуждающіе порицаніе сухихъ и безжизненныхъ моралистовъ, но за которые ни одинъ развитой человѣкъ, имѣющій понятіе объ истинной нравственности, ее осуждать не станетъ.

Какъ счастливъ долженъ быть человѣкъ, успѣвшій внушиТЬ такой дѣвушкѣ, какъ Аси, привязанность къ себѣ! Какъ долженъ онъ быть радъ, завоевавъ сердце прекраснаго, непомятаго жизнью существа! Какъ высоко долженъ онъ ее цѣнить, если только вполнѣ понимаетъ богатый рудникъ ея натуры и чувствуетъ въ себѣ достаточно умѣнья, чтобы извлечь изъ него пользу. Не пугаться ея, не быть радыиъ, что отдалася отъ «экцентричной» Аси, какъ это дѣлаетъ г. Н., а плакать, горько плакать нужно было этому самому г. Н., во первыхъ потому, что настояще счастье, по его-же винѣ, ускользнуло изъ рукъ его, а во вторыхъ долженъ онъ быть плакаться на самого себя за то, что Богъ наградилъ его такимъ недомыслиемъ. Вѣдь онъ не понялъ Аси, ему было жалко ея только первые дни, когда онъ самъ еще находился подъ вліяніемъ всепожирающей страсти.

А счастье было такъ близко.

«Ах, сказала я едва слышно.

Она медленно подняла на меня свои глаза.... О, взглядъ женщины, которая полюбила, кто тебя оишетъ? Они мозили эти глаза, они довѣрялись, вопросы, отдавались.... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по миѣ жгучими иглами, и вагнулся и приникъ къ ея рукѣ....

Послышался трапезный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ дрожащей, руки. Я поднялъ голову и увидаль ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось. Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, хобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все и потянула ее къ себѣ — покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ миѣ загорѣвшія губы....

— Вата.... прошептала она едва слышно.

. Уже руки мои скользили вокругъ ея стана....»

Горячая сцена, только что описанная, къ успокоенію всѣхъ матушекъ и тетюшекъ, окончилась весьма благополучно. Г. Н., тоже видно принадлежащий къ породѣ русскихъ гегемонцевъ, какъ подобаетъ такому разсудочному мыслителю, маленько струхнулъ и если самъ и не даль стречка, то, во всякомъ случаѣ, обратилъ въ бѣгство своимъ поведеніемъ оскорблennую до губины души Асю. Какъ Наталья и она бѣдная разочаровалась въ своеи идеалѣ, если только можно обозначить г. Н. такимъ громкимъ именемъ. И чѣмъ онъ только ей понравился — остается, выражаясь высокимъ слогомъ, покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Какимъ образомъ г. Н., хотя въ отдаленномъ походилъ на того необыкновеннаго человѣка, что одинъ, по словамъ хорошо знавшаго Аси Гагина, могъ ей нравиться — тоже остается неразъясненнымъ въ повѣсти. Онъ даже не фразеръ à la Рудинъ; онъ и на словахъ не драматизируется въ мантію необыкновенного смертнаго, чѣмъ-бы могъ обмануть неопытную и неособенно-развитую девушки и заставить ее все принимать за чистую монету.

Въ продолженіи всей повѣсти, г. Н. ведетъ себя самымъ безцѣннымъ образомъ, такъ что читатель не выно-

сить никакого определенного представления о его личности. Трудно, очень трудно догадаться, чьим онъ прельстилъ Асю и такъ сильно заставилъ ее понизить требованія отъ любимаго человѣка. Но какъ-бы то ни было, мы во всякомъ случаѣ должны быть Тургеневу чрезвычайно благодарны за «Аси». Если г. Н. блѣднѣ, если за него можно обвинить автора въ слабости красокъ, то не нужно при этомъ забывать, что въ сущности г. Н. только аксессуаръ въ повѣстіи и ничего болѣе. Главный интересъ исключительно выпадаетъ на долю оригинальной и въ высшей степени симпатичной героини; она одна нась занимаетъ. И какъ хорошо выдержанъ характеръ Аси! Ни одинъ шагъ ея не противорѣчитъ съ ея нравственнымъ существомъ, всякий поступокъ логически изъ него проистекаетъ. «Асея» Тургеневъ далъ защитникамъ самобытности русской женской натуры еще одноѣское доказательство, и вотъ почему эта маленькая повѣсть составляетъ одну изъ тѣхъ симпатичныхъ связей, которая соединяетъ нашего знаменитаго писателя съ русской читающей публикой.

Замѣчательная черта большинства Тургеневскихъ повѣстей сказывается и въ «Асѣ». Черта эта заключается въ привлекательности выводимыхъ имъ женскихъ характеровъ и въ энергичности ихъ. Можетъ быть это происходитъ отъ того, что требованія наши отъ женщины гораздо скромнѣе, но во всякомъ случаѣ всѣ женскіе типы у Тургенева оставляютъ чувство удовлетворенности и въ вполне согласны съ ихъ поступками. Вамъ рѣдко приходиться въ нихъ что-нибудь порицать и они ни разу не возбуждаютъ вашего негодованія, что сплошь, да рядомъ вами приходиться дѣлать относительно выводимыхъ мужчинъ. Просмотрите галлерею женскихъ типовъ у Тургенева: вездѣ у него женщина является невинной жертвой своего соціального положенія или страждущей отъ нескладицы всей русской жизни вообще. Вотъ мелькаетъ предъ нашими глазами Маша изъ «Затишья», Вѣра, Наталья, Ася, Лиза изъ «Дворянского Гнѣза», Елена изъ «Наканунѣ», Зинаида изъ «Первой Любви». Какія все

свѣтлныя, неиспорченныя своею обстановкою личности! Сколько въ нихъ свѣжести и не поблеклыхъ убѣжденій, убѣждений если и не всегда глубокихъ и поражающихъ своею основательностю, то все-же не навѣянныхъ извнѣ, а выношенныхъ въ глубинѣ души.

Оттого-ли, что женщины въ повѣстяхъ Тургенева играютъ пассивную роль или отъ того, что являются съ меньшими претензіями, но онѣ всегда оказываются послѣдовательнѣе, прямѣе мужчинъ и не допускаютъ, чтобы слово у нихъ расходилось съ дѣломъ. Ни надъ одной изъ женскихъ личностей у Тургенева нельзя себѣ позволить иронизировать, хотя таѣ называемыхъ «щекотливыхъ» положеній не обрѣшься у разбираемаго нами писателя. Тѣмъ, что у Тургенева женщина всегда является въ симпатичномъ свѣтѣ, можно себѣ объяснить отчасти, отчего онъ въ женской читающей публикѣ пользуется такою предпочтительною предъ другими писателями любовью. Мы этимъ совсѣмъ не желаемъ сказать, что Тургеневъ какъ-бы лестною прекрасному полу завоевалъ себѣ его расположеніе. Нѣтъ! Русскія женщины слишкомъ умны, чтобы любить своихъ панигристовъ! Онѣ слишкомъ хорошо сознаютъ недостаточность того, чѣмъ въ настоящее время обладаютъ, чтобы удовольствоваться ничего не выражющими словами мадrigала. Тургеневъ только оттого имъ дорогъ, что можетъ быть лучше всѣхъ русскихъ писателей понять женское сердце и вотъ отчего чтеніе его повѣстей такъ сильно дѣйствуетъ на слабый полъ. Тонкимъ анализомъ вскрываетъ Тургеневъ чувства женщины, показывая намъ послѣдовательность процесса любви въ душѣ ея. Симпатичными штрихами очерчиваетъ онъ неуловимыя движения женского сердца, когда оно только-что загорается симпатіею, когда оно само почти еще не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. И еще по одной причинѣ дорогъ Тургеневъ женщинамъ. Если онъ и не является Жоржъ-Зандомъ русской литературы, если онъ и не проповѣдуетъ безусловную свободу человѣческаго сердца въ дѣлѣ любви, то все-же онъ выступаетъ защитникомъ всякой склонности, если только въ основѣ

ея лежитъ не развратъ, а дѣйствительное чувство. Въ противоположность женскимъ характерамъ Писемскаго, всегда носящимъ слишкомъ большой отпечатокъ животной страсти, у Тургенева постоянно на первомъ планѣ стоять не любовь, основанная на физическихъ качествахъ, а чувство, происходящее изъ нравственнаго величія одной изъ сторонъ и способности понимать его съ другой. Если въ «Асѣ» мы не совсѣмъ видимъ оправданіе этой черты, то вину тутъ слѣдуетъ взвалить только на блѣдность красою, употребленныхъ авторомъ для характеристики личности г. Н. Нѣть сомнѣнія, что такая порывающаяся къ высшему натура, какъ Ася не могла увлечься однимъ красивымъ лицомъ. Можеть быть поэтическій колоритъ обстановки, где дѣйствіе происходитъ, Рейнъ съ его обрывистыми берегами, пароходы вдали мелькающіе, религіозный процессіи, лѣто, быть рейнскихъ жителей, можетъ быть все это заставило блѣдную дѣвшую посмотреть сквозь поэтическую призму на Н. и принять его за человѣка, способнаго отречься отъ ходячихъ взглядовъ и понятій, за человѣка, не зараженнаго филистерскими идеями о взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины и небоящагося взять себѣ въ спутницы жизни дѣвшую, не совсѣмъ похожую на «спокойныхъ» российскихъ барышень, на скалы не влѣзающихъ и свиданій въ разрушенной башнѣ не назначающихъ. Бѣдная, блѣдная Ася! Ты не знала, что имѣла дѣло съ русскимъ гегеліанцемъ, отличительная черта котораго есть разсуждать некстати и тогда, когда въ этомъ нѣть никакой надобности.

«Асѣ» вызвала два обширные разбора: Н. Г. Чернышевскаго подъ названіемъ: «Русскій человѣкъ на гендер vous» и П. В. Анненкова: «О литературномъ типѣ слабаго человѣка».

XIV.

Мы приступаемъ къ самой значительной изъ повѣстей Тургенева, къ «Дворянскому Гнѣзду». Оно обильнѣе другихъ его произведеній типичными лицами. Оно представляетъ собою эпопею жизни дворянина «прежнаго» времени и составляетъ лебединую пѣснь «до-реформенной» эпохи. Послѣ него у Тургенева начинаютъ появляться новыя лица, для которыхъ жизнь, изображенная въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», составляетъ уже достояніе исторіи. Въ герой повѣсти — Лаврецкомъ мы видимъ послѣдняго представителя ничего недѣлающихъ российскихъ философовъ, которымъ ихъ бездѣлье можно простить и не замѣтить весьма нелестными эпитетами, въ героинѣ-Лизѣ — послѣднюю жертву дурныхъ условій русской жизни, при которыхъ женщина можетъ найти утѣху въ одной любви и, потерпѣвши на этомъ чоприщѣ пораженіе, не видитъ предъ собою никакой другой цѣли и потому хоронить себя на вѣкъ въ монастырѣ.

Лица, наиболѣе останавливающія на себѣ вниманіе при чтеніи «Дворянскаго Гнѣзда» это — Лаврецкій, Лиза и Шанишинъ. На нихъ мы искольколько болѣе остановимся. Жена Лаврецкаго, тетка Лизы и старикъ Леммъ, хотя тоже небезинтересныя личности, но общественной важности не представляются, а потому мы объ нихъ упоминаемъ только вскользь. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какой фазисъ русского общественнаго развитія отразился на лицахъ, выводимыхъ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ».

Что такое представляетъ своею особою Лаврецкій? Рассмотримъ его свойства и качества, чтобы скъмѣть подвести его подъ какую-нибудь категорію.

Лаврецкій во первыхъ дворянинъ, но дворянинъ русский. Это весьма важное обстоятельство, которое не слѣдуетъ

упускать изъ виду. Присущее широкой русской натурѣ добродушіе сказалось весьма сильно въ чувствахъ и тенденціяхъ нашей аристократіи. На западѣ дворянство составляетъ совершенно замкнутое сословіе, для которого какъ-бы неизменны законы прогресса. Какъ и двѣстія лѣтъ тому назадъ, оно полно сословныхъ предразсудковъ и крайне нетерпимо къ лицамъ, не обладающимъ достодолжнымъ спискомъ доблестныхъ предковъ. Какъ и прежде, оно никого не впускаетъ въ свой кругъ и считаетъ ниже своего достоинства заниматься «недворянскими» дѣлами. Подобныхъ понятій имѣютъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ очерствѣніе души, измельчаніе характера и вообще придаютъ всему существу человѣка что-то мазерное, неспособное понимать и чувствовать что-нибудь возвышенное. Германское юнкерство всего лучше показываетъ вліяніе именитанія идей о равенствѣ всѣхъ образованныхъ людей, объ образованіи, какъ единственномъ различіи между разными лицами. Россія, къ счастію, не обладаетъ такимъ узко понимающимъ свои привилегіи дворянствомъ. Какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ и въ данномъ случаѣ, меньшее развитіе гражданственности въ Россіи не дало возможности очень сильно отстояться обособленности дворянства какъ сословія. Главная сила русского дворянства была больше въ богатствѣ. Лишившись послѣднаго въ значительной степени съ освобожденіемъ крестьянъ, оно значительно начало стущевываться и подходить подъ общій уровень. Вотъ въ послѣдніемъ смыслѣ, т. е. понимая подъ дворяниномъ богатаго человѣка, мы и дали это название Лаврецкому. Матеріальное обеспеченіе, имѣвшее мѣсто у очень многихъ лицъ предшествовавшей эпохи, дѣлаетъ изъ Лаврецкаго не единичное лицо, а представителя цѣлаго разряда людей. Какъ Рудинъ есть представитель неимущаго гегемонца сороковыхъ годовъ, такъ Лаврецкій является въ себѣ русского интеллигентнаго человѣка, котораго судьба поставила въ необходимости добывать себѣ хлѣбъ насущный. И ему какъ Рудину трудно было подыскать себѣ подходящую дѣятельность. Служба для денегъ была для него излишнею, служба какъ средство при-

нести своей странѣ пользу тоже была немыслима. Заниматься торговыми дѣлами ему не нужно было. Въ учение онъ не лѣзъ. Значитъ оставалось одно — жити дилетантомъ въ свое удовольствие да любить. И Лаврецкому, какъ женщинѣ того времени было подходяща и привлекательна одна область любви, и онъ, желая чѣмъ нибудь наполнить свое существование, долженъ былъ устремить свои помыслы на поиски хорошей женщины, достойной его влечения. Въ сознаніе Лаврецкаго уже проникла мысль о пользѣ, которую всякой любящій свою страну гражданинъ долженъ приносить, онъ въ глубинѣ души согласенъ съ другомъ своимъ Михалевичемъ, обзывающимъ его «байбакомъ». Онъ протестуетъ только противъ «злостнаго, разсуждающаго» байбака. И дѣйствительно, если Лаврецкій байбакъ, то оттого, что всѣ тогда были байбаки. Жизнь-то русская сама обайбачилась и спала, не производя ничего дѣйствительнаго. Не спалъ одинъ «народъ». Онъ одинъ нарушилъ шумомъ своей работы тишину, царившую повсюду. Онъ одинъ въ борьбѣ за свое существованіе представлялъ собою осмыслившее бытіе. Но къ сожалѣнію, въ немъ былъ еще слишкомъ мало запасъ интеллигентіи, чтобы выдвинуть изъ своей среды два три дѣятельныхъ типа, которые устыдили бы «дворянчиковъ» активностью своей натурь въ противоположность ихъ байбачимъ наклонностямъ. «Хорошіе» люди того времени всѣ были изъ привилегированнаго сословія. Эти «благонамѣренныя» дворяне, хотя и не были проникнуты кастовымъ букетомъ, все-же не были въ состояніи, вслѣдствіе вѣковой отвычки дѣлать кое-что прочное, произвести что-нибудь кроме разочарованныхъ Онѣгінскихъ да скучающихъ Печоринскихъ и Лишихъ людей.

Лаврецкій вовсе не злостный байбакъ. Онъ постоянно работаетъ надъ своимъ образованіемъ, мало имѣя возможностей заниматься чѣмъ-нибудь инымъ. Онъ изъ за границы, послѣ того, какъ потерялъ надежду на семейное счастіе, прѣѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ взяться за «дѣло». Но увы! «дѣло» то смутно для него самаго и онъ хорошенько не знаетъ, въ чёмъ оно состоитъ. Въ концѣ повѣсти оно

впрочемъ вѣсколько выясняется. Тургеневъ намъ говорить, что Лаврецкій нашелъ себѣ наконецъ дѣятельность, что онъ сталъ землю пахать и хорошо устроилъ своихъ крестьянъ! Мы за это должны ему сказать большое спасибо. Дѣло освобожденія, продиктованное указомъ 19 февраля, было-бы не-сравненно труднѣе приведено въ исполненіе, если-бы единичныи попытки улучшить крестьянскій бытъ не были-бы произведены до него, если-бы не было людей и двадцать лѣтъ тому назадъ, бывшихъ готовыми содѣйствовать всѣми силами тому, чтобы снять съ родной страны влѣймо, такъ сильно ее отличавшее отъ европейскихъ государствъ. Да, думать о своихъ крестьянахъ было единственнымъ дѣломъ, чѣмъ мыслящій помѣщикъ того времени могъ заняться. Онъ долженъ былъ хотя позднею заботою искупить часть тѣхъ вѣковыхъ прегрѣшений, что его предки совершили относительно этого угнетеннаго люда, дающаго силу и крѣпость всему государству и чью работою барамъ того времени была дана возможность вести дилетантскую интеллигентную жизнь. Всякій образованный, мыслящій владѣтель человѣческихъ существованій долженъ быть, если только имѣть понятіе о міровой правдѣ и справедливости, всѣми силами и на всякомъ шагу стараться быть полезнымъ своимъ «меньшимъ братьямъ» и заставить ихъ забыть вѣковыя неправды. Лаврецкій, какъ и всѣ интеллигентные и честные люди того времени, былъ прониженъ сознаніемъ аномальности крѣпостного права и потому онъ какъ человѣкъ, не жертвуя-щій своими убѣжденіями для служенія мамонѣ, старался по мѣрѣ возможности смягчить гнетъ учрежденія, для уничто-женія котораго единичныи попытки были бессильны.

Еще однимъ Лаврецкій обязанъ «народу», еще за одну вещь ему приходится благодарить своихъ «мужичковъ». Они дали ему мать и этимъ самыиъ возможность подкрѣпить кровь, текущую въ его жилахъ, новымъ запасомъ здоровыхъ, народныхъ силъ, обновить застоявшуюся и начинавшую пле-снѣвѣть породу свѣжимъ притокомъ неиспорченного без-дѣльемъ элемента. Мать Лаврецкаго — кроткая Маланья да-ла

счну своему доброту и незлобивость и подъ віяніемъ образованія оба эти качества соединились въ одно, весьма хорошее цѣлое. Да, многимъ, очень многимъ былъ обязанъ Лаврецкій крестьянскому сословію! Если его можно назвать порядочнымъ человѣкомъ, то только благодаря «народу». Только отъ него онъ могъ получить свои хорошия наклонности, только изъ этого источника почерпнуть свои заслуживающія уваженія черты характера, потому что съ отцовской стороны ему было очень мало чѣмъ позаимствоваться. Рукой первокласснаго мастера Тургеневъ обрисовалъ отца и дѣда Лаврецкаго; изъ этой великолѣпной характеристики мы можемъ съ большей долею вѣроятности заключить, что илейбейскій элементъ сильно послужилъ въ пользу нашему герою. Мать внесла въ его натуру крѣпость, пріобрѣтаемую производительною работою. Трудъ великое дѣло: онъ одинъ спасаетъ породу людей отъ измельченія и не даетъ чахлыхъ потомковъ, долговѣчныхъ какъ мухи. Не даромъ-же Прудонъ тає гордился своими предками, говоря, что всѣ они у него были мужики, значить люди, нормально жившіе и потому имѣющіе возможность завѣщать своимъ дѣтямъ физическую и нравственную мощь. И въ Лаврецкомъ текла трудовая кровь и потому онъ могъ съ большими участіемъ отнестись къ людямъ, неопытющимся на чужія услуги, а единственно на правѣ, пріобрѣтаемыи трудомъ.

Поиски за личнымъ счастіемъ не совсѣмъ удались Лаврецкому. Онъ только годъ или два имѣлъ вѣрную спутницу жизни, онъ только очень недолго могъ считать себя въ обладаніи существомъ, имѣ интересующимся, имѣ живущимъ. Благодаря «спартанскому» воспитанію, женщины были для него совершеннаю «terra incognita», и онъ поэтому крайне легко попадается въ просакъ, не раскусивъ кокетки жены своей и приписывая ей несуществующія качества. Неопытный, честный Лаврецкій не можетъ унизиться до того, чтобы заняться подозрительнымъ анализомъ обстановки, въ которой выросла жена его, Варвара Павловна, и понять не вполнѣ ангельскую натуру львицы - институтки. Къ тому-же, его

(всѣ мы люди, всѣ человѣки) ослѣпляет поразительная красота Варвары Павловны и онъ, не долго думая, рѣшается соединить съ нею жизнь свою неразрывными узами на вѣки нерасторжимаго брака. Для нея онъ прерывает свои занятия, для нея ведеть свѣтскую жизнь въ Петербургѣ, для нея отправляется странствовать по Европѣ. Все еще близорукій и обманутый на счетъ жены своей, онъ не замѣчаетъ, что дѣлается у него подъ носомъ и даже не подозрѣваетъ о развратныхъ шапкахъ своей супруги, пока случайное обстоятельство не раскрываетъ ему глаза и съ убийственномъ очевидностью показываетъ, что счастіе его было чисто фиктивное, что его все время супружества безсовѣстнѣйшимъ образомъ обманывали. Неудивительно, что нашъ герой въ страшномъ горѣ. Его отчаянье безграниценно! Ему не жалко, что именно *его* обманули. Онъ небоится насмѣшекъ свѣта, но опасается прозванія рогоносца. Ему только горько, очень горько такъ глусно разочароваться. Ему обидно глупѣйшимъ образомъ остаться въ дуракахъ, даже не фольгу принять за чистое золото. Какъ идеалистъ, Лаврецкій вѣрить въ абсолютную чистоту и никакіе частные случаи не въ состояніи поколебать общаго строя его міросозерцанія. Но все-же всякий разъ, когда ему приходится имѣть дѣло съ такимъ жесткимъ приосновенiemъ неидеальной дѣйствительности, все его нравствельное существо страшно потрясается несходствомъ мечты и дѣйствительности и извращенiemъ лучшихъ человѣческихъ инстинктовъ. Идеализмъ слишкомъ крѣпко сидѣлъ въ Лаврецкомъ, что-бы двумя, тремя фактами его можно было бы выгнать. И дѣйствительно! Вѣра Павловна ничуть не умалила вѣру Лаврецкаго въ возможность существованія чистаго, непорочнаго женскаго существа. Обажегшись на молокѣ, нашъ идеалистъ не только что на воду не дуетъ, но съ прежнимъ довѣріемъ подходитъ къ тому же горячему напитку, на этотъ разъ только принявъ мѣры, чтобы какъ нибудь не смѣшать настояще молоко съ кислою подмѣсью мѣла въ воду. Оправившись отъ удара, нанесенаго ему Вѣрой Павловной, Лаврецкій снова чувствуетъ по-

требность женской любви, онъ совсѣмъ еще не намѣренъ остаться весь въкъ свой одинокимъ бобилемъ, которому не съ кѣмъ дѣлить свои думы и мечты. Въ немъ живеть еще жажда счастія, онъ не сдалъ еще свои чувства въ архивъ. Въ такомъ настроеніи онъ встрѣчается съ девушкиой, не-особенно развитой, но съ необыкновенно богатымъ запасомъ «натуръ», съ чистою душою и таковыми-же помыслами. Сначала незамѣтно, но потомъ все сильнѣе и сильнѣе разгорается въ Лаврецкомъ новое чувство. Онъ не однѣхъ съ вено убѣждений въ дѣлѣ религіи, но это ему не мѣшаетъ ихъ уважать, потому что онъ, какъ и всякий развитой и образованной человѣкъ, находитъ достойнымъ уваженія все то, что искренно. Къ тому-же онъ, можетъ быть, втайне надѣется передѣлать Лизу на свой ладъ. Его очаровываетъ ея простота, ея безискусственность. Между ними не происходит никакихъ «любовныхъ» разговоровъ и даже самое «объясненіе» выходить какъ-бы случайно и совсѣмъ не тає, какъ оно въ большинствѣ романовъ описывается.

Не долго продолжалось счастіе Лаврецкаго. Въ моментъ, когда онъ подумалъ, что послѣднее наконецъ ему улыбнулось и далось, злорадная судьба подсозываетъ ему Варвару Павловну, которую онъ было уже считалъ умершую. Какъ злой геній гори и печали она внезапно является, какъ воплощеніе приципа о нерасторжимости брака, о вѣчномъ союзѣ двухъ существъ, всего менѣе другъ другу симпатизирующихъ. Любви-же вѣкъ брака не помышляетъ какъ Лаврецкій, такъ и тѣмъ болѣе Лиза. Съ разбитымъ сердцемъ они разстаются, чтобы осталную часть жизни горевать о своихъ попранныхъ чувствахъ. Лиза хоронитъ себя въ монастырѣ, Лаврецкій углубляется въ занятія хозяйствомъ.

Любовь въ Лизѣ составляетъ послѣднее звѣнo молодости нашего героя. Послѣ этого онъ уже начинаетъ думать о старости, чувства его не такъ уже воспріимчивы, онъ какъ будто дряхлѣеть и душею. Но, говорить намъ Тургеневъ, Лаврецкій не утратилъ вѣры въ добро, постоянство воли, скоту въ дѣятельности. За эти качества, за это непоколе-

бимое убѣжденіе въ торжествѣ хорошаго, присущее всѣмъ вообще представителямъ сороковыхъ годовъ, имъ можно простить ихъ многочисленныя отступленія отъ идеала вполнѣ полезнаго члена общества. За ихъ вѣру въ справедливое и должное ихъ слѣдуетъ уважать и смотрѣть на нихъ какъ на людей, которыхъ только общая несказидца эпохи сдѣлала людьми, не выдерживающими строгой критики. Лаврецкій, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ наиболѣе симпатичнымъ изъ людей сороковыхъ годовъ. Вы не можете вѣрить нему чувствовать ничего иного, кроме самаго безграничнаго расположения, вы не можете ему отказать въ самой искренней любви, хотя бы за одинъ его взглядъ на молодое поколѣніе, за отсутствіе въ немъ беззубой злобы отоживающихъ эгоистовъ, съ ненавистью взирающихъ на молодыя силы, почтая ихъ своими личными врагами. Какъ человѣкъ философски развитой, Лаврецкій понимаетъ невозможность передѣлать общий законъ, въ силу котораго постоянно идетъ симѣна поколѣній, причемъ каждое послѣдующее совершеннѣе предѣндущаго. Лаврецкій, кроме того, чувствуетъ приближеніе новаго времени, онъ понимаетъ, что новому поколѣнію даны будуть лучшія условія для развитія и по этому оно будетъ выше стоять стараго. Вотъ отчего онъ скромно отодвигается на второй планъ, чтобы не стѣснять движенія свѣжихъ силъ.

«Играйте, веселитесь, ростите, молодыя силы, думайтъ оѣ, и не было горечи въ его думахъ:—живѣтъ у васъ впереди, и вами легче будетъ жить; вамъ не приходится, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе брата старика будетъ съ вами. А мнѣ остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ, сказать въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Дорогай безполезная жизнь!»

Но отчего-же безполезная жизнь? Отчего такой отчаянній пессимизмъ, спросить читатель и мы вѣрь нему вполнѣ присоединимся. Неужели-же всякий долженъ играть первенствующую роль? Или Лаврецкій оттого считаетъ себя без-

полезнымъ, что на смѣну его поколѣнію явились люди съ лучшимъ запасомъ силъ? Но и въ такомъ случаѣ онъ не правъ. Полезенъ всякий, въ комъ теплится искра Божья, полезенъ всякий, кто не пропитался пошлостью, полезенъ всякий, кто, сознавая свой наличный нравственный капиталъ, этимъ подаетъ примѣръ смиренныя шишащѣй, дряхлой посредственности, не желающей уступить первенства, потому что и во время молодости имъ не пользовалась. Если-бы всѣ люди предыдущей эпохи были проникнуты однѣми убѣжденіями съ Лаврецкимъ, если-бы они сходились въ своихъ взглядахъ—вся знаменитая борьба между «отцами» и «дѣтьми» не существовала-бы и не растрачивались-бы силы молодаго поколѣнія на преодолѣніе препятствій со стороны ледѣ, которые были одинаково заинтересованы въ низложеніи общихъ непріятелей какъ старой такъ и молодой Россіи. Будь всѣ Лаврецкими, антагонизмъ старого и новаго времени потерялъ-бы свой острый характеръ и не помышлялъ-бы единодушности совмѣстныхъ дѣйствій; исторія современной намъ эпохи носила-бы совсѣмъ иной отпечатокъ. И отчего это люди сороковыхъ годовъ такъ непомѣрно живучи! Отчего въ нихъ такъ сильна жажда власти? Отчего это ни одно поколѣніе не должно было съ такими усилиями отстоять свое право существованія, какъ шестидесятые годы отъ притязаній сороковыхъ? Констатированіе этого грустнаго факта должно наскъ привести къ печальному заключенію, что Лаврецкие не были въ большинствѣ, что и они представляли только свѣтлая исключенія...

Отношенія Лаврецкаго къ молодому поколѣнію намъ дороги еще въ одномъ смыслѣ: мы въ нихъ видимъ убѣженія самого Тургенева по тому-же предмету. Но обѣ этомъ рѣчь впереди. Мы къ нему возвратимся при разборѣ «Отецъ и Дѣти» и «Дыма».

Если въ Асѣ мы видимъ богатую натуру, не исповерканную безалабернымъ воспитаніемъ, и потому сохранив-

шуюся во всей своей прекрасной природной неприкословенности, то Лиза Калитина дорога для насъ совершенно по другой причинѣ, совсѣмъ другими сторонами своего характера, въ сущности своей похожаго на таковой оригиналной сестры Гагина. Если Аси можно хорошо приравнить бурному потоку, то Лиза подойдетъ подъ опредѣленіе спокойной, но многоводной рѣки. И здѣсь и тамъ мы имѣемъ дѣло съ большимъ запасомъ двигательной силы, но во второмъ случаѣ для утилизированія требуется меныше умѣнія, руководителемъ можетъ быть менѣе искусный кормчій. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ лежитъ причина того, что Аси не могутъ быть ловседневными явленіями, между тѣмъ какъ Лиза имѣть должна быть, при правильности общаго строя русской жизни. Лиза именно тѣмъ для насъ и важна, что не представляетъ собою какую-нибудь титаническую натуру, рвущуюся изъ обыденныхъ рамокъ. Нѣтъ, Лиза Калитина—простая русская девушка и въ этомъ значеніе ея типа. Подобную Лизу мы уже встрѣчаемъ у Пушкина въ его «Капитанской Дочки». И тамъ коммандантская Маша тиха и обыкновенна на первый взглядъ, а понадобится, такъ она выскажеть такія черты характера, что западный человѣкъ непремѣнно ее въ геронни произведетъ. Лиза имѣеть съ нею очень много сходства. Она не одного покроя съ Натальей Ласунской и пожалуй не особенно-бы увлеклась Рудинымъ, потому что обстановка, гдѣ она выросла, чисто-русская обстановка ея дѣства, подъ руководствомъ простой крестьянки, не могла ее настолько развить, чтобы она имѣла особенное расположение къ мировымъ стремлѣніямъ Рудина. Ее Лаврецкій прельстилъ не рѣчами своими, не тенденціями, имѣ выскаживаемыми, не мнимымъ величиемъ своей личности, а просто «такъ себѣ». Онъ ей полюбился какъ хороший человѣкъ, понимая послѣдній эпитетъ въ обыденномъ смыслѣ, т. е. когда говорящій и самъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета объ элементахъ, составляющихъ хорошаго человѣка. Лиза довольно неразвита и «политика» ее не интересуетъ. Когда въ ея присутствіи Лаврецкій, увлекшись споромъ съ Паншинимъ,

неожиданно для самого себя превратился въ славянофила, ей было только приятно, что «отдѣлали» Панинина за его, по мнѣнію Лизы, слишкомъ уже сильные нападки на Россію и презрѣніе къ ней. Ощущенія ея при этомъ были чисто инстинктивнаго характера, такъ какъ она сама доводовъ противъ Панинина не была-бы въ состояніи привести, да можетъ быть и не поинтересовалась-бы особенно завести разговоръ на такую высокую тему. И впечатлѣніе, которое вы выносите относительно ея характера, тоже чисто инстинктивное. «Хорошая дѣвушка эта Лиза» говорите вы себѣ, но вамъ съ первого раза очень трудно подыскать доказательства высказанному мнѣнію. Во всемъ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», за исключеніемъ постриженія въ монахини, очень мало тѣхъ чертъ, которыхъ рѣзко запечатлѣли-бы въ вашемъ сознаніи образъ Лизы. Достоинства ея больше выражаются въ мелкихъ поступкахъ, которые легко ускользаютъ изъ памяти. Да оно и неудивительно. Мы уже замѣтили, что Лиза не Ася, не титаническая натура, поэтому къ ней нужно присмотрѣться и самому находить въ ней хорошия стороны. Но за то какъ много въ ней этихъ «не міровыхъ» хорошихъ сторонъ! Каждая прекрасная картина составляется изъ совокупности ихъ!

«Панинъ громко и рѣшительно взялъ первые аккорды сонаты (озвъ игралъ вторую руку), но Лиза не начинала своей партіи. Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее. Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствіе; губы ея не улыбались, все лицо было строго, почти печально.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы не сдержали своего слова? сказала она. Я вамъ показала кантату Христофора Федорыча (Лемма) подъ тѣмъ условіемъ, чтобы вы не говорили ему о ней.

— Виноватъ, Лизавета Михайловна, къ слову пришлось.

— Вы его огорчили — и меня тоже. Теперь онъ и живъ довѣрять не будетъ.

— Что прикажете дѣлать, Лизавета Михайловна! Отъ младыхъ ногтей не могу видѣть равнодушно нѣмца: такъ и подмываетъ меня его подразнить.

— Чѣмъ вы это говорите, Владимиrъ Николаевичъ! Этотъ нѣмецъ, бѣдный, одинокий, убитый человѣкъ — и вамъ его не жаль? Вамъ хочется дразнить его?

Въ выписанной нами сценѣ ничего необыкновенного нѣтъ и читатель можетъ удивиться, зачѣмъ мы ее привели.

Действительно, необыкновенного тутъ мало. Но примите во вниманіе еще другое обстоятельство: Паншинъ ухаживаетъ за Лизой, онъ ей не ненравится. Уже этого одного довольно, чтобы она относилась къ своему поклоннику внимательнѣе и синходительнѣе. А между тѣмъ ничего подобнаго не замѣчается. Со строгимъ почти печальнымъ лицемъ Лиза упрекаетъ Паншина, и въ этой строгости чувствуется прямая душа, которая не смотрѣть на вещи съ легкостью провинциальной барышни. Ея защита бѣднаго одинокаго кѣмца тоже не отзывается сентиментальною сердобольностью дѣвицъ, въ большинствѣ случаевъ составляющихъ контингентъ россійскихъ барышень. Тутъ скрывается глубокій нравственный принципъ, ясно и твердо сознанный. Умственный міръ Лизы не особенно богатъ, но за то чѣмъ она владѣетъ, въ ней сидить крѣпко. «Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre» можетъ она сказать про себя. Андрей Колесовъ когда-то только тѣмъ и прослылъ необыкновеннымъ человѣкомъ, что среди Панургова стада своихъ товарищъ одинъ отличался искренностью. Воздадимъ же и мы должное Лизѣ Калитиной за полное отсутствіе того, что подразумѣвается подъ словомъ «жеманства».

« — Вотъ и въ вашемъ домѣ, продолжалъ Паншинъ: — малушка ваша, конечно, ко мнѣ благоволить — она такая добрая; вы... ярочемъ я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; за тѣ ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. Я ее тоже, должно быть, обидѣль какимъ нибудь необдуманнымъ, глупымъ словомъ. Вѣдь она меня не любить, не правда-ли?»

«Какъ можно!» затараторила-бы иная на мѣстѣ Лизы, «это совсѣмъ не такъ, вы совершенно ошибаетесь!» и таъ далѣѣ въ томъ-же родѣ. Совсѣмъ иначе дѣлаетъ наша барышня.

«Да, произнесла Лиза съ небольшой запинкой: — вы ей не нравитесь.»

«Небольшая запинка» очевидно означаетъ въ ней нѣкоторую борьбу между желаніемъ быть правдивой и требованіями вѣрхности. Первое чувство беретъ верхъ и она, не стѣсняясь, говоритъ Паншину довольно рѣзкую истину. Подобное поведеніе болѣе чѣмъ удивительно въ провинциаль-

ной барышни, не особенно интеллигентной къ тому. Очевидно въ ея лицѣ мы имѣемъ дѣло съ непосредственной богатой женской натурой, въ которой дрессировка не убила свойственныхъ ей прекрасныхъ качествъ. Не даромъ-же Лаврецкому именно и понравилась въ Лизѣ ея замѣчательная простота, въ особенности его поразившая послѣ столкновенія съ столичными экземплярами «благовоспитанныхъ» дѣвицъ, шагу не умѣющихъ ступить безъ фальши и неестественности. Какъ-бы растаяла всякая изъ этихъ дѣвицъ наединѣ съ блестящимъ, красивымъ, умнымъ, даровитымъ свѣтскимъ львомъ Паншиномъ. Сколько кокетства было-бы израсходовано, чтобы понравиться ему. А наша-то какъ себя ведеть..

«Вторая часть софты—довольно быстрое allegro—совѣтъ не пошли: на двадцатомъ тактѣ, Паншинъ, отставшій такта на два, не выдержалъ и со смѣхомъ отодвинулъ свой стуль.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ: — я не могу сегодня играть; хорошо, что Ленинъ насъ не слышалъ: онъ-бы въ обморокъ упалъ.

Лиза встала, закрыла фортепиано и обернулась къ Паншину.

— Что-же мы будемъ дѣлать? спросила она».

Вопросъ Лизы настолько хорошо рекомендуетъ ее, что даже Паншинъ не можетъ скрыть своего удивленія. Какъ ни познательно ея восхищанье, но оно насъ вводить въ полный прелестей и обаянія нравственный міръ Лизы, откуда совершенно изгнано все то, что не можетъ найти себѣ достаточно причинъ для оправданія своего существованія. Съ какой горячностью она считаетъ своимъ долгомъ заступиться предъ Лаврецкимъ за жену его. Она, никогда не думавшая врѣваться въ чью-нибудь душу, не смотря на рѣзкое замѣчаніе Лаврецкаго: «мы не побьемъ другъ друга», настойчиво, хотя тихо, ему говорить: «вы должны простить, — если хотите, чтобы и васъ простили». Сколько нужно было Лизѣ имѣть въ себѣ доброты и сочувствія ко всему человѣческому, чтобы съ почти незнакомою личностію вступить въ рѣзкій споръ обѣ особѣ ей тоже неизвѣстной и завоевавшей ея заочную симпатію единственно предположеніемъ о своемъ несчастії. Какъ глубоко и искренно чувства эти должны

проникать ее, чтобы она сбросила свою холодную оболочку и въ отвѣтъ на нападки Лаврецкаго на жену свою возразила бы съ дрожью всего тѣла: «зачѣмъ оскорблять!» Какъ видите мы тутъ не имѣмъ дѣла съ нескромнымъ любопытствомъ. Нѣть, Лиза, исходя изъ своего христіанскаго, все-прощающаго міросозерцанія, наперекорь наростиающему собственному чувству къ Лаврецкому, считаетъ своимъ долгомъ заступиться за Варвару Павловну въ надеждѣ примирить между собою два существа, соединенные другъ съ другомъ узами церковнаго брака. Въ Лизѣ говорить сознаніе долга, чувство обязанности. Когда Лаврецкій въ отвѣтъ на ея усвѣщованія, нѣсколько забываетъ и въ ветераніи топаетъ когою, Лиза ничуть не обижается, напротивъ того она торопливо ему говоритъ: «не сердитесь, простите меня». Очевидно, личное я не играло въ ея ходатайствъ никакой роли, единственнымъ мотивомъ было облегчить участъ будто несчастной женщины. Чертая достойная высокаго уваженія!

Исторія любви къ Лаврецкому также хорошо намъ ее выставляетъ, какъ и только-что обсужденными черты характера, а все вмѣстѣ въ самыхъ симпатичныхъ краскахъ рисуетъ вамъ нравственную фізіономію Лизы. Но къ сожалѣнію превосходный материалъ подвергся очень нерациональной переработкѣ и потому вместо того, чтобы стать полезной общественной силою, Лиза идетъ въ монастырь, влекомая мистическимъ міросозерцаніемъ, привитымъ ей суровой наней, одною изъ тѣхъ крѣпкихъ, чисто-русскихъ натуръ, что Некрасовъ такъ рельефно выставилъ въ своемъ «Власѣ». При другомъ воспитаніи, при другомъ воздухѣ окружющей обстановки Лиза не погибла-бы такъ преждевременно для свѣта, не стала-бы думать, что за предѣлами личного счастья, личныхъ потребностей, чеховѣка ничто не удерживаетъ въ жизни, что разъ потерпѣвшіи неудачу, на какомъ-бы то ни было поприщѣ, мы имѣмъ право лишать общество содѣйствія честныхъ и полныхъ силъ сочленовъ.

И такъ еще одна жертва нерационального устройства русской жизни прежняго времени! Еще одна лишняя ги-

бель, обусловленная ненормальностью жизненныхъ условий! Если при Рудинѣ мы горевали о томъ, что блестящее явление его не было въ достаточной степени эксплоатировано, то тѣмъ большую грусть долженъ въ насъ возбудить бесполезный конецъ Лизы Калитиной. Рудинъ — роскошь, не вседневная личность, слѣдовательно безъ него еще можно кое-какъ обойтись. Но Лиза—хлѣбъ наущенный, такъ что съ лишенiemъ подобныхъ дѣвушекъ, типъ русской женщины долженъ мельчать и терять свою нравственную мощь. Сколько энергii, силы и выдеражки сосредоточены въ несчастной Лизѣ — и все это пропадаетъ безъ всякой пользы! Печальнymъ мавзолеемъ высится ея фигура на кладбищѣ прожитаго фазиса русскаго общественного развитiя, своимъ печальнымъ примѣромъ показывая, что никогда у насъ не было недостатка въ крѣпкихъ, здоровыхъ личностяхъ; вся бѣда лишь состояла въ томъ, что не было ясно-сознанныхъ общественныхъ идеаловъ. Всякій жилъ самъ по себѣ, всакій заливалъ въ глухую раковину личного существованія и потому соціальные инстинкты были въ такомъ маломъ развитiи. Неправильныя условия создавали неправильныхъ людей, я избытокъ силъ, ищущій выхода, вместо правильного употребленія, шелъ на созиданіе безобразнаго порядка вещей. Не умѣя, ничего не дѣлать — это понятно. Но обладая сокровищами, не имѣть возможности ими воспользоваться — это грустно!

Изъ разбора предшествовавшихъ «Дворянскому Гнѣзу» произведеній, читатели могли убѣдиться, что главная сила Тургеневскаго таланта заключается въ воспроизведеніи типовъ, которые можно назвать, выражаясь вульгарно, «нѣжными». Жанръ не всегда удается нашему беллетристу. «Дворянское Гнѣздо» составляетъ въ этомъ отношеніи исключение. Въ немъ фигурируетъ личность, хотя и не вполнѣ жанровая, но за то и ни въ какомъ случаѣ «нѣжная». Мы говоримъ про Панина. По обычай чуткости своей, Турге-

невъ захватилъ нарождающійся типъ въ самый моментъ его появленія и намѣтилъ его характерныя особенности. При этомъ онъ обнаружилъ, если можно такъ сказать, очень много «художественного такта». Дѣло вотъ въ чемъ. Типъ Паншина, типъ администратора, у которого на первомъ планѣ стоитъ самая неидеальная погоня за устройствомъ своего излюбленнаго я, за дѣланіемъ своей карьеры, имѣть въ себѣ настолько непривлекательныхъ сторонъ и репрезентируются часто такими не симпатичными представителями, что иной авторъ не пощадилъ бы самихъ густыхъ красокъ на воспроизведеніе этого типа. Писемскій въ «Тысячѣ душъ», приблизительно въ Калиновичѣ далъ весьма близкаго духовнаго родственника Паншина. Какой-же эффектъ онъ этимъ произвелъ? Вы съ презрѣніемъ отворачиваетесь отъ Калиновича и не особенно станете спорить противъ того мнѣнія, что Калиновичъ не типъ, а карикатура. Не трудно доказать, что черное дѣйствительно черно. Вотъ Тургеневъ задался болѣе трудною задачею. Онъ обставилъ своего администратора многими весьма симпатичными атрибутами: Паншинъ и артистъ, и увлечься иногда можетъ, съ первого взгляда онъ какъ будто можетъ нравиться. Но рядомъ деталей, въ которыхъ такъ часто высказывается настоящая сущность человѣческаго характера, Тургеневъ показываетъ чамъ мелочность и пошлость Паншинской натуры, мало по малу онъ его развѣнчиваетъ въ глазахъ читателя и въ концѣ романа окончательно его убиваетъ картиной его петербургскаго образа жизни. Такъ автора слѣдовательно высказался здѣсь въ умѣніи удержать себя отъ погони за дешевымъ эффектомъ. За то и польза, принесенная такимъ приемомъ, гораздо больше. Калиновичъ, можете вы возразить, не указываетъ еще окончательной негодности своего типа. Паншинъ-же захламляетъ вами ротъ. Болѣе блестящаго представителя нельзя уже найти, и потому его развѣнченіе болѣе знаменательно. Въ рисовкѣ Паншина сказалась общая черта, свойственная творчеству нашего беллетриста. Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ всегда имѣеть дѣло съ первоклассными

представителями известной общественной формациі. Онъ рѣдко останавливается на герояхъ второй руки. Поэтому, рѣшившись охарактеризовать съ виду просвѣщенного и не пошлого великосвѣтскаго льва—онъ выбралъ наиболѣе крупный экземпляръ. Въ «Наканунѣ» Тургеневъ затронулъ приблизительно такое же лицо — чиновника-дѣльца Курнатов скаго, но Панинъ типичнѣе. Вотъ почему имя его сдѣлалось почти нарицательнымъ наравнѣ съ другими Тургеневскими героями, изъ среды которыхъ онъ выдѣляется своимъ жанровымъ характеромъ.

Если «Рудинъ» положилъ первое основаніе славѣ Тургенева какъ первоклассному писателю, то «Дворянское Гнѣздо» окончательно ее укрѣпило и имя его автора всѣми начинаяется ставить на ряду съ великими именами русской литературы Пушкинны, Лермонтовы, Гоголемъ. Вся читающа Россія съ восторгомъ наслаждалась поэзіею «Дворянскаго Гнѣзда», наряду съ силою мысли творческой фантазіи. Критика не разошлась съ большинствомъ и напечатала цѣлый рой хвалебныхъ рецензій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательныя принадлежатъ покойному Аполлону Григорьеву и П. В. Анненкову. Первый по поводу «Дворянскаго Гнѣзда» разобралъ всю творческую дѣятельность Тургенева и пришелъ къ чрезвычайно лестнымъ для послѣдняго выводамъ. Но по своей туманности, часто доходящей до вѣликушества, статьи Григорьева представляютъ слишкомъ мало осознательнаго, чтобы служить симптомами всеобщаго настроенія. Гораздо удобнѣе въ этомъ отношеніи рецензія г. Анненкова. Вотъ что онъ писалъ.

«Трудно сказать, начиная разборъ новаго произведенія г. Тургенева, что болѣе заслуживаетъ вниманія, само-ли оно со всѣми своими достоинствами, или необычайный успѣхъ, который встрѣтилъ его во всѣхъ слояхъ нашего общества. Во всякомъ случаѣ стоить серьезно подумать о причинахъ того единогласнаго сочувствія и одобренія, того восторга и

увлечения, которые вызваны были появленiemъ *Дворянского Гнѣзда*. На новомъ романѣ автора сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и возврѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго *trêve de Dieu*, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими спокойно насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ своей въ общей и единодушной похвалѣ. Конечно, тутъ можно видѣть торжество поэзіи и художественнаго таланта, самовластно подчиняющихъ себѣ разнороднѣйшіе оттѣнки общественной мысли, но съ нѣкоторою основательностью тутъ можно предполагать также, что не каждая изъ рукоплещущихъ сторонъ одинаково понимаетъ внутреннее значеніе произведенія, и не каждая въ приговорѣ своемъ подразумѣваетъ именно то, что другая».

Мы не слѣдуетъ за критикомъ въ изложеніи причинъ только-что имъ констатированнаго явленія. Мы привели его мнѣніе единственно съ цѣлью показать впечатлѣніе, произведенное *Дворянскимъ Гнѣздомъ*. Въ видахъ этого-же намъ кажется нелишнимъ привести и окончаніе статьи г. Анненкова, служащей мѣриломъ какъ относилась къ Тургеневу интеллигентія того времени (статья г. Анненкова напечатана въ «Русскомъ Вѣстнике» за 1859 г.,—эпоха, когда журналъ этотъ не заслуживалъ еще характеристики, данной въ введеніи къ настоящему этюду).

«Ни у одного изъ нашихъ поэствователей нѣть такого чутья къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, такого остраго психического анализа и такого пониманія невидимыхъ струй и теченій общественной мысли, которыми пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ современный быть нашъ. Вотъ почему отъ него всегда можно ожидать именно того слова, которое на очереди, или которымъ занято большинство умовъ. Преимущество это, кромѣ таланта, условливается и обширностью горизонта, какимъ пользуется его мысль:

оно отличаетъ даже многіе изъ прежнихъ его рассказовъ, стоящіе, по исполненію, ниже задачъ, набросанныхъ имъ для разрѣшенія. При такихъ качествахъ невозможно писателю смотрѣть на предметы постоянно съ одной точки зрѣнія или не видѣть какъ приближается время ихъ измѣненія, и какъ возстаетъ за ними рядъ новыхъ явлений, имѣющихъ право требовать, чтобы поэтъ-этнографъ обратился къ нимъ лицомъ. До сихъ поръ г. Тургеневъ былъ избранный и непревосходный лѣтописецъ безвыходныхъ положеній. Какъ ни удобны, для развязки потрясающей драмы, такъ называемы «безвыходные положенія» вообще, но и для нихъ наступила пора преобразованія. Можно требовать теперь, по крайней мѣрѣ, чтобы «безвыходные положенія» рождались изъ естественного теченія и развитія обстоятельствъ, изъ свободной воли самихъ лицъ, выбравшихъ себѣ дорогу посреда множества дорогъ, а не походили на стѣну, поставленную какою-то невидимою рукой поперекъ пути, на которую неизбѣжно наталкиваются всѣ проѣзжающіе и проходящіе, и подъ тѣнью которой умираютъ, не зная, что имъ дѣлать. Настроеніе, родившее всѣ прежніе романы г. Тургенева, исчерпано послѣднимъ, *Дворянскимъ Гнѣздомъ*, кажется намъ, до капли. Дворянскимъ Гнѣздомъ авторъ завершилъ всѣ старыя свои представленія, всѣ образы, тревожившіе душу его въ теченіи многихъ лѣтъ; онъ возвѣль ихъ наконецъ до полнаго выраженія и тѣмъ самыемъ простился съ ними на всегда. Таково обычное дѣйствіе мастерскихъ произведеній на самого писателя. Мастерскими своимъ произведеніемъ авторъ окончательно снимаетъ съ себя многолѣтнюю работу и отгоняетъ прочь цѣль мыслей и образовъ, despoticески владѣвшихъ его фантазію до минуты ихъ всестороннаго осуществленія. Мастерское произведеніе есть желанный конецъ творческаго пути, съ которымъ забываются волненія и страданія дороги, вмѣстѣ со всѣми его явленіями: память о нихъ есть уже достояніе исторіи и записокъ. Послѣ него, какъ послѣ мистического возрожденія, жизнь должна начинаться съзнова, и счастливъ тотъ художникъ, который

такимъ образомъ можетъ становиться нѣсколько разъ ду-
ховно-юнымъ, чувствовать себя нѣсколько разъ безъ прош-
лаго и не замѣтить въ фантазіи своей ни малѣшаго при-
знака захоренѣлой привычки или застарѣлыхъ вкусовъ и
наклонностей. Этого именно имѣемъ мы право и поводъ ожи-
дать отъ г. Тургенева».

Надежды г. Анненкова сбылись.

ХV.

Широкими волнами катилась русская жизнь. Все впе-
редъ и впередъ стремилось наше общество подъ вліяніемъ
толчка, сообщенного обстоятельствами, увидѣвшими свѣтъ
Божій во время несчастно-счастливой крымской кампаніи,
несчастной потому, что стоило Россіи много жертвъ и сча-
стливой вслѣдствие того, что раскрыла глаза русскому на-
роду, незамѣчавшему подъ параднымъ блескомъ официаль-
наго покрова шаткость основанія и гнилость подпоръ. Встре-
пенулась Россія, охваченная стремленіемъ лучше организо-
вать свой бытъ: она жила наканунѣ большихъ соціальныхъ
перемѣнъ, наканунѣ полнаго прощанія съ прежнимъ обра-
зомъ жизни. «Когда же придетъ настоящій день? — тоскливо
вопрошали лучшіе люди русской страны и нетерпѣніе ихъ
брало. А кто же будетъ дѣйствовать при измѣненныхъ усло-
віяхъ, кто будуть эти люди, которымъ подъ силу жить при
полномъ дневномъ осрѣщеніи, которые съумѣютъ воспользовать-
ся выгодами своего положенія. Гдѣ та новая сила, что
нуждается въ наступлениіи наконецъ дня? Гдѣ та обществен-
ная формaciя, которой прежній порядокъ сталъ невыносимъ
настолько, что прежняя атмосфера не даетъ ей достаточно
воздуха для дыханія, гдѣ тѣ задатки лучшаго будущаго, что
необходимы для замѣны дурнаго хорошимъ, каковы наконецъ
размѣры новыхъ стремленій?»

Вотъ вопросы, волновавшіе развитыхъ людей эпохи второй половины пятидесятыхъ годовъ, заставлявшіе ихъ внимательно анализировать окружающую обстановку. Тургеневъ, не измѣнившій своей обычной чуткости, былъ изъ числа этихъ людей. «Наканунѣ», напечатанное въ январьской и февральской книжкахъ «Современника» за 1860 г., есть лучшее доказательство этихъ тревожныхъ душъ. По необыкновенному богатству мыслей, по поэтическому колориту, доведенному до апогея совершенства, «Наканунѣ» занимаетъ можетъ быть самое выдающееся мѣсто между Тургеневскими произведеніями. Да и неудивительно отчего! Ни въ одномъ изъ сочиненій своихъ, Тургеневу не приходилось имѣть дѣло съ такими прекрасными натурами, съ такою знаменательною эпохой, съ такою грандіозною тенденціею. Нигдѣ ему не была дана такая полная возможность примѣнить свою высоко-художественную форму къ такому хорошему и многосодержательному сюжету. Какъ у Шильгагена въ немецкой литературѣ, у Тургенева мысль и форма суть дѣвь вещи другъ друга дополняющія, другъ другу помогающія слиться въ одно общее прекрасное цѣлое. Но Шильгагенъ поставленъ въ лучшія условія, чѣмъ вашъ Беллетристъ: у него подъ рукой величественный сорокъ восьмой годъ, рабочее движение Лассада и тому подобная эпохи, рождающія замѣчательные типы, смѣлыхъ энергичныхъ людей, наиболѣе удобныхъ для поэтически-философскаго воспроизведенія. Тургеневу же очень рѣдко представляются подобные случаи. У насъ нѣтъ недостатку въ отдельныхъ личностяхъ, достойныхъ его пера; но, онъ и выходить хорошо, но эпохъ съ такимъ же характеромъ мало, больше чѣмъ мало: одно и обчелся. Вотъ отчего въ большинствѣ произведеній Тургенева ваше вниманіе сосредоточивается на одномъ, много двухъ дѣйствующихъ лицахъ. Въ «Наканунѣ» же въсѣ занимаютъ вся обстановка повѣсти. На первомъ планѣ рисуется центръ разсказа—Елена; ее оттѣняютъ Версеневъ, Шубинъ, Инсаровъ. Цѣлыхъ четыре человѣка, которымъ вы никакъ не можете отказать въ своей симпатіи. Всякій изъ нихъ представляетъ характерный

типа своего времени или если не типъ (слишкомъ прекрасна была бы русская жизнь съ Еленой, Берсеневымъ и Шубинымъ какъ обыкновеннымъ явленіемъ), то во всякомъ случаѣ весьма живыя личности, на развитіе коихъ пробужденіе окружавшей ихъ жизни имѣло огромное влияніе.

Вотъ предъ нами Елена. Она вѣрное олицетвореніе въ поэтической формѣ состоянія нашей родины въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда міросозерцаніе общества еще не окрѣпло, когда только-что стало проявляться неопределеннѣе стремленіе къ чему то хорошему, обѣ существенныхъ чертахъ котораго стремившіеся не имѣли еще яснаго представленія. Точно такое же настроеніе мы замѣчаемъ и у Елены. Она не отдаеть еще себѣ отчета въ своихъ стремленіяхъ, она не съумѣеть отстоять ихъ законности въ теоретическомъ спорѣ, но инстинктивно душа ея куда-то рвется, гдѣ все построено на хорошихъ началахъ, гдѣ тревожный духъ ей можетъ найти успокоеніе. Когда она слушаетъ прочувственная рѣчи Берсенева «душа ея раскрывается, и что-то нѣжное, справедливое, хорошее не то вливается въ ея сердце, не то въ немъ выростаетъ». Какъ Шубинъ отлично выражается, она въ ожидательномъ настроеніи.

« — Ступай, ступай, продолжалъ Шубинъ: — я только такъ, я тебя не задерживаю, и проберись прямо въ садъ, тамъ ты найдешь Елену. Она, кажется, тебя ждетъ, кого-то она ждетъ во всякомъ случаѣ.... Понимашь ты силу этихъ словъ: она ждетъ?»

Чего-же ждетъ Елена? Съ этимъ вопросомъ она сама еще не сладила.

«Чего мнѣ хочется, — пишетъ она въ дневникѣ своемъ. Отчего мнѣ такъ тяжело на сердцѣ, такъ тошно? Отчего я съ завистью гляжу на пролетающихъ птицъ? Кажется, полетѣла-бы съ ними, полетѣла, куда, не знаю, только далеко, далеко, отсюда. И не грѣшио-ли это желаніе? У меня здѣсь мать, отецъ, семья. Развѣ я не люблю ихъ? Нѣть я люблю ихъ такъ, какъ-бы хотѣлось любить. Мнѣ страшно выжилить это, но это и правда. Можетъ быть я большая грѣшица; можетъ быть оттого мнѣ такъ грустно, оттого мнѣ нѣть покоя. Какая-то рука лежитъ на мнѣ и давить меня. Точно я въ тюрьмѣ, и вотъ-вотъ на меня повалится стѣны. Отчего-же другое этого не чувствуютъ?»

Какъ видите молодое стремленіе еще весьма не ясно,

ни чуть еще не формулировано. Но это не важно, не въ этомъ суть. Направлениe вещь не трудная, было бы что направлять. Намъ драгоцѣнно въ Еленѣ ея желаніе вѣйти изъ обружающей ее обстановки, намъ важно видѣть въ ней не единичную дѣвушку, а представительницу многихъ ей подобныхъ, тоже неопределенно томившихся въ ожиданіи чего-то лучшаго, чѣмъ то, къ чему онѣ уже привыкли изъ каждодневной жизни. Поэтому фраза Елены «отчего-же другое этого не чувствуютъ» не вѣрна, такъ какъ противорѣчить истинѣ. Елена была бы для нась равнодушна, она занимала бы нась не болѣе красивой картинки, если бы не являла въ себѣ характерныя черты русской жизни. Подобно ей, послѣдняя томилась въ ожиданіи болѣе осмыслиннаго будущаго, въ ожиданіи людей, которые удовлетворили бы ея вновь пробудившимся стремленіямъ, ея идеалу истинно-человѣческаго бытія. Мы не желаемъ утверждать, что всѣ мысли Елены вѣрины, что вѣрно ея нежеланіе возвращаться въ Россію, что вѣрно ея предпочтеніе Иисарова Шубину и Берсеневу, намъ только важно констатировать въ Еленѣ прекрасный матеріалъ для осуществленія мечты о хорошей женщинѣ. Елена не настолько философски развита, чтобы усмотрѣть въ задачахъ практической русской жизни такую же прекрасную цѣль, какъ въ освобожденіи Болгаріи, она не настолько подчиняетъ свое сердце разсудку, чтобы понять ненормальность ниголовнаго геройства, но мы все таки съ любовью будемъ анализировать черты ея характера, потому что намъ еще дороже видѣть грандиозныхъ стремленій, не навѣянныхъ образованіемъ, а явившихся непосредственнымъ результатомъ не пошлой и возвышенной натуры. Вѣдь Елена не особенно образована, она отъ Берсенева въ первый разъ узнаетъ о существованіи Шеллинга, изъ ея дневника не видно, чтобы она наединѣ, сама съ собою размышляла о какихъ-нибудь общественныхъ предметахъ и идеяхъ. Однакоже вѣсть не смущаетъ это съ первого раза шокирующее отсутствіе многихъ отраслей знанія и достаточнаго развитія. Вы отлично понимаете, что все это дѣло нажизненное и проникается двойнымъ уваженіемъ къ

Еленѣ, при видѣ того, какъ она, не настолько проникшася образованностью и развитиемъ, чтобы путемъ упорнаго анализа и размышенія дойти до сознанія, что каждый человѣкъ по мѣрѣ силы своихъ долженъ приносить пользу,—тѣмъ не менѣе инстинктивно томится своею инертностью.

«Къ чему молодость, къ чему я живу, зачѣмъ у меня душа, зачѣмъ все это?» восклицаетъ она въ свою дневникъ какъ бы безнадежно. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что восклицаніе это не есть Чулкатуринскій вспѣхъ о безполезности проведенной имъ жизни. Нѣтъ! Елена полна силы и свѣжести, она еще не испытала никакихъ разочарованій, она не имѣетъ никакого права смотрѣть на міръ глазами чахоточного героя «Дневника Лишняго Человѣка». Будь она обыкновенная барышня, она бы разсматривала окружавшее сквозь призму беззаботнаго отношенія къ дѣлу, такъ свойственнаго и естественнаго въ молодомъ существѣ. Но какъ дѣвушкѣ той формациіи русской общественной жизни, когда разные прекрасно-говорители превратились уже въ ничего не значущихъ фразеровъ, когда типъ Рудина былъ окончательно дискредитированъ разными Гамлетами Щигровскаго уѣзда, когда однимъ словомъ ноги русского общества засидѣлись и имѣли настойчивую необходимость разминаться, какъ дѣвушкѣ такой соцѣe sociale, для Елены нужно «дѣло», нужны люди «дѣла», люди трезваго отношенія къ дѣятельности, ясно при томъ не дѣльцы à la Паншинъ и Курнатовскій, а личности, руководящіясь въ своей дѣятельности высшими принципами справедливости и гражданской честности. Натальѣ изъ «Рудина» непремѣнно понравился бы Берсеневъ сть его симпатичныемъ и благородныемъ направленіемъ мыслей, Елена же только *уважаетъ* его. При первомъ появленіи человѣка дѣла, хотя и неимѣющаго особыхъ правъ на предпочтеніе (объ этомъ дальше), Берсеневъ долженъ уступить сердце Елены энергичному и героическому въ глазахъ ея Инсарову и удовольствоваться званіемъ почтеннаго друга. При объясненіи характера этой дѣвушки, хорошо знающіе ее Берсеневъ и Шубинъ становятся въ турикъ.

« — А Елены Николаевны бывать, спросилъ Берсеневъ, подвигается?

— Нѣтъ братъ, не подвигается. Отъ этого лица можно въ отчаяніе прийти. Посмотришь: лицо чистое, строгое, прямое, кажется не трудно сковать сходство! Не тутъ-то было.... не дается, какъ кладь въ руки. Замѣтилъ ты, какъ она слушаетъ? Ни одна черта не троется, только выраженіе взгляда безпрестанно менѣется, а отъ него менѣется вся фигура. Чѣд тутъ прикажешь дѣлать скульптору, да еще плохому? Удивительное существо.... странное существо, прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Да; она удивительная девушка, повторилъ за нимъ Берсеневъ.

— А дочь Николая Артемьевича Стакова! Вотъ послѣ этого и разсуждай о крови, о породѣ. И вѣдь забавно-то, что она точно его дочь, похожа на него, и на мать похожа, на Анну Васильевну. Я Анну Васильевну уважаю отъ всего сердца, она-же моя благодѣтельница; но вѣдь это курица. Откуда же взялась эта душа? Кто зажегъ этотъ огонь? Вотъ опять тебѣ задача, философъ!»

Берсеневъ не въ состояніи разрѣшить предложенный Шубинымъ вопросъ и не трудно догадаться отчего. Какъ человѣкъ самъ составляющій эпоху пробужденія русской жизни послѣ долгаго сна, Берсеневъ не можетъ себѣ дать вполнѣ точный отчетъ о характерныхъ чертахъ своего времени. Не то онъ бы догадался, какимъ образомъ дочь Николая Артемьевича и Анны Васильевны могла выдѣлиться чѣмъ она была. Онъ бы понялъ, что характеръ не столько наслѣдуется отъ родителей, сколько формируется обстановкою и что слѣдовательно причину характера Елены нужно искать не въ родительскомъ домѣ, а извѣнѣ. Елена пережила эпоху Натальи Ласунской, потому что была окружена умными людьми и настолько честными, не только въ обыденномъ значеніи этого понятія, что Рудинъ не могъ ей уже показаться чѣмъ то особеннымъ, небывалымъ. Она не получила воспитанія Лизы Калитиной, силы ея, богатыя силы русской женщины не ушли всепрѣло на построеніе крѣпкаго мистического міросозерцанія, а устремились на болѣе реальную почву. Но реальность Елены вѣсколько отличается отъ того, что мы обыкновенно подъ этимъ словомъ понимаемъ. Бываетъ реальность, которая при всѣхъ своихъ рѣзкихъ особенностяхъ въ значительной степени не лишена идеального характера. Реальная сфера, на которую направляетъ Елена свои наклон-

ности, такого грандиозного размѣра, что придаютъ всѣмъ ея поступкамъ истинный и высоко-идеальный оттѣнокъ. Въ Инсаровѣ она увлеклась не на столько его личностью, сколько тою идею, представителямъ коей онъ явился. Послѣ смерти Инсарова она не оставляетъ его дѣла и дѣятельно продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направлѣніи.

«Милые мои родные, — пишетъ она своимъ, — я навсегда прощаюсь съ вами. Вы меня больше не увидите. Вчера скончался Дмитрій. Все кончено для меня.

Сегодня я уѣзжаю съ его тѣломъ въ Зару. Я его скрою и что со мною будетъ, не знаю! Но уже мнѣ нѣть другой родины, кроме родины Дмитрія. Тамъ готовится восстаніе, собираются на войну; я пойду въ сестры милосердія, буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мною будетъ, но я и послѣ смерти Д. останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей ея жизни. Я выучилась по болгарски и по сербски. Вѣроятно, я всего этого не перенесу — тѣмъ лучше. Я приведена на край бездны и должна унасть. Насъ судьба соединила не даромъ; кто знаетъ, можетъ быть и его убила, теперь его очередь увлечь меня за собою.

Простите мнѣ всѣ огорченія, которыхъ я вамъ причинила; это было не въ моей волѣ. А вернуться въ Россію — За чѣмъ? Что дѣлать въ Россії?»

Какъ видите Елена есть женщина совмѣщенія слова съ дѣломъ и вотъ почему, за исключеніемъ послѣднихъ моментовъ ея появленія въ повѣсти, она вполнѣ вѣрно отразила на себѣ характеръ эпохи, послѣдовавшей за крымской кампанией. Если иной проницательный читатель лукаво намъ замѣтитъ, что дѣйствіе повѣсти происходитъ до восточной войны и слѣдовательно наша вышеизложенная параллель иѣсколько грѣшилъ противъ истины, то мы такому любителю ариѳметическихъ вычисленій замѣтимъ, что извѣстное общественное настроеніе не выраживается въ полномъ облаченіи, какъ Шаллада изъ головы Зевса. Общественное міросозерцаніе, въ особенности когда дѣло идетъ о радикальной реформѣ, зреетъ годами и десятилетіями. При другихъ обстоятельствахъ оно бы начало медленно проявляться, теперь же, подъ вліяніемъ особыхъ условій, оно быстро всмыкнуло и могучимъ потокомъ разлилось по всей Россіи, до самыхъ отдаленныхъ уголковъ ея.

Еще болѣе потому Елена доказываетъ неизбѣжность пробужденія русской жизни въ то время, что получила воспитаніе довольно самостоятельное, т. е. ее не подвергали той нерациональной педагогической логикѣ, что родители называютъ *своей методой* и примѣнять которую къ своимъ дѣтямъ считаютъ своимъ священнымъ долгомъ. Мать Елены, какъ выражается Шубинъ, — курица и потому вліянія на нее не могла имѣть; отецъ мало интересовался дочерью. Вотъ и росла она, больше предоставленная самой себѣ и тѣмъ впечатлѣніемъ, что окружавшая жизнь на нее производила. Такъ уже въ двѣнадцать лѣтъ она испытала весьма сильныя ощущенія во время знакомства съ нищенкой Катей, которая въ значительной степени пробудила ея мыслительную способность и заставила думать о предметахъ, далеко превышающихъ ея дѣтскій уровень мыслей и подкапывающихъ розовый взглядъ на жизнь и ея значеніе, такъ обыкновенный въ первыя поры человѣческаго существованія. Сама воспитанная въ богатствѣ и довольствѣ, она, опять таки отъ сближенія съ Катей, узнаетъ, что есть и горе на землѣ, что не всѣмъ одинаково хорошо живется. Елена проникается вслѣдствіе этого любовью ко всему угнетенному и, не имѣя большаго круга дѣятельности, дѣлается покровительницею притѣсняемыхъ животныхъ; даже муху она считаетъ себя обязанной освободить отъ пожиранія паукомъ. Все это она дѣлаетъ по добротѣ душевной, а главнымъ образомъ потому, что природное качество получило хорошее направление. И такъ, сама дѣйствительность, повседневная жизнь развиваетъ нашу героиню. Но не это еще дѣлаетъ ее вѣрнымъ отраженіемъ «предразсвѣтной» эпохи. Тутъ только фундаментъ будущаго зданія. Начало повѣсти имѣть дѣло еще только съ сырьемъ материаломъ.

«Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чёмъ никто не мыслить въ цѣлой Россіи. Потомъ она утихала, даже смѣялась надъ собой, беспечно проводила деннъ за днемъ, но внезапно что-то сильное, безименное, съ чѣмъ она совладѣть не умѣла, такъ и закипало въ ней, такъ и проскальзывало вырваться наружу. Гроза проходила, спускались усталыя и велетѣнія крылья, но эти порывы не обходились ей даромъ.

Какъ она ни старалась не выдать того, что въ ней происходило, тоска изволившей души скакывала въ самомъ ея наружномъ спокойствіи, и родные ея часто были въ правѣ пожимать плечами, удивляться и не понимать ея «странностей».

Въ этомъ неопределѣленномъ томительномъ положеніи она впервые является читателю. Ее начинаетъ интересовать симпатичная личность Берсенева.

«Елена дальше обыкновенного не отходила отъ окна. Она много думала о Берсеневѣ, о своемъ разговорѣ съ нимъ. Онъ ей нравился; она вѣрила теплотѣ его чувствъ, чистотѣ его намѣрѣй. Онъ никогда еще такъ не говорилъ объ ней, какъ въ этотъ вечеръ. Она вспомнила выраженіе его несмѣлыхъ глазъ, его улыбки — и сама улыбнулась и задумалась, но не о немъ. Она привыкла глядѣть въ «ночь»透过 открытое окно. Долго глядѣла она на темное, низко-нависшее небо; потомъ она встала, движениемъ головы откинула отъ лица волосы и, сама не зная зачѣмъ, протянула къ нему, къ этому небу, свои обнаженные, похолодѣвшія руки; потомъ она ихъ уронила, стала на колѣни передъ своею постелью, прижалась лицомъ къ подушкѣ, и не смотря на всѣ свои усилия не поддаться нахлынувшему на нее чувству, запла-
кала какими-то странными, недоуиѣвающими, но жгучими слезами».

Царство Берсенева недолго продолжалось. Сама нѣжная Елена нуждалась въ болѣе энергичной натурѣ. Ей нуженъ былъ человѣкъ, который быль-бы въ состояніи назвать свою дѣятельность великой, цѣлью, ради которой живеть — грандиозной. Но гдѣ-же взять такое лицо въ Россіи, гдѣ-тѣ великия цѣли для русскаго, о чмъ можно было-бы tolковать въ 1860 г. въ романѣ, выставить какъ не единичное явленіе? И вотъ въ угоду такой невозможности Тургеневъ дѣлаетъ капитальную ошибку. Спрашивается, должна-ли нась занимать Елена, если-бы была пригодна только въ спутницы героическимъ личностямъ, если-бы она разыгрывала только роль эзотического растенія въ русской жизни. Елена настолько тѣсно связана съ новымъ пробудившимся потокомъ русской жизни, что только въ связи съ этимъ обстоятельствомъ Тургеневъ долженъ былъ намъ показать развязку ея душевнаго настроенія. Тургеневъ долженъ былъ заставить Елену доразвиться подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ до того, чтобы она поняла громадность и значеніе гражданскаго мужества, гражданскаго героизма. А то она глубоко пора-

жается самымъ банальнымъ героизмомъ Инсарова. Елена должна была понять, что идти сражаться противъ Туровъ, когда послѣдніе высказываютъ упорное желаніе отдать вашу голову отъ тулowiща, гораздо легче, чѣмъ бороться съ тою массою рутинеровъ, что на каждомъ шагу желаютъ препятствовать прогрессу новыхъ требованій. Когда у васъ сидѣть на шеѣ, то не нужно особеннаго развитія и величія души, чтобы додуматься и рѣшиться на протестъ. Поэтому авторъ поставилъ Инсарова въ слишкомъ благопріятныя условія, давъ ему возможность явиться «ироемъ», по мѣткому выражению Берсенева. Ужъ именно «ирой»! Велика заслуга, что онъ желаетъ освободить свою родину!, Да тотъ-же самый Шубинъ, котораго Елена полу-презираетъ, быль-бы ничуть не меньшимъ ироемъ, поставленный на мѣсто Инсарова. И нашъ братъ русакъ въ двѣнадцатомъ году француза выгнали и все-же въ героя никѣмъ производимымъ не были. Но положимъ даже, что Инсаровъ не ирой, а самыи что ни на есть восемьдесятъ четвертой пробы герой. И тогда его фигура не имѣеть особеннаго значенія въ новѣсти. Мы уже при разборѣ «Аси» замѣтили, что героизмъ не можетъ быть постояннымъ явлениемъ и неизбѣжнымъ ингредіентомъ повседневной жизни. Изъ этого слѣдуетъ, что Тургеневъ самъ подорвалъ значеніе личности Елены, заставляя ее удовлетворяться только экстраординарными положеніями. Спрашивается, что это за попиринское отрицаніе смысла въ жизни Россіи, какъ мы это видимъ въ прощальномъ письмѣ Елены? Неужели-же пойти въ сестры милосердія есть большій подвигъ чѣмъ возвратиться въ Россію и поступить хотя-бы въ народныхъ учительницъ? Или можетъ быть ей претитъ пошлость московской обстановки, московского образа жизни; можетъ быть она боится заразиться и погрязнуть самой. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ-же будетъ превосходство непошлой личности надъ пошлой, въ чѣмъ она выразится какъ не въ томъ, что послѣдняя при всѣхъ обстоятельствахъ остается съ неизмѣненнымъ внутреннимъ міромъ?

Но возвратимся къ Инсарову. Посмотримъ какія сто-

роны его характера были настолько хороши, что онъ прішель, увидѣлъ и побѣдилъ сердце Елены. Писаревъ называетъ Инсарова марionеткой, Добролюбовъ признаетъ за нимъ значение грусти автора о невозможности такихъ людей на Руси. Мы не согласны ни съ тѣмъ ни съ другимъ мнѣніемъ. Добролюбовъ придалъ слишкомъ большую важность Инсарову, Писаревъ слишкомъ его унизилъ. Нѣть, Инсаровъ живой человѣкъ, но чѣмъ онъ больше имѣеть правъ иравиться русской дѣвушкѣ, чѣмъ Берсеневъ и даже Шубинъ—этого мы не понимаемъ. Что такое этотъ Инсаровъ? Гдѣ въ немъ то міровое иѣчто, что такъ поразило впечатлительную душу Елены? Мы вѣдь не должны забывать, что мелодраматический фейерверкъ не долженъ поражать нашу героиню, не то чѣмъ же она будетъ отличаться отъ сентиментальной провинціалки, отъ Маші въ «Бретерѣ», которая пльняется Лучковымъ только потому, что видитъ въ упорномъ его молчаніи иѣчто демоническое.

Какъ Шубинъ по обыкновенію своему мѣтко охарактеризовалъ «ироля» Инсарова, послѣдній дѣйствительно во многомъ напоминаетъ «благовоспитанного мальчика, котораго отпустили на воскресенье домой».

«Талантъ никакихъ, поэзіи немѣтъ, способностей къ работѣ пропасть, память большая, умъ не разнообразный и не глубокий, но здоровый и живой; сущь и сила и даже даръ слова, когда рѣчь идетъ объ его, между нами сказать, скучнѣйшей Болгаріи. Что? ты скажешь я несправедливъ? ты съ нимъ на ты не будешь и никто съ нимъ на ты не бывалъ; я, какъ артистъ, ему противенъ, чѣмъ я горжусь. Сущь, сущь, а вѣтъ насы въ порошокъ стереть можетъ. Онъ съ своей землею связанъ—не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся, моль, въ насъ живая вода! За то и задача его легче, удобопонятѣе: стоитъ только Турокъ вытурить, велика штука! Но всѣ эти качества, слава Богу, не нравятся женщинамъ. Обаянія нѣть, шарашу; не то, что въ насъ съ тобой*.

Въ этой краткой характеристики все чрезвычайно вѣрно. Можно уважать человѣка съ положительными качествами, но увлечься имъ трудно. Для послѣднаго требуется известнаго рода даровитость, мягкость, однѣмъ словомъ, *kurzwegs* какъ говорятъ нѣмцы, требуется *поэзія* въ ея неопошлиен-

номъ значеніи. А въ Инсаровѣ ничего поэтичнаго нѣтъ. Самая эта абсолютная честность его и нежеланіе кому-либо быть обязаннымъ какъ-то отдать сухимъ педантизмомъ, отъ ригоризма его вѣеть моралистомъ и учителемъ. Берсеневъ ничуть не меныше Инсарова честенъ и проникнуть сознаніемъ чувства собственнаго достоинства, однако же онъ по всей вѣроятности не откажется отъ радушнаго приглашенія погостить на дачѣ и жить въ комнатахъ, которые безъ того стояли-бы пустыя и ниеѣмъ не занятныя. А Инсаровъ нѣтъ! Математически вычислилъ, что за двѣ комнаты онъ долженъ платить двадцать рублей и только подъ этимъ условиемъ можетъ поселиться. Какъ будто онъ не сможетъ когда-нибудь Берсеневу отплатить подобнымъ-же образомъ. Подобное поведеніе отзыается даже мелочностью. «*Du sublim au ridicule n'est qu'un pas*» сказалъ французскій императоръ и изрѣченіе его не трудно примѣнить къ Инсарову. Есть личности, которымъ не желаешь хотя-бы на минуту быть обязаннными, но Берсеневъ-же не принадлежитъ къ этой категоріи, такъ что поступокъ Инсарова по отношенію къ нему, мы можемъ назвать хорошимъ только съ отвлеченной точки зрѣнія; симпатизировать мы ему не можемъ. Отъ него вѣеть именно тою сущью, про которую упоминаль Шубинъ. Что подобные принципы хороши въ «гражданій»—въ этомъ мы не станемъ сомнѣваться ни на минуту, но что русская широкая натура не можетъ по основному характеру своему удовлетвориться нѣмецкую аккуратностью Инсарова --- тутъ тоже, кажется, сомнѣнія едва-ли могутъ быть умѣстны. *Si un si que,* вотъ почему нѣмецкая порядочность, при всѣхъ своихъ поченныхъ качествахъ, труднодается нашему брату руссаку, что ничуть не мѣшаетъ ему однако же быть очень хорошимъ человѣкомъ и полезнымъ членомъ образованнаго общества.

Намъ могутъ возразить, что Елена не приходила съ Инсаровымъ въ такія близкія столкновенія, чтобы замѣтить его нѣмецкій педантизмъ. Мы съ этимъ готовы согласиться. Но въ такомъ случаѣ, что-же именно она въ немъ замѣчала?

Одну любовь къ родинѣ? Да этого мало. «Стоить только вытурить Туровъ—велика штука», скажетъ мы вслѣдъ за Шубинымъ. Этого недостаточно, чтобы пріобрѣсть героический обликъ. Или Елена была настолько малоразвита, что не могла отнять отъ личности Инсарова высоко-идеальный характеръ дѣла, которому если-бы онъ не служилъ, то всякий порядочный человѣкъ могъ-бы считать себя въ правѣ и руки ему не протягивать. Мы можемъ только тогда выдать кому-нибудь дипломъ на возвышенность, когда онъ по своимъ принципамъ далеко превосходитъ всѣхъ окружающихъ людей. А въ данномъ случаѣ, какъ Инсаровъ самъ говоритъ, въ Болгаріи послѣдній мужикъ проникнуть тѣмъ-же стремлениемъ, что и онъ, студентъ московскаго университета. Торгаші, что поссорились изъ-за гропей и мирить которыхъ Инсаровъ поѣхалъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, пытали тою-же любовью къ родинѣ, неменѣе его готовы были всѣмъ пожертвовать, чтобы освободить ее изъ-подъ ига угнетателей. Значитъ Елена могла только уважать въ лицѣ Инсарова народъ, горячо преданный своей странѣ и ничего болѣе. Не патріотъ Инсаровъ не могъ быть, все равно какъ всякий порядочный человѣкъ долженъ всегда быть правдивымъ. Смыслило-же было-бы если-бы намъ поставили въ идеаль чловѣка, который не лжетъ. Тутъ заслуга довольно отрицательная. Тургеневу не зачѣмъ было выписывать изъ-за границы людей, любящихъ свою родину. Мы, слава Богу, такими не обижены. Некрасовъ за героями въ Болгарію не ѻздилъ, а между тѣмъ вывелъ въ одномъ изъ своихъ наиболѣе прекрасныхъ произведеній такие образцы любви къ родинѣ, что Инсаровъ только блѣдаѣтъ предъ ними. Какъ видите, читатель, идеи, представителемъ коихъ нашъ Болгаръ выступаетъ, вовсе не на столько новы, чтобы Елена, являющаяся символомъ пробужденія русской жизни, символомъ нахожденія наканунѣ благотворныхъ преобразованій, имѣла-бы право съ замиранiemъ сердца говорить:

«Освободить свою родину! Эти слова такъ велики, что даже выговорить страшно!»

Да, мы согласны, эти слова страшно выговорить, но разъ не страшно выговорить слова, хотя бы Берсенева, когда онъ разсказываетъ о своемъ желаніи быть профессоромъ исторіи, пойти по слѣдамъ Грановскаго. Все это не менѣе великия слова, а между тѣмъ они проходить безслѣдно для Елены и она не находитъ въ нихъ иѣчто достойное и способное утолить ея духовную жажду. Если-же отнять отъ Инсарова его дѣятельность по освобожденію родины, то отъ него очень мало останется. Чѣмъ, въ такомъ случаѣ, онъ будетъ отличаться отъ Берсенева? Инсаровъ *не лжетъ, не измѣняетъ разъ предназначенному намѣренію, не беретъ денегъ взаймы, не хвастаетъ* — вотъ и всѣ его особенные добродѣтели; но согласитесь, что вы имѣете здѣсь дѣло съ свойствами довольно отрицательного характера. Что-же Инсаровъ *да дѣлаетъ*, кромѣ для своей скучной Болгаріи, обѣ этомъ весьма мало указаній въ повѣсти. Онъ мириТЬ своихъ земляковъ, даже Ѵзйтъ по ихъ просьбѣ за 60 верстъ изъ любви, такъ сказать, къ искусству, ну! за это еще не слѣдуетъ вѣнокъ бессмертія. Только въ одномъ отношеніи Инсаровъ былъ бы дѣйствительно выше русскихъ людей, если бы его поведеніе при томъ не было такъ странно, такъ нерационально. Мы говоримъ о его любви къ Еленѣ. Въ началь сцены объясненія вы нѣсколько изумлены Болгариномъ, вы чувствуете, что нашъ братъ сиволапый иначе повѣльбы дѣло, но тревожное состояніе ваше не долго продолжается, ибо конецъ той-же сцены убѣждаетъ васъ, что и высоконеидеальные «игои» могутъ быть непослѣдователны и подъ влияніемъ страсти отступить отъ принципа превращенія живаго человѣка въ машину, все дѣлающую по правиламъ науки и искусства.

Вся вообще исторія любви Инсарова къ Еленѣ весьма интересна. Она россійскимъ патріотамъ даетъ еще одинъ поводъ не падать духомъ отъ своей собственной непригодности и избавлять отъ необходимости преклоняться предъ заграниценнымъ образцемъ всевозможныхъ добродѣтелей.

Инсаровъ вдругъ объявляетъ Берсеневу, что собирается

съезжать съ дачи. Берсеневъ обѣ этомъ докладываетъ Еленѣ и вотъ какъ объясняетъ причину внезапнаго рѣшенія Инсарова.

« — Вотъ видите-ди, началь Берсеневъ съ грустною улыбкою.—Какъ бы вамъ это объяснить? Придется мнѣ возвратиться къ вынѣшней веснѣ, къ тому времени, когда я ближе познакомился съ Инсаровымъ. Я тогда встрѣтился съ нимъ въ домѣ одного родственника; у этого родственника была дочка, очень хорошенккая. Мнѣ показалось, что Инсаровъ къ чей неравнодушенъ, и я сказалъ ему это. Онъ разсмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что я ошибался, что сердце его не пострадало, но что онъ немедленно-бы уѣхалъ, если бы чтонибудь подобное съ нимъ случилось, такъ какъ онъ не желаетъ, это были его собственные слова,—для удовлетворенія личаго чувства измѣнить своему дѣлу и своему долгу. Я Болгартъ, сказалъ онъ, и мнѣ русской любви не нужно».

И такъ, господинъ Инсаровъ на столько возыщенъ, что рѣшается избѣгать соблазна въ опасеніи измѣнить дѣлу родины. Безъ сомнѣнія, это прекрасная вещь, хотя мы все-таки не понимаемъ возможности видѣть въ такомъ ходячемъ собраніи разныхъ принциповъ отступленіе отъ нихъ во имя какой-нибудь юбки. Если уже вы, господинъ Инсаровъ, «ирой», то должны-же знать, что не всѣ истинные герой и освободители своей родины были холостые. Вотъ вашъ collega—итальянецъ Гарибальди былъ-же женатъ на бразиліанкѣ и это ему не помѣшало однако-же освободить родную страну. Ужъ быть проемъ—такъ по всѣмъ статьямъ! сказать подобно наполеоновскому солдату въ романѣ Гейне:

Was schert mich Weib, was schert mich Kind
Mein Kaiser, mein Kaiser gefangen.

Но положимъ господинъ Инсаровъ полагаетъ, что жена удержитъ его за фалды спортука и не пустить въ Болгарію. Не станемъ противъ этого спорить, ибо взгляды разные бываютъ. На одномъ, однако-же, мы настаиваемъ. Отчего иной нашъ не удираетъ сейчасъ-же послѣ объясненія въ обоюдной любви, отчего когда Елена ему на шею бросается, онъ ей отвѣчаетъ тѣмъ-же? На что-же онъ ирой, какъ не на то, чтобы пристыдить насъ, обыкновенныхъ смертныхъ своею твердостью?

«Но вѣдь тутъ вмѣшалась страсть», возразить намъ читатель. Прекрасно! мы и не осуждаемъ Инсарова за его естественное чувство. Наоборотъ г. Н. изъ «Аси» подвергся нашему порицанію, когда тотъ оттолкнулъ отъ себя отдавшуюся ему дѣвушку во имя какихъ-то прѣсныхъ принциповъ. Но гдѣ-же въ такомъ случаѣ превосходство Инсарова, въ чемъ оно выражалось при сценѣ объясненія въ любви; не слѣдуетъ-же забывать, что въ данномъ случаѣ принципы, въ силу которыхъ онъ могъ-бы отвергнуть «русскую любовь» ни въ какомъ случаѣ не могли принадлежали. «Какъ—скажутъ намъ опять — послѣ того, какъ Елена уже лежала въ объятіяхъ Инсарова, развѣ послѣдній не представлялъ ей лишній и опасностей, которымъ она подвергнется, связавъ съ нимъ свою судьбу, развѣ онъ ей не нарисовалъ невеселую картину ихъ будущаго совмѣстного житія, развѣ онъ вообще всѣми силами не старался заставить убояться Елену союза съ нимъ? Да, отвѣтимъ мы, дѣйствительно, Инсаровъ поступилъ какъ честный человѣкъ, онъ ничего не скрылъ отъ полюбившей его дѣвушки, но чѣмъ же онъ успокоился, чѣмъ утишилъ свои собственные сомнѣнія на счетъ того, что Елена не помѣшаетъ ему въ его дѣятельности?

« — Такъ ты пойдешь за мной всюду? говорилъ онъ ей, четверть часа спустя, по прежнему окружая и поддерживая ее своими объятіями.

— Всюду, на край земли. Гдѣ ты будешь, тамъ я буду.

— И ты себя не обманываешь, ты знаешь, что родители твои никогда не согласятся на нашъ бракъ?

— Я себя не обманываю; я это знаю.

— Ты знаешь, что я бѣденъ, почти нищій?

— Знаю.

— Что я не русскій, что мнѣ не суждено жить въ Россіи, что тебѣ придется разорвать всѣ твои связи съ отечествомъ, съ родными?

— Знаю, знаю.

— Ты знаешь такъ-же, что я поставилъ себя дѣлу трудному, неблагодарному, что мнѣ.... что намъ придется подвергаться не однѣмъ опасностямъ, но и лишениямъ, унижению, быть можетъ?

— Знаю все, знаю.... я тебя люблю.

— Что ты должна будешь отстать отъ всѣхъ своихъ привычекъ, что таинъ, одна, между чужими, ты, можетъ быть, принуждена будешь работать....
Она положила ему руки на губы. Я люблю тебя, мой милый».

Инсаровъ повѣрилъ словамъ Елены и за это его обвинять нечего. Но неужели-же онъ раньше не настолько хорошо понялъ предметъ своего влечения, чтобы догадаться, что она не изъ тѣхъ барышень, которымъ нужны платы и рясаки, чтобы быть «счастливыми». Стояла-ли бы она его любви, принадлежа къ этой категоріи? И что же, наконецъ, слова Елены, сказанныя въ экстазѣ страсти, убѣдили его въ противномъ? Мало-ли что говорится подъ вліяніемъ любви. Еще наши бабушки распѣвали насыщенно, что «съ милымъ рай и въ шалашъ». Елена ничего болѣе убѣдительного не сказала. Она положила ему руки на губы и не дала говорить—тутъ видна любовь и еромъ того ничего.

Итакъ Инсаровъ въ сценѣ объясненія ничего «ирискаго» не проявилъ; что-же касается его послѣдующаго по-веденія (о предыдущемъ мы говорили), то всякий порядочный русскій, хотя-бы тѣ-же Берсеневъ и Шубинъ, точно также поступили-бы. Значить не за чѣмъ было выписывать изъ Болгаріи добродѣтели, за которыми и у насъ дѣло не станетъ. Вотъ отчего мы полагаемъ, что Добролюбовъ увлекся въ свое мѣшаніе пессимизмомъ, стараясь показать невозможность появления Инсарова въ Россіи, идеальность его характера въ сравненіи съ русскими. Нѣть, скажемъ мы, Инсаровъ не болѣе, какъ очень порядочный человѣкъ! Противъ такого опредѣленія мы не протестуемъ, но чтобы онъ уже таинъ высоко стоялъ, что намъ, бѣднымъ русскимъ лапотникамъ, оставалось-бы только умилиться духомъ и сознаться въ своемъ бессилии—съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ. Самобичеваніе вещь хорошая и полезная, но оно становится на-тянутымъ и даже вреднымъ, когда переходить границы долж-наго. Въ данномъ случаѣ, пессимизмъ Добролюбова является одностороннимъ. Если вѣренъ его взглядъ, то какой-же выводъ мы должны сдѣлать изъ «Наканунѣ»? Неужели же такой грустно-безнадежный, что у насъ хорошихъ людей нѣть? Неужели-же справедлива бутада Шубина о томъ, что:

«....Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все-либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи изъ пустаго въ порожнее переливается, да палки барабанные! А то вотъ еще какіе бываютъ: до позорной тонкости самыхъ себя изучили, щупаютъ безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію и докладываютъ самимъ себѣ: вотъ что я, моль, чувствую, вотъ что я думаю. Полезное, дѣльное занятіе! Нѣтъ, кабы были между нами путные люди, не ушла-бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула-бы какъ рыба въ воду! Что-же это, Уваръ Ивановичъ? Когда-же наша придетъ пора? когда у насъ вародятся люди?

— Дай срокъ, отвѣтилъ Уваръ Ивановичъ, — будуть.

— Будутъ? Почва! Черноземная сила! Ты сказать будутъ? Смотрите-жъ я залишу ваше слово».

Говорящій подобнымъ образомъ не вполнѣ увѣренъ во всемъ имъ сказанномъ. Онъ самъ ничуть не такого низкаго майна о своей обстановкѣ, потому что какъ человѣкъ не-глупый и развитой видѣть уже вездѣ намѣченными новыхъ людей, не фразеровъ прежнихъ годовъ, а людей дѣла, людей полезной дѣятельности. Не даромъ-же повѣсть носить такое многозначительное название «Наканунѣ». Да, мы были наканунѣ конца стараго порядка вещей, наканунѣ совершенного преобразованія прежней Россіи, наканунѣ замѣнъ обветшалаго новыми формами крѣпкаго и разумнаго бытія. Все вокругъ дышало надеждою на лучшее будущее, смѣло глядѣло впередъ, полное сознанія тѣхъ силъ, что накопились въ теченіи долгаго времени гнета и стѣсненія. Съ этой точки зреянія Тургеневъ могъ-бы подвергнуться порицанію за то, что будто отрицалъ годность существующаго матеріала для построенія новаго зданія общественной жизни, какъ-бы констатировалъ одно только желаніе русской жизни вырваться изъ прежнихъ оковъ, но ничего больше. Удовлетворенія новыхъ стремленій какъ-бы не предвидѣлось изъ повѣсти. Если-бы этотъ взглядъ былъ вѣренъ, — спрашивается для чего творческая фантазія автора создала Шубина и Берсенева, эти симпатичныя русскія натуры. Видно Тургеневъ наравнѣ съ Шубинымъ не очень крѣпко убѣжденъ въ справедливости своего отрицательнаго взгляда на русскихъ людей, видно онъ находился самъ съ собою въ противорѣчіи,

когда писалъ «Наканунѣ», видно въ немъ самомъ происходилъ тотъ неопределенный поворотъ къ другому образу жизни, что такъ сильно отразился на личности Елены. У Тургенева вы всегда можете замѣтить, что овъ неразрывно связана со своими героями, что ихъ сомнѣнія часто суть и его собственныя. Какъ Берне, онъ имѣть право сказать про себя, что пишетъ сокомъ своихъ нервовъ. Слѣдовательно по Тургеневу, какъ автору «Наканунѣ» мы можемъ судить, что действительно прежній образъ жизни доживалъ свои послѣдніе дни, что вѣяніе весны нового строя уже чувствовалось въ воздухѣ и что повѣсть, о которой теперь идетъ рѣчь, была ранней ласточкой, возвѣшившей радостную вѣсть о предстоящей перемѣнѣ. Что-же касается нѣкоторыхъ беззадежныхъ мѣстъ повѣсти—«so war es nicht so böse gemeint», какъ говорятъ нѣмцы. Пессимистическая самоуничижительная разсужденія выражаютъ только борьбу авторскаго міросозерцанія: онъ еще не вполнѣ увѣренъ въ радостномъ факѣ пробужденія и потому какъ добросовѣстный человѣкъ ставитъ себѣ всевозможныя препятствія, прежде чѣмъ повѣрить дѣйствительности нового явленія. Въ параллель пессимистическимъ мѣстамъ, въ повѣсти есть такія, где Шубинъ отрицає нашу непригодность и въ этихъ отрицаніяхъ чувствуется спрятавшийся за него авторъ.

«Да, говорить Шубинъ, молодое, славное, смѣлое дѣло. Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина.... хорошо, хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ и стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ дѣйствительно въ сущности все равно. А тамъ — натянуты струы, звеки за весь міръ или порвись!»

Шубинъ уронилъ голову на грудь.

— Да, продолжать онъ послѣ долгаго молчанія,— Инсаровъ ее стоитъ. А впрочемъ, что за вздоры! Никто ея не стоитъ. Инсаровъ.... Инсаровъ.... къ чemu ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя, да будто ужъ мы такая совершенная дрянь?»

Нѣтъ, отвѣтимъ мы за Шубина. Заря новой жизни свѣтлыми лучами уже занималась на горизонте, тамъ и сямъ уже видны были освѣщенные мѣста. Мракъ разсѣвался и подъ свѣжими каплями утренней росы можно было замѣтить

высокіе, хорошие новыя всходы, выросшіе на почвѣ удобреної бездѣйствіемъ прежнихъ годовъ, на почвѣ, долгое время не приносишшей никакихъ плодовъ и потому теперь готовившейся разомъ вознаградить скупость прежнихъ лѣтъ и обилиемъ новой жатвы заставить забыть долгіе годы безиладія. Какъ-бы послѣ брѣзового сна, расправляла Русь свои могутчіе члены, приготовлялась приступить къ энергичной работѣ, достойной ея мощныхъ силъ. Но не изъ заграницы высыпывала она себѣ руководителей, и въ русской землѣ ихъ достаточное количество насчитывалось. Лихо мы зажили, сразу нагнали потерянное и даже перегнали нужное. Набѣдокурили мы при этомъ, точно. Ну, да вѣдь это не за нами одними водится. Вотъ и французы въ 89 году сразу начали въ каждомъ годѣ жить за пятьдесятъ прежнихъ. Ну, тоже немножко увлеклись. Да ничего, въ прокѣ пошло. Задали себѣ ходу на долго и еще до сихъ пережевываютъ, что сразу тогда на свѣтъ Божій выпустали въ три, четыре года. На маленькихъ тарелочки они раскладываютъ то, что въ девятидесятыхъ годахъ имъ въ одной мискѣ сервирано было. Безъ эспрессовъ никогда дѣло не обходится, когда нужно жить при необыкновенныхъ условіяхъ. Однако-же изъ за деревьевъ лѣса не видѣть—не слѣдуетъ, изъ за отдельныхъ несообразностей не понять цѣлаго движенія, цѣлой эпохи—это непростительно.

Какъ Тургеневъ понялъ новый потокъ русской жизни, мы увидимъ дальше, при разборѣ тѣхъ его произведеній, которые порвали добрыя отношенія между нимъ и читающей публикой, которая одно время заставили ее забыть заслуги автора, искупающаго всѣ прегрѣщенія свои одними «Записками Охотника».

Нечего много распространяться о томъ, что «Наканунѣ» было встрѣчено съ энтузіазмомъ. Всѣ были очарованы до нельзяя задушевнымъ колоритомъ повѣсти, всѣмъ отрадно было слѣдить за могутчимъ раззвѣтомъ таланта любимаго

писателя. Критика единодушными похвалами выразила всеобщее настроение и этим прочище укрытия высокий пьедесталь, на который, в продолжении нескольких летъ, Тургеневъ такъ заслуженно былъ поставленъ въ силу своего необыкновенного дарования, тонкаго ума и всесторонняго развитія. Литературные дразги не вмѣшились въ оцѣнку «Наканунѣ», и «Современникъ» въ одной изъ лучшихъ и блестящихъ статей Добролюбова отдалъ дань удивленія чуткости автора къ характеру эпохи. Кто не читалъ «Когда же придетъ настоящій день?» Кто не сочувствовалъ расточаемымъ тамъ Тургеневу похваламъ. Нужно быть г. Антоновичемъ, чтобы утверждать, что Тургеневъ былъ раздосадованъ этой статьею и вслѣдствіе этого окаррикатурилъ Добролюбова, выставивъ его въ *Базаровъ* (!!). Помимо возмутительности игнорности такого предположенія, нужно опять-таки обладать смѣлостью г. Антоновича, чтобы публично рѣшиться исковеркать смыслъ всѣми прочтенной статьи. Тургеневъ могъ быть только благодаренъ даровитому критику за раскрытие истиннаго смысла своего произведенія, а тутъ вдругъ обвиненіе въ злобѣ! Но чего не наговорятъ мелкое чувство, видя себя въ положеніи моськи, которая хоть отчаяннѣмъ лаемъ должна обнаружить свое существование и мнимое значеніе.

Творить все капитальные вещи трудно и даже первоклассный талантъ непремѣнно имѣть въ исторіи своего развитія полосы, когда творческая мысль отдахается отъ уже совершенного и готовится къ новому сильному обнаруженію. Между «Наканунѣ» и «Отцами и Дѣтьми» находится промежутокъ двухъ летъ, въ теченіи которыхъ Тургеневъ заявилъ себя въ беллетристической формѣ только «Первою Любовью». При всемъ томъ, что она превосходно написана и съ особеннымъ удовольствиемъ читается, такъ какъ у всякаго поневолѣ воскресаетъ при этомъ въ памяти собственныхъ ощущенія, «Первая любовь» не заключаетъ въ себѣ

общественныхъ типовъ и такъ сказать вся состоитъ изъ «псэзій». Фабула сбивается на истинное происшествіе, но вы не въ претензіи за это, вамъ многое родственно въ повѣсти, вы многое и сами испытали. Своебразная личность княжны Зинаиды нѣсколько смахиваетъ на Асю, но въ той больше оригинальности, она не кокетничаетъ, чего никакъ однакоже нельзя отнять отъ предмета страсти многочисленныхъ кавалеровъ, увивающихся за хорошечкой княжной.

Въ ряду другихъ женскихъ портретовъ Тургенева княжна Засѣкина занимаетъ не послѣднее мѣсто по своей симпатичности, но «культурныхъ» элементовъ въ ней очень мало, даже меныше, чѣмъ у Аси. Если не гнаться за типами, а удовольствоваться характерами, то княжна не лишена интереса, хотя характеръ ея далеко не исчерпанъ Тургеневымъ.

Изъ небеллестристическихъ работъ Тургеневъ въ теченіи времени съ 1859 г. по 62 годъ напечаталъ: *Обѣдъ въ обществѣ литературною англійскою фонда* (Библіотека для Чтенія т. CLIII), *Воспоминанія о Бѣлинскомъ* (Моск. Вѣст. № 21). Въ 1859 г. вышли въ Петербургѣ «Украинскіе народные разсказы Марко-Бовчка, переведенные съ малороссійского нарѣчія И. С. Тургеневымъ». Въ 1860 г., одновременно съ «Наканунѣ», въ «Русскомъ Вѣстнике», появилась въ 1 № «Современника» за этотъ годъ критическая статья или, какъ авторъ ее называлъ, «публичное чтеніе» *«Гамлетъ и Донъ-Кихотъ»*. Статья написана нѣсколько слишкомъ торжественнымъ слогомъ, но тѣмъ не менѣе содержитъ много интересныхъ мѣстъ. Вотъ напр. одно, характеризующее Донъ-Кихота.

«Вѣру прежде всего; вѣру въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину, однимъ словомъ, въ истину, находящуюся въ отдѣльного человѣка, не легко ему дающуюся, требующую служенія и жертвъ,—но доступную постолиству служенія и силѣ жертвы. Донъ-Кихотъ проникнуть весь преданностью къ идеалу, для которого онъ готовъ подвергаться всѣмъ

возможнымъ лишениямъ, жертвовать жизню; самую жизнь свою онъ цѣнить на столько, на сколько она можетъ служить средствомъ къ воплощенію идеала, къ возвращенію истины, справедливости на землѣ. Намъ скажутъ, что идеалъ этотъ почерпнутъ разстроеннымъ его воображеніемъ изъ фантастического міра рыцарскихъ романовъ; согласни—и въ этомъ-то состоитъ комическая сторона Донъ-Кихота; но самъ идеалъ остается во всей своей нетронутой чистотѣ. Жить для себя, заботиться о себѣ—Донъ-Кихотъ почель-бы постыднымъ. Онъ весь живетъ (если такъ можно выразиться) въ себѣ, для другихъ, для своихъ братьевъ, для истребленія зла, для противодѣйствія враждебнымъ человѣчеству силамъ—волшебникамъ-великанамъ—т. е. притѣснителямъ. Въ немъ иѣть и слѣда эгоизма, онъ не заботится о себѣ, онъ весь самопожертвованіе—оѣните это слово!—онъ вѣритъ, вѣритъ крѣпко и безъ оглядки.»

XVI.

Habent fata sua libelli! Это изрѣченіе всегда останется вѣрнымъ и никогда не потеряетъ своего значенія. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ. Вследствіе нѣкоторыхъ чисто субъективныхъ причинъ Тургеневъ въ 1847 году рѣшается бросить литературу. Написавши уже «Парамуш», «Андрея Колосова», «Бретера» и «Три портрета», онъ почему-то вообразилъ, что не созданъ для литературы, что у него слишкомъ мало средствъ для художественного воспроизведенія. Въ такомъ настроеніи духа онъ наталкивается на Панаева, которому нечѣмъ наполнить въ своеемъ журналь отдыль «Смыси». Тургеневъ, уступая просьбамъ издателя, отыскиваетъ у себя залежавшійся очеркъ и изъ этого послѣд资料а развивается одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній русской литературы послѣднихъ десятилѣтій — «Записки охотника». Совершенно

шомимо воли автора изъ вещи, которой онъ не придавалъ почти никакого значенія, выходитъ нѣчто въ родѣ грандознаго.

Прошло пятьнадцать лѣтъ. Изъ робкаго дебютанта Тургеневъ сдѣлался звѣздою первой величины, вся Россія съ упоенiemъ зачитывается каждою строчкою, выходящею изъ подъ его пера. Онъ самъ находится на вершинѣ своего творческаго таланта и въ продолженіи шести лѣтъ выпускаетъ въ свѣтъ «Рудина», «Асю», «Фауста», «Дворянское Гнѣзда», «Наканунѣ» и «Первую Любовь». Онъ внимательно слѣдить за происходящимъ въ русскомъ обществѣ и отъ умственного взора его не можетъ укрыться нарождающееся новое поколѣніе, нарождающіяся новые формы соціальныхъ отношеній. То, о существованіи котораго никто еще не догадывается, уже ясными очертаніями сложило свой образъ въ мысляхъ Тургенева и онъ проникается желаніемъ воспроизвести результатъ своихъ наблюдений въ формѣ беллетристического рассказа. Тонкая наблюдательность Тургенева настолько ушла впередъ, что когда онъ одному изъ своихъ друзей, человѣку очень умному и чуткому на «вѣянія» эпохи, сообщилъ планъ своей новой повѣсти («Отцы и Дѣти»), то получилъ отвѣтъ, повергшій его въ изумленіе: «Да вѣдь ты кажёться уже представилъ подобный типъ ... въ Рудинѣ». «Я промолчалъ, говорить Тургененъ; что было сказать? Рудинъ и Базаровъ—одинъ и тотъ-же типы!»

И такъ лучшіе, интеллигентнѣйшіе люди еще ничего не подозрѣвали объ умственной физіономіи своего времени. Общество русское находилось въ медовомъ мѣсяцѣ своего пробужденія, принципы еще не установились, желанія не оформлены, не специализировались. Всѣ только инстинктивно стремились къ чему-то «хорошему», весьма смутно рисовавшемуся въ восторженныхъ умахъ. Но никто не проникалъ въ сущность нового движенія, никто не понималъ всю глубину разлада, всю рѣзкость границы, отдѣлявшей старый строй отъ новаго.

Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла русское общество, и въ особенности молодое поколѣніе, должно было съ восторгомъ встрѣтить подведеніе своей умственной физиономіи подъ извѣстный типъ, оно должно было отдать дань удивленія проницательности своего лѣтописца и быть ему благодарнымъ за добросовѣстное исполненіе взятой на себя задачи. Но что-же вышло на самомъ дѣлѣ?

Всякое новое понятіе, въ особенности такое, которое чрезвычайно сильно разнится отъ установленного рутиной многихъ лѣтъ, прививается чрезвычайно трудно. И обратно, разъ вы себѣ привили это новое, разъ вы потратили таъ много усилий на его усвоеніе,—оно уже остановится для васъ чѣмъ-то незыблымъ, авторитетнымъ и вы готовы побивать каменьями всякаго, кто осмѣлится подкапывать подъ прочность его. Рутина мѣняетъ только дирекцію и подъ современнымъ костюмомъ бойко и самоувѣренno заявляетъ права на преобладаніе.

Все это какъ нельзя лучше примѣняется къ нашему обществу шестидесятыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ благопріятно сложившихся историческихъ условій, «день», наступленіе которого такъ озабоченно справлялся Добролюбовъ, разбирая «Наканунѣ», болѣе или менѣе началъ проявляться. Довѣрчиво глядѣли всѣ въ будущее, насылая его всевозможными благами и прелестями, нарисованными розовою фантазіею. Съ надеждою и упованіемъ русское общество глядѣло на «молодое поколѣніе» и было совершенно право. Для новыхъ формъ общественной жизни требовалась новые люди, для прочной постройки зданія будущаго требовалась силы, ничемъ не связанныя съ прошедшимъ, неоставившія въ «добромъ старомъ времени» никакихъ воспоминаній, которые въ малѣйшемъ удержали-бы ихъ отъ безпристрастной реорганизаціи соціального тѣла. И Тургеневъ былъ того мнѣнія, что только оторванное отъ прошлаго не нормального строя русской жизни поколѣніе могло явиться дѣятелями возрожденія. Еще въ «Наканунѣ» даже Берсеневъ и Шубинъ,

далеко ушедшіе отъ фразерствующихъ Рудиныхъ и распильватыхъ Лаврецкихъ, мало удовлетворяли его и онъ противопоставилъ имъ человѣка дѣла, человѣка энергичнаго и съ силой воли—Инсарова. Поэтому никого не должно удивлять, если онъ писалъ слѣдующее въ своемъ дневнике: «30-го юля. Воскресенье. Часа полтора тому назадъ я кончилъ наконецъ свой романъ... Не знаю, каковъ будетъ успѣхъ.—«Современникъ» вѣроятно обольетъ меня презрѣніемъ за Базарова—и не повѣрить, что во все времена писанія я чувствовалъ къ нему невольное влечение»...

Базаровъ, представитель молодаго поколѣнія, былъ дорогъ автору. При всемъ своемъ несогласіи со многими его воззрѣніями, Тургеневу все-же таки было пріятно констатировать исчезновеніе чахлой породы россійскихъ Гамлетовъ и замѣну ихъ здоровыми, крѣпкими фигурами. Онъ вполнѣ признаетъ законность преобладанія новыхъ людей и не рисуетъ ни одного «Отица», который въ малѣйшемъ навѣтъ читателя на мысль о томъ, что отцевъ дѣйствительно не слѣдуетъ сдать въ архивъ. Да и какъ могъ не радоваться Базарову Тургеневъ, тотъ самый Тургеневъ, который въ теченіи всего своего сознательнаго существованія съ тоскою смотрѣлъ на недостатокъ у насъ людей, который, еще создавая «Записки Охотника», имѣлъ весьма ясные идеалы желательнаго устройства русской жизни. Неужели онъ могъ дѣлать что нибудь иное, какъ не радоваться, когда наконецъ, идеалы его начинали осуществляться, изъ области фантазіи переходить въ дѣйствительность, облекаться мясомъ и костью. Неужели-же онъ могъ дѣлать что нибудь иное, какъ не рукоплескать реформаціонному движению, онъ, который въ разговорахъ съ Бѣлинскимъ двадцать лѣтъ до этого, страстию жаждалъ перемѣнъ. Тургеневъ, написавшій апофеозъ Рудина, заключительныя слова Лаврецкаго, создавшій Инсарова, неужели же онъ могъ быть «ретроградомъ», не привѣтствовать сердечную радость первые лучи восходящаго солнца, существующаго уничтожить прежній мракъ и вызвать къ жизни дремавшія силы. Всякій, знаяшій хотя въ

отдаленной степени Тургенева, должен быть еще до появления романа съ многозначительнымъ названіемъ «*Отцъ и Дѣти*» отвѣтъ на вышепоставленные вопросы трижды-кратнымъ энергическимъ: *нѣтъ!* Не предубѣжденный цѣнитель долженъ вывести тоже самое заключеніе по прочтенію «*Отцъ и Дѣти*» и ясно увидѣть, что симпатія Тургенева въ значительной степени принадлежать Базарову, потому что зачѣмъ же иначе было ему одарить послѣднаго такою импонирующею силой характера, зачѣмъ было придавать умирающему Базарову почти героический обликъ. Заграницыи критики поэтому никакъ не могутъ понять, отчего за Базарова Тургеневъ потерялъ одно время симпатіи молодаго русскаго поколѣнія. Вотъ что пишетъ одинъ нѣмецкій критикъ:

«Es bleibt fr den unbefangenen... Leser schlechthin unbegreiflich, wie sich gerade die radicale Jugend Russlands ber diesen geistigen Vertreter ihrer Richtung (Bazaroff), ihrer Ueberzeugungen und Bestrebungen, wie ihn T. zeichnete, in eine Wuth hinein erhitzen konte, die sie den Dichter gleichsam in die Achterklren und mit jeder Schmkung berhufen liess. Man sollte denken, jeder moderne Radikale knne nur mit froher Genugthung in einer so stolzen Gestalt, von solcher Wucht des Charaters, solcher grundlichen Freiheit von allem Kleinlichen, Trivialeu, Faulen, Schlaffen und Lgenhaften, sein und seiner parteigenossen typisches Portrait dargestellt sehn» ¹⁾.

¹⁾ То есть:

«Для непредубѣжденнаго... читателя остается совершенно непонятнымъ, какъ могла радикальная русская молодежь, по поводу подобнаго представителя убѣждений и стремлений, какими нарисовалъ Базарова Тургеневъ—войти въ такую яростъ, что подвергла сочинителя формальной опалѣ и осмыслала его всяческой бранью? Можно было скорѣе предположить, что всякий новѣйший радикаль съ чувствомъ радостнаго удовлетворенія признаетъ свой собственный портретъ, своихъ единомышленниковъ въ такомъ гордомъ образѣ, одаренномъ такою силой характера, и такой полной независимости отъ всего мелкаго, помпаго, вялаго и ложнаго».

Итакъ, казалось бы «Отцы и Дѣти» должны были имѣть огромный успѣхъ, русское общество должно было отдать дань удивленія силѣ таланта, съумѣвшаго уловить трудно поддающееся воспроизведенію эпохи. Но, *habent fata sua libelli*, говоримъ мы вторично. Базаровъ носилъ въ себѣ слѣды критического къ нему отношенія автора, а молодое, неувѣренное еще въ себѣ, поколѣніе, не окрѣпло еще на столько, чтобы спокойно перенести хотя малѣйшіе нападки. Все новое, не установившееся, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ своего существованія, пуще огня боится всякаго не ласковаго слова и въ этомъ обстоятельствѣ нужно видѣть причину странной судьбы «Отцевъ и Дѣтей».

Теперь, когда послѣ появленія знаменитаго романа прошло 13 лѣтъ, когда тогдашнія «дѣти» пріобрѣли извѣстнаго рода «солидность» и сами смотрѣть въ «отцы», слово «молодое поколѣніе» не носить уже того священнаго характера, вслѣдствіе котораго о немъ можно было говорить только въ восторженныхъ междометіяхъ. Поэтому, намъ кажется, мало кто изъ нашихъ читателей объявитъ насть виѣ закона, если мы заявимъ, что Базаровъ и даже Аркадій Кирсановъ—весьма вѣрные представители «нигилистовъ» шестидесятыхъ годовъ и притомъ экземпляры высшей пробы.

Разбирать подробно «Отцы и Дѣти» мы не намѣрены, такъ какъ объ нихъ буквально существуетъ цѣлая литература, а самыи романъ принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ. Снова поднимать ни къ чему не ведущій споръ о принципахъ, мы не видимъ никакой надобности, а потому постараемся лучше оправдать Тургенева отъ обвиненій въ желаніи оклеветать молодое поколѣніе не столько доводами, почерпнутыми изъ содерянія романа, сколько внѣшними, показывающими какъ далеко было отъ истины вышеприведенное подозрѣніе. Но отъ нѣкоторыхъ критическихъ соображеній мы не можемъ удержаться, такъ какъ они касаются одной стороны дѣла, мало затронутой многочисленными критиками.

Базаровъ носить на себѣ характеръ, чрезвычайно рѣзко расходящійся съ большинствомъ или даже со всѣми литературными типами какъ въ произведеніяхъ разбираемаго нами писателя, такъ и другихъ русскихъ беллетристовъ.

Всѣ героя двадцатыхъ, тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ принадлежать къ привилегированому сословію. Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, Чулкатуринъ, Руданъ, Лавредкій, даже Берсеневъ и Шубинъ, эти представители эпохи, непосредственно соприкасающейся съ «разсвѣтомъ» русской жизни,—всѣ были дворянскаго происхожденія и освобождены отъ ежедневной борьбы за существованіе. Прекраснодушіе, главнымъ образомъ выражавшееся въ эффектныхъ словахъ о человѣческомъ достоинствѣ, гуманности, и тому подобныхъ материалахъ важныхъ, болѣе всего подходило къ нравственно-хилому, изнѣженному поколѣнію нашихъ отцевъ, совершенно непривыкшему къ разумной дѣятельности. При наступлѣніи новаго времени потребовались очевидно новые люди, но большинство общества видѣло ихъ тамъ, гдѣ они могли оказаться не въ особенно большомъ числѣ.

Одинъ современный русскій писатель чрезвычайно остроумно и мѣтко назвалъ нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ «кающимися дворянами». Такое опредѣленіе какъ нельзя лучше подходитъ къ дѣятелямъ à la Аркадій Кирсановъ и вообще тѣмъ лицамъ, которыхъ полагали, что имъ стоило захотѣть, чтобы вполнѣ одемократизироваться и представлять собою *fine fleur* реформаціоннаго движенія. Они не вполнѣ сообразили, что для жизненности каждого направленія требуется, чтобы вы не думали при каждомъ своемъ болѣе или менѣе удовлетворительномъ поступиѣ «ахъ, какой я панинка, какъ это я хорошо сдѣлалъ». Герой не норма жизни и человѣчество осталось бы при такомъ порядкѣ безъ необходимости, потому что вѣдь въ самомъ дѣлѣ не богамъ же горшки обжигать. Слѣдовательно, «кающиеся дворяне» внесли свой дворянскій, привилегированный элементъ въ движение шести десятихъ годовъ и, становясь на ходули, придавали ему театральный оттенокъ. Никто не захотѣлъ идти въ простые

чернорабочие прогресса, всякому хотѣлось быть выдающимся дѣятелемъ. Вообще наши свѣжеспеченные нигилисты были лишены главного свойства прочности и устойчивости всякаго дѣла—естественности. Не въ силу принциповъ и ощущений, пронившихъ въ кровь и плоть, а чисто головнымъ путемъ, наши нигилисты были такими же искусственными отрицателями, какъ Рудины были искусственными гегелланцами. Измѣнилась только форма и нѣкоторыя детали.

Тургеневъ гораздо глубже винеъ въ сущность реформаціонного движения, истинный характеръ нового вліянія. Онъ понялъ, что новые дѣятели должны выйти изъ другой среды, нежели люди привилегированного сословія. При демократическомъ характерѣ «разсвѣта» только настоящіе, неэффективные демократы, должны были представлять его. Такимъ людямъ нечего увѣрять въ искренности своего демократизма: въ этомъ никто не сомнѣвается. Слѣдовательно силы ихъ и способности уйдутъ не на рисовку и не на позированіе, не на прекрасные разговоры о прекрасныхъ вещахъ, а на дѣло, то животрепещущее дѣло, которое вытекаетъ изъ потребности трудами собственныхъ рукъ добыть средства въ существованію. Киснуть въ сладкомъ томленіи или, наоборотъ, не вѣра самому себѣ, увѣрять другихъ, что намъ наплевать на все—человѣку занятому некогда, и потому Тургеневъ обнаружилъ громадный художественный таѣтъ и историческое пониманіе нарождающейся эпохи тѣмъ, что героеемъ своего романа взялъ небарика. Онъ настолько хорошо уяснилъ себѣ всю глубокую разницу старого и нового порядка вещей, что представителемъ «дѣтей» избралъ человѣка изъ «народа», если и не въ буквальномъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ воспитанного въ средѣ, мало имѣющей общаго съ такой Окѣгинахъ и Рудинахъ.

«Виновникъ всего горя (Базаровъ) взобрался на таѣгу, закурилъ сигару, и когда на четвертой verstѣ, при поворотѣ дороги, въ послѣдний разъ предсталъ его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только склонулъ и, пробормотавъ: «Барочки прохладные», плотнѣ завернулся въ шинель.

Базаровъ одинъ изъ первыхъ литературныхъ типовъ «не благороднаго» происхождения и неудивительно, что критики, тоже большою частью изъ кающихся дворянъ, не сразу уяснили себѣ его характеръ и должно его понали. Безхарактерная порода Рудинъхъ, отживавшая свою историческую роль, на столько была не похожа на Базарова, что послѣдній ей показался чѣмъ-то невозможнымъ, продуктомъ нездровой и — главное — «неблагонамѣренной» въ либеральномъ смыслѣ авторской фантазіи Тургенева. Люди, израсходовавшиe себя на прекрасноговореніе, на мелкій анализъ своихъ дранихъ фигуръ, на дилетантизмъ, отымающей обломовщиковъ, эти люди вдругъ лицемъ въ лицу сталкиваются съ разночинцемъ, который даже ихъ любимое бѣлообразное верченье на колесѣ нѣмецкой философіи отвергаетъ и весьма насмѣшливо приглашаетъ излѣнившихъ гамлетовъ заняться дѣломъ. Какъ не всполошиться, какъ не постараться успокоить свою совѣсть предположеніемъ, что авторъ несовсѣмъ въ унисонъ дѣйствуетъ съ дѣйствительностью, какъ не утверждать, чтобы окончательно уничтожить безпокойный призракъ, что авторъ даже поступалъ своимъ романомъ граждански-нечестно.

Тургенева обвинили въ клеветѣ, хотя гораздо логичнѣе было бы обвиненіе въ идеализациі. Ну, чего больше нужно было расходившимся гамлетамъ россійскимъ? Базаровъ заставляетъ всѣхъ поклоняться себѣ, совсѣмъ объ этомъ не стараясь, у него слово не расходится съ дѣломъ, онъ не хнычетъ на свою судьбу, какъ это дѣлаютъ всѣ безхарактерные люди, онъ наконецъ съ римскимъ спокойствіемъ умираетъ. Что еще остается? Удивляйтесь ему, старайтесь подражать энергіи его и выдержкѣ, а не кричите, что Базаровъ карикатура.

Въ рѣзкости героя «Отцевъ и Дѣтей» увидѣли какую-то необыкновенную душевную огрубѣлость, въ его отрицаніи искусства — какую-то необыкновенную черствость, а между тѣмъ черезъ два, три года на страницахъ «Русскаго Слова» авторъ «Нерѣщенаго вопроса» пошелъ гораздо дальше Базарова и въ томъ-же журналѣ Лермонтова обозвали поэтомъ

чахоточныхъ барышень и съ грязью смѣшили великую тѣнь Пушкина.

Какъ нелогичны и странны должны казаться обвиненія въ утрировкѣ базаровской рѣзкости, если вспомнить, что «Наканунѣ» отдѣляется отъ «Отцевъ и Дѣтей» всего двумя годами. Въ «Наканунѣ» никто не вздумалъ придираться къ Шубину, а между тѣмъ онъ отпускаетъ разныя истины въ такой формѣ, которая очень недалека отъ базаровщины. Когда Шубинъ мать Елены, свою благодѣтельницу, обозвалъ курицей,—никто въ этомъ не увидѣлъ намѣренія уличить юродостающее поколѣніе въ «неуваженіи къ старшимъ». Никто не напалъ на Тургенева за вложенную въ уста Шубина рѣзкую характеристику «гамлетиковъ, мелозги, палокъ барабаныхъ» сороковыхъ годовъ, а когда Базаровъ обругалъ тѣхъ-же людей «романтиками», а ихъ убѣжденія «вздоромъ», всѣ хоромъ закричали «Тургеневъ пересолилъ, онъ хотѣлъ оплевать молодое поколѣніе».

Базаровъ до такой степени сбилъ съ толку нашихъ гамлетствующихъ и рудинствующихъ либераловъ, что они не обратили вниманіе на то обстоятельство, что многія сентенціи и мысли косматаго нигилиста совсѣмъ не въ первый разъ появляются у Тургенева. Пигасовъ въ «Рудинѣ» въ два раза рѣзче Базарова, а за многими его словами чувствуется спрятавшійся за нихъ авторъ. Уже въ первой части нашего этюда мы указали на то, что еще Бѣлинскій замѣтилъ въ нашемъ беллетристѣ стремлѣніе къ рѣзкимъ, рельефнымъ опредѣленіямъ. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ онъ сказалъ: «Тургеневъ врагъ всего неопределенаго». Ничего удивительнаго въ томъ, что съ течениемъ времени вражда эта увеличилась. Тургеневъ въ своемъ развитіи всегда шелъ параллельно своему времени. Слѣдовательно, если уже въ то время, когда все мыѣло въ неопределенныхъ чувствіяхъ, и въ самой неопределенности видѣло, что то определенное, если еще тогда Тургеневъ вызвалъ вышеупомянутую характеристику Бѣлинскаго, то понятно, что стремленіе русской мысли въ

болѣе оформленному и стройному міросозерцанію не могло оставить за собой автора «Записокъ Охотника».

Отъ всей души онъ порадовался, увидѣвъ наконецъ, что единичное чувство его дѣлается общимъ достояніемъ новаго поколѣнія, что проходитъ пора безылодной исключительно мозговой дѣятельности, что міровоззрѣніе русскаго общества круто обрывается съ прошедшими и вступаетъ въ новый фазисъ положительности. Что такія рѣзкія перемѣны не бываютъ безъ шероховатостей, что многое неосновательного будетъ удѣломъ и новаго направленія, ибо *errare humanum est*—въ этомъ Тургеневъ не сомнѣвался, и потому не все въ Базаровѣ безусловно хорошо и мощная фигура его обнаруживаетъ свою ахиллесову пяту. Но утверждать, что «умысль другой тутъ былъ», могли люди совершенно незнакомые съ умственnoю физіономіeю автора «Рудина» и «Наканунѣ». Въ своихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ говоритъ, что за исключеніемъ взглядовъ Базарова на искусство, онъ во всемъ съ нимъ согласенъ. И мы должны этому вѣрить: болѣе всего Тургеневъ ненавидитъ пошлость, филистерство, и гамлетство Щигровскаго уѣзда. А эта же нелюбовь къ перечисленнымъ свойствамъ—есть квинтъ-эссенція базаровскаго типа. Слѣдовательно помимо того довѣрія, которое мы обязаны питать въ словамъ всякаго честнаго писателя, въ справедливости этого увѣренія настъ убѣждаетъ основательное знакомство съ направлениемъ всей вообще литературной дѣятельности Тургенева.

Въ пользу истинности того-же увѣренія говорить также то, что оно появилось въ свѣтѣ въ 1869 г., когда значительно улеглось броженіе шестидесятыхъ годовъ, когда базаровщина перестала быть «злобой дня», а самъ авторъ «Отецъ и Дѣтей» почти совершенно стала выходить изъ временной опали, совсѣмъ безъ всякихъ попытокъ съ своей стороны, а просто въ силу вещей. Если Тургеневъ снова поднялъ забытый вопросъ, то единствено съ цѣлью выставить дѣло со всѣхъ сторонъ и разъ на всегда положить конецъ всякаго рода предположеніямъ и инсинуаціямъ, обильно-

посыпавшихся на него, благодаря миному его союзу съ московскими отцами отечества.

Типъ Базарова, какъ известно, былъ различно понять. Только что послѣ напечатанія «Отцевъ и Дѣтей», въ февральской книжкѣ (1862 г.) «Русскаго Вѣстника».

«Современникъ» въ лицѣ своего исполняющаго послѣ смерти Добролюбова должнотъ критика г. Антоновича обрушился съ г҃юно у рта на Тургенева. Для достиженія наивозможнаго - большаго эффекта г. критикомъ были пущены въ ходъ всевозможныи ухищренія и софизмы, онъ не пренебрѣгъ даже такимъ не литературнымъ средствомъ, какъ перевирание текста и приписываніе автору словъ, имъ никогда не сказанныхъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить смѣсь завѣдомо не искреннихъ разсужденій, инсинацій и даже простой лжи, въ совокупности своей представляющихъ суть статьи г. Антоновича, нужно было бы ее привести цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что очень многіе по всей вѣроятности ее не читали. Къ сожалѣнію исполнить это довольно трудно, и потому о пресловутомъ «Асмодѣе нашего времени» (такъ называлась статья г. Антоновича) намъ приходится говорить только вскользь. Казалось-бы попытка г. Антоновича бросить грязью въ Тургенева должна была кончиться только тѣмъ, что нападающій самъ-бы въ ней выпачкался и представить-бы наглядную иллюстрацію къ известной крыловской баснѣ. На самомъ-же дѣлѣ вышло нѣсколько иначе. «Асмодей» былъ напечатанъ въ журналѣ, окруженному самыми обширными симпатіями, и этого было достаточно, чтобы взгляды критика нашли массу сочувствующихъ. Русскій человѣкъ вообще, русскій журнальный читатель въ частности, у когонибудь въ крѣпостной зависимости непремѣнно долженъ быть. Всѣ его теоріи и вѣянія имѣютъ рабскій характеръ, а принципъ всегда возводится въ догматъ. Авторитетовъ у насъ нѣть: либо мазуринъ, либо богъ. У европейцевъ говорятъ: ученый Дарвинъ и его противникъ Катрфажъ. У насъ - же: Святой

Дарвина и ракалья Катрафажъ. И относительно своихъ доморощенныхъ свѣтиль у насть такая же тактика. Напечатана вещь въ «Современникѣ» значить она превосходна, а главное либеральна, въ «Русскомъ Вѣстнике» — значить дрянь и катковщина. До уразумѣнія сущности у насть ви кто не доходитъ, да оно и легче такъ. Журнальная фирма избавляетъ не любящаго думать россійскаго человѣка отъ утомительной мозговой работы и сразу направляютъ его симпатіи въ извѣстную сторону.

Совершенно иначе, чѣмъ «Современникъ», понялъ Базарова Писаревъ. Онъ очень откровенно сознался, что герой «Отцевъ и Дѣтей» ему нравится. Не желая вилять хвостомъ, увлекающейся, но всегда честный и добросовѣстный, онъ ничуть не отрекся отъ тургеневскаго героя, и причины подобнаго своего взгляда разыяснилъ въ обширной статьѣ, «Нерѣшенный вопросъ», надѣлавшей въ свое время большей шумъ, какъ своего рода философская программа молодаго поколѣнія. Но въ увлечениіи склоненъ былъ реализмомъ, Писаревъ совершенно упустилъ изъ виду дѣйствительного Базарова, т. е. того, котораго авторъ представилъ: онъ выдумалъ своего Базарова, которому и приписывалъ мнѣнія и чувства, ничуть не вытекающія изъ основнаго характера героя «Отцевъ и Дѣтей». Но какъ бы то ни было заступничество Писарева не совсѣмъ спасло Тургенева. Значительная часть «молодаго поколѣнія» предала его анафемѣ и исключила изъ числа предметовъ своего поклоненія. Настроеніе это проникло и въ литературу. Авторъ «Записокъ Охотника» многими, даже печатно, былъ приравниваемъ г. Стебницкому, «съ позволеніемъ сказать» г. Клюшникову, даже г. Авенаріусу, автору пріобрѣвшаго печальную извѣстность «Повѣтря». Обвиненія, сыпавшіяся на Тургенева, имѣли совершенный характеръ эпидемическаго явленія: одинъ сказалъ, другіе подхватывали, не размыслия о томъ, что говорили, и попада писать безтолочь россійской. Никто не разсудилъ, что не народился еще тотъ лексикографъ, который слово «клевета» станетъ опредѣлять такъ, что въ составъ ея войдетъ опо-

этанизированіе личности оклеветаннаго. Никому и въ умъ не приходило, что, напротивъ того, клеветники суть тѣ, которые имѣли смѣость утверждать, что Тургеневъ, желая отомстить Добролюбову (за что, никто не задавалъ собѣ вопроса), взялъ и окарикатурилъ его въ Базаровѣ, никого не пробрала дрожь негодованія, никто печатно этого не выразилъ, когда г. Антоновичъ, въ своей беззастѣничности дошелъ до того, что въ высоко-поэтической картинѣ свиданія умирающаго Базарова съ Одинцовой, къ словамъ его: «Великодушная! — охъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая.... въ этой гадкой комнатѣ» прибавилъ слѣдующій комментарій: «Читатель ясно видѣть, какой гадкий смыслъ заключается въ его словахъ». Не вѣрится, но фактъ тотъ, что подчеркнутыя слова были напечатаны въ журналѣ, всѣми уважаемомъ и не нашлись люди, которые предали-бы критика всеобщему по-зору, которые показали ему, насколько онъ самъ возбуждаетъ отвращеніе своими грязными подозрѣніями, направленными къ оскверненію такого возвышенного эпизода.

«Авторъ до того золъ на своего героя, что не хочетъ простить его и примириться съ нимъ даже передъ смертью, въ ту, выражаясь ораторски, священную минуту, когда герой одной ногой стоять уже на краю гроба».

Эту колоссальную неправду г. Антоновичъ изрекъ о великолѣпной и возвышающей сценѣ смерти Базарова, въ которой авторъ придалъ ему положительно римскій обликъ и окружилъ ореоломъ героя. Дальше критическая недобросовѣтность не можетъ уже идти, ибо переходить въ область передергиванія.

«Отцы и Дѣти» были причиной нѣкотораго рода охлажденія русской публики къ Тургеневу, но въ тоже время они показали всю громадность его авторитета въ русскомъ обществѣ. Ни одно произведеніе русской литературы не было предметомъ такого всеобщаго оживленнаго вниманія какъ «Отцы и Дѣти». Можно сказать безъ преувеличенія, что вся

грамотная Россия прочла знаменитый романъ. Въ февралѣ 1862 г. «Отцы и Дѣти» появился въ «Русскомъ Вѣстнике», а уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выдуманная Тургеневымъ кличка «нигилистъ» съ почти невѣроятною для литературнаго типа быстротою сдѣлалась нарицательной и правильно или неправильно стала синонимомъ молодаго поколѣнія. Самое заглавіе «Отцы и Дѣти» тоже вошло въ ежедневный лексиконъ и употреблялась безъ вспоминанія каждый разъ тургеневскаго романа, — честь, которой удостоились въ русской литературѣ и то послѣ долгихъ лѣтъ только нѣкоторыя изрѣченія изъ «Горе отъ Ума» и Крыловскихъ басенъ.

Какъ всякая вещь, проникающая въ массы, «Отцы и Дѣти» не менѣе странно чѣмъ въ журналистику были прияты въ обществѣ. Въ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» Тургеневъ разсказываетъ, что пріѣхавши лѣтомъ 1862 г. въ Петербургъ, онъ былъ совершенно озадаченъ отношеніемъ къ своей особѣ лицъ, съ политическими взглядами которыхъ онъ имѣлъ весьма мало общаго. Люди, которымъ онъ всего менѣе могъ симпатизировать встрѣчали его съ отверзтими объятіями какъ союзника въ дѣлѣ уничтоженія «вредныхъ» идей. Нравственная брезгливость Тургенева понятно была возмущена подобного рода пониманіемъ его честнаго отношенія къ молодому поколѣнію. Настроеніе это еще болѣе увеличилось послѣ того, какъ нашъ романистъ съ грустью увидѣлъ, что люди, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ, отворачивались отъ него и считали симпатіи къ Тургеневу извѣстнаго лагеря вполнѣ справедливыми. Кому изъ нихъ вѣрить — Тургеневъ не могъ знать, такъ какъ путаница взглядовъ на «Отцы и Дѣти» достигло невозможныхъ размѣровъ: г. Антоновичъ неприлично ругался, Писаревъ восторгался, часть «Отцевъ» была довольна, а г. Катковъ пишетъ Тургеневу письмо, гдѣ обвиняетъ его въ поклоненіи Базарову. «Вы пресмыкаетесь предъ молодымъ поколѣніемъ» пишетъ ему одинъ; «вы плюете на него» говорятъ другіе, «вы сами нигилисты» утверждаютъ одни его знакомые; «вы ретрогадъ» негодуютъ другіе. Весь этотъ хаосъ завершаетъ одна «остроумная по словамъ Тургенева

дама, объясняющая ему, что онъ ни «Отцевъ» ни «Дѣтей» не выставилъ.

Въ настоящее время довольно трудно понять причины, породившія эту путаницу, но если взглянуть на нее съ исторической точки зрењія, то дѣло объяснится очень просто: «Отцевъ и Дѣтей» постигла участь подобная той, которую испытываетъ всякое понятіе, опередившее современную ему эпоху. Есть понятія, которыхъ по новизнѣ своей навлекаютъ гибель, на людей, впервые ихъ высказывающихъ. Такихъ людей потомство впослѣдствіи вознаграждаетъ прозваніемъ геніевъ. Тургеневъ не геній и за свои мысли гоненію не подвергался, но какъ первоклассному таланту и ему при создании типа Базарова удалось на нѣсколько лѣтъ предвосхитить у общественной мысли формулированіе умственной фізіономіи нового поколѣнія и вотъ почему рутинѣ и недомыслѣ подъ разными видами набиаулись на него и обвинили въ искаженіи дѣйствительности. Видѣсто сентиментальничанія съ «нашимъ временемъ, когда», Тургеневъ показалъ трезвую правду, вотъ почему неопериившееся движение швырнуло въ него камнемъ и думало при этомъ, что оно совершенно право. За то теперь, когда русская публика изъ романовъ другихъ корифеевъ русской литературы — Писемского и Гончарова, и второстепенныхъ талантовъ, каковы гг. Стебницкій и Вс. Крестовскій видѣли, что значитъ выставить молодое поколѣніе въ неблагопріятномъ свѣтѣ — прежняя холодность къ автору «Отцевъ и дѣтей» совершенно исчезла и замѣнилась удивленіемъ къ тонкому художественному чутью Тургенева, сразу уловившему крупныя черты нового движенія.

Въ первой части нашего труда мы сказали, что при разборѣ «Отцевъ и Дѣтей» имѣли подъ рукой матеріальь, которыми рецензенты еще не пользовались. Слова наши имѣютъ двоякій смыслъ. Во первыхъ мы этимъ намекали на то, что многочисленные критики «Отцевъ и Дѣтей» не имѣли предъ собой «Литературныхъ воспоминаній», которыхъ въ значитель-

ной степени помогаютъ стать на настоящую точку зре́нія. Но кромѣ того, у насъ былъ еще одинъ источникъ, выясняющій чувства Тургенева какъ къ «отцамъ», такъ и къ «дѣтямъ». Источникъ этотъ—оттискъ «Отцевъ и Дѣтей» изъ «Русскаго Вѣстника» съ тѣми возстановленіями первоначального текста, измѣнить который г. Катковъ почему-то считалъ себя въ правѣ. Поправки на поляхъ оттиска сдѣланы рукой самого Ивана Сергеевича, а самъ оттискъ подаренъ Петербургской публичной Библіотекѣ, где мы имъ и воспользовались, благодаря любезности г. Директора ея.

Новый материалъ совершенно не важенъ въ художественномъ отношеніи, такъ какъ въ немъ измѣнены только отдельные слова и фразы, но какъ материалъ для сужденія, какъ авторъ относился къ действующимъ лицамъ романа, онъ представляетъ иѣкоторый интересъ. Г. Антоновичъ напр. увѣряетъ, что Тургеневъ такъ золь на Базарова, что даже заставляетъ его проигрывать въ карты отцу Алексѣю. Къ Павлу-же Кирсанову, по словамъ того-же критика, авторъ питаетъ самою нелѣчимѣрною любовью. Посмотримъ на сколько наши выписки оправдываютъ слова г. критика. При этомъ заранѣе просимъ извиненія у читателя за мелочность многихъ поправокъ Тургенева, но противъ мелочей нужно сражаться такимъ-же оружиемъ.

Стр. 516. Я эфтиль хочу доказать, милостивый государь (Павель Петровичъ, когда сердился, съ нетерпѣніемъ (новое: съ намѣреніемъ) говорилъ: эфтиль и эфто, хотя очень хорошо зналъ, что подобныхъ словъ грамматика не допускаетъ).

Еще разъ повторяемъ и сами отлично сознаемъ, что отъ замѣна слова нетерпѣніе словомъ: намѣреніе не важно, но вѣдь часто въ мелочахъ сказывается общій строй извѣстнаго характера. По этому читатель, надѣемся, изъ дальнѣйшихъ нѣсколькихъ выписокъ убѣдиться, насколько г. Антоновичу будетъ полезно ихъ читать.

Стр. 501. Правда, говоря съ ними (крестьянами), онъ (Павель Петровичъ) морщится и вюхаетъ одеколонъ (новое):....

Стр. 579. — Вотъ тебѣ на! Презабавный стариашка (новое: и добрышай) прибавилъ Базаровъ, какъ только Василий Ивановичъ вышелъ.

Стр. 611. Павелъ Петровичъ показался, слегка поклонился и, проговоривъ съ какою-то забавною унылостью: «вы здѣсь» — удалился (новое: вместо «забавно» — злобно).

Стр. 647. Часто тупыя его (Базарова) выходки (новое: иноуда тупыя).

Мы не станемъ утомлять вниманіе читателей дальнѣйшими цитатами, остальные всѣ въ томъ-же родѣ. Но уже самый фактъ, что Тургеневъ счель нужнымъ сдѣлать эти поправки, а вышеназванный экземпляръ подарить публичному книгохранилищу — много говорить въ пользу искренности намѣреній автора «Отцевъ и Дѣтей».

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно важное замѣчаніе: отискъ поступилъ въ публичную Библіотеку въ 1872 г., но поправки сдѣланы въ 1864 году; значитъ въ разгарѣ самыхъ гнусныхъ обвиненій противъ Тургенева.

XVII.

«Отцами и Дѣтьми» завершается самый блестящій періодъ дѣятельности Тургенева. Послѣ нихъ съ 1862 по 1875 г. нашъ романистъ написалъ всего одну крупную вещь — «Дымъ», но за то много второстепенныхъ, которыхъ въ значительной степени вредятъ «тоталитету» извѣстности, какъ выражался Бѣлинский. Если тѣмъ не менѣе слава Тургенева не только не уменьшилась за это время, но даже окрѣпла, то только благодаря тому, что дѣятельность его за предѣлами шесть лѣтъ съ 1856 по 1862 г. была чрезвычайно плодовита, и это искупало послѣдующій роздыхъ.

Въ теченіи 1863 г. Тургеневъ ничего не напечаталъ. Слухи однако-же носились, что онъ готовить что-то круп-

ное. Такъ напр., «Петерб. Вѣдом.», въ январѣ 1863 г. писали: «Носатся слухи о новомъ произведении г. Тургенева, которое появится въ «Времени». Мы съ своей стороны, надѣемся въ скоромъ времени предложить читателямъ статью г. Тургенева «О Пушкинѣ». Статья «О Пушкинѣ» въ печати не появилась еще до сихъ поръ, но если мы не ошибаемся, то часть ея вошла въ «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», какъ отрывокъ изъ публичной лекціи о Пушкинѣ. «Новое же произведеніе», о которомъ толковали «Петерб. Вѣд.», были «Призраки», напечатанные въ 1 и 2 № «Эпохи» 1864 г., смѣнившей «Время».

«Призраки» названы авторомъ «фантазіею», но, признаюсь, мы въ нихъ находимъ мало фантастического. Они носятъ на себѣ характеръ какой-то дѣланности и производятъ очень мало иллюзіи, а это есть главная цѣль всякаго рассказа, разсчитывающаго хотя на время перенести читателя въ реального міра. Вы ни разу не содрогаетесь при чтеніи «Призраковъ», не то что при рассказахъ Гофмана или Эдгара Поэ, не смотря на всю невѣроятность сюжета производящихъ большое впечатлѣніе. По всей вѣроятности малый эффектъ «Призраковъ» происходитъ оттого, что въ нихъ слишкомъ перемѣшано фантастическое съ нефантастическимъ: тутъ есть и сказочная Эллісъ, и обличенія наполеоновскаго цезаризма, картины возставшихъ изъ гроба римскихъ легионовъ и опять обличеніе барышни, зачитывающейся современнымъ Ювеналомъ, однимъ словомъ все какъ-то слишкомъ беспорядно свалено въ одну кучу и носить отпечатокъ какой-то небрежности. Даже нѣсколько хорошихъ картинъ природы не искупаютъ общей вѣлости. Все вообще какъ будто сочинено авторомъ искусственнымъ возбужденіемъ своей фантазіи, но не свободнымъ и естественнымъ ея обнаруженіемъ.

«Призраки» почему-то подали нѣкоторымъ органамъ печати поводъ предполагать, что ими Тургеневъ желаетъ закончить свое литературное поприще. «Если это такъ, говорила одна газета, — онъ разстается съ публикою далеко до

утраты къ нему ея сочувствія, симпатіи, интереса». Тургеневъ однако же, какъ видно, не совсѣмъ еще рѣшился разстаться на 46 году съ писательской карьерой и еще въ томъ-же 1864 г. «Сѣв. Почта» писала: «Нашъ даровитый писатель И. С. Тургеневъ, въ настоящее время живущій въ Парижѣ, написалъ новую вещь, подъ названіемъ «Собака». Говорятъ, что И. С. Тургеневъ предполагаетъ написать цѣлый рядъ юмористическихъ очерковъ, подобныхъ «Собакѣ». Читавшіе новое произведеніе г. Тургенева утверждаютъ, что это вещь прелестная, хотя и не изъ капитальныхъ произведеній автора. Въ петербургской корреспонденціи газеты «Nord» сообщаютъ, что «Собака» будетъ напечатана въ «Русскомъ Вѣстнике» въ началѣ будущаго года». Обсужденная «Собака» появилась въ фельетонѣ «Петербург. Вѣд.» (№ 85) за 1865 г., но далеко не соответствовала славѣ, которая ей предшествовала. Это одна изъ неудавшихся венцей Тургенева. Какъ сказка—она не интересна, какъ фактъ — невѣроятна, наконецъ какъ иронія—не достигаетъ цѣли. Г. Суворинъ, слышавшій «Собаку» въ чтеніи самаго Тургенева—увѣряетъ, впрочемъ, что она очень понравилась слушавшимъ талантливую, живую передачу разсказа самимъ авторомъ Г. Суворинъ утверждаетъ, что авторъ самою интонациєю, жестами выражалъ комический страхъ помѣщика, фигурирующаго въ «Собакѣ», что очень забавляло слушателей. Въ чтеніи разумѣется такие аксессуары пропадаютъ, и «Собака» возбуждаетъ только недоумѣніе, зачѣмъ Тургеневъ напечаталъ такую слабую вещь.

Въ томъ-же 1865 г. Тургеневъ написалъ для Карлсруэскаго изданія своихъ сочиненій очеркъ «Довольно». Мы говоримъ «очеркъ», хотя такой эпитетъ совсѣмъ не заслуженъ «Довольно». Но мы право затрудняемся прибрать для него название. Бульварно выражаясь, это—«Богъ знаетъ, что такое». Не знаемъ, какъ другіе понимаютъ «Довольно»; но что касается автора настоящаго этюда, онъ прямо признается, что совершенно не понимаетъ загадочный «очеркъ». Это какой-то беспорядочный сумбуръ, наборъ словъ, ничѣмъ

между собою не связанныхъ, скорѣе похожій на бредъ, нежели на литературное произведение. Можетъ быть причина лежитъ тутъ въ томъ, что «Довольно» состоить только изъ средины: начальная главы замѣнены точками, а конечная гамлетовскими: «The rest is si lemt» и опять точками. Но зачѣмъ печатать одну средину?

Заглавиемъ своимъ «Довольно» подало поводъ къ вторичному предположенію, что имъ завершится литературная карьера Тургенева, но и на этотъ разъ нашъ беллетристъ не захотѣлъ такъ рано разстаться со своею дѣятельностью. Въ ноябрѣ 1866 г. вышли «Волшебныя сказки» Перро, переведенные Тургеневымъ съ французскаго, изданныя г. Вольфомъ съ рисунками Дорэ и посвященные Государыѣ Императрицѣ. Наконецъ въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1867 г. появился «Дымъ».

На предыдущихъ страницахъ, при разборѣ главныхъ произведеній Тургенева, почти все вышедшее изъ подъ пера знаменитаго мыслителя-беллетриста находило въ авторѣ на стоящаго этюда горячаго защитника. Удачно или неудачно, (объ этомъ судить не намъ), мы старались указать на высоту творческаго анализа автора «Записокъ Охотника», на тонкій художественный тактъ его, умѣющій распознавать существенное отъ второстепеннаго, на безпристрастное, чуждое всякихъ субъективныхъ побужденій, отношеніе къ общественнымъ вопросамъ и явленіямъ русской жизни. Даже въ наиболѣе «*angefeindeten*», какъ нѣмцы выражаются, произведеніи Тургенева въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» мы постарались обнаружить талантъ автора достойный своего славнаго прошедшаго и гражданскую честность не измѣнившую тому своему возмѣщенному уровню, который послужилъ исходнымъ пунктомъ «Записокъ Охотника». Не врываясь даже въ частную жизнь, мы желали убѣдить читателей въ нашей правѣ составить себѣ болѣе или менѣе хорошее представление о Тургеневѣ, такъ какъ выносимы изъ его произведеній

впечатлѣніе продукта думъ человѣка, горячо преданного истиннымъ интересамъ своей страны, отбросившаго всякихъ эгоистическихъ побужденій при изображеніи происходящаго вокругъ него, не накидывающагося злорадно на новыя явленія жизни, изъ за то, что послѣднія стараются отодвинуть на второй планъ прежнихъ дѣятелей. Мы горячо полемизировали противъ критиковъ, которые въ своей тенденціозной близорукости дошли до обвиненія Тургенева въ гнусномъ желаніи оклеветать по личной злобѣ, представителя нового вѣянія, обнаружившагося въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, мы говорили, что подобное обвиженіе, помимо не литературного характера своего, глубоко расходится съ нравственностью физіономію друга Бѣлинскаго и ревностнаго протестанта противъ крѣпостнаго права. Ссылаясь на прежнюю дѣятельность Тургенева, мы утверждали, что только изучившій ее самимъ поверхностнымъ образомъ, могъ его обвинить въ какихъ-бы то ни было поползновеніяхъ, не истекающихъ прямо изъ ясно сознанныхъ нравственныхъ принциповъ. Но теперь намъ приходится повести рѣчь о такомъ сочиненіи разбираемаго въ этомъ этюдѣ автора, изъ котораго намъ, къ сожалѣнію, приходится разорвать хорошия съ нимъ сношенія и болѣе или менѣе сурово отнестись къ любимому бытописателю русской жизни. Если нравственная личность Тургенева не пострадаетъ при этомъ, то за то въ умственной обнаружатся нѣкоторые недостатки, являющіеся слѣдствиемъ отчужденности автора отъ изображаемой имъ среды.

Мы уже не разъ указывали на ту особенность Тургеневскаго таланта, что ему удаются главнымъ образомъ «изложнія» проявленія русской жизни, что сила его и значеніе состоять въ первоклассномъ умѣніи подмѣщать и разлагать на ясные элементы сложнаго чувствованія, въ совокупности своей не производящихъ яснаго представленія. Уловить характеръ цѣлой эпохи, произвести психологический анализъ запутаннаго положенія, наконецъ внушить симпатіи къ безвыходнымъ положеніямъ, въ этомъ Тургеневъ не имѣть себѣ

соперниковъ, и вполнѣ заслуживаетъ свою необыкновенную популярность. Если на ряду съ поименованными качествами въ «Наканунѣ» и «Отцахъ и Дѣтяхъ» намъ придется констатировать рѣзкій юморъ автора, то не нужно забывать, что юморъ этотъ при всей своей виѣшней рѣзкости, не обуславливаетъ такого-же внутренняго характера. И наконецъ юморъ и рѣзкость Шубина и Тургенева направлены на такія огромныя области духа, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приравнены къ обыденному смѣху и глумленію. Насмѣшки Шубина и Базарова болѣе или менѣе подходятъ къ мефистофелевскому разряду и потому не удивительно, если они удались автору, главная сила котораго состоитъ въ тонкости всего имъ воспроизведенаго. Но мелкія проявленія отрицательныхъ сторонъ жизни не подходятъ подъ общій складъ дарованія нашего писателя. Предположивъ даже, что онъ не лишенъ способности вѣрно и мѣтко схватить грошловья обнаруженія дѣйствительности, мы тѣмъ не менѣе настойчиво утверждаемъ, что не въ этомъ сильная сторона таланта Тургенева. Мы готовы согласиться, что шероховатости, смѣшныя стороны могутъ быть очень удачно уловлены Тургеневымъ. Но развѣ для этого нужно быть Тургеневымъ? Развѣ нужно обладать особымъ даромъ, чтобы воспроизвести и безъ того бросающееся въ глаза, и безъ того достаточно яркое, чтобы не пройти не замѣченнымъ.

Жизнь настолько разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, настолько различнымъ образомъ выходитъ наружу, что вызвала цѣлый легионъ писателей, обрабатывающихъ темы, изъ нихъ взятныя. Всякій, смотря по степени своего дарованія и развитія, выбираетъ себѣ большую или меньшую область для художественного воспроизведенія. Всѣ они также, сообразно своимъ дарованіямъ, распадаются на различные категоріи. Есть геніи, первоклассные таланты, второстепенные дарованія и такъ далѣе до авторовъ «картиновъ съ натуры», гдѣ нибудь въ «Петербургскомъ Листѣ» или «Петербургской Газетѣ». Всѣ они отличаются другъ отъ друга широтою міросозерцанія, болѣе или менѣе постоянно гармонирующаго со

степенью авторской способности. Поэтому если вы въ «маленькой» прессѣ читаете повѣсть съ «маленькимъ» сюжетомъ, въ родѣ того, какъ чиновникъ Коркинъ пьянъ напился, а потомъ супруга его волотила, то вы ничуть на такую мелкость не претендуете, разсуждая вполнѣ вѣрно, что по кораблю и плаваніе. Когда же вы только что удовлетворившись скромнымъ дарованыицемъ сотрудника «Пет. Листка», переходите къ чтенію вѣщи, подъ которой красуется подпись Тургенева, вы сразу-же откидываете въ сторону свое добродушіе и мѣняете методъ измѣреиа достоинствъ новаго для васъ произведенія. Приступая къ такому чтенію незнакомой для васъ повѣсти или романа, вы по наведенію заранѣе предвкушаете прелести, въ нихъ разсыпаныя и жадно перелистываете книгу въ надеждѣ почерпнуть новые указанія на непонятый еще вами потокъ жизни, на черты, которыхъ по своей неуловимости поддаются анализу только выдающихся умовъ.

Но ошибаться и обманываться—удѣль рода человѣческаго и эта горькая участъ не оставляетъ васъ и въ области художества. Вы ожидали много, выпуло мало, предполагали одно, оказалось другое. Разочарование ваше однакоже, не всегданосить одинъ и тотъ-же характеръ. Если любопытныя русскія газеты и корреспонденты иностранныхъ иной разъ цѣлымъ годомъ раньше въ различныхъ формахъ извѣщаютъ отечественную и заграничную публику: Тургеневъ пишетъ новую повѣсть, мы слыхали, что нашъ даровитый писатель занять новымъ произведеніемъ, le celebre romancier russe готовить новый романъ и т. д.; а изъ всего этого шума выскочить какая нибудь «Собака», то вы, прочитавши мышь рожденную горю, почешете себѣ затылокъ и съ сердцемъ скажете: и что это за охота Тургеневу всякую дрянь печатать, чего онъ не послѣдуетъ умному совѣту Бѣлинскаго не печатать вещей, что ни то, ни се, не то, чтобы очень скверно, но и не то, чтобы очень хорошо. Но иной разъ ваши обманутыя надежды подергиваются совершенно другимъ колоритомъ, гораздо сильнѣе отзывающимся на «тоталитетъ» извѣстности писателя.

Вы видите многозначущее заглавие, авторъ съ вами бессъдуетъ на этотъ разъ не о собакѣ уже, старается на что-то вѣсъ навести, что-то вамъ такое указать, но увы! указываетъ совсѣмъ не таѣъ какъ слѣдуетъ и то, что слѣдуетъ. И не то, чтобы авторъ не вѣрно что-нибудь выставилъ, не то, чтобы исказилъ извѣстное явленіе. Нѣтъ, такихъ прегрѣшений за авторомъ «Записокъ Охотника» не водится! но вотъ бѣда-то въ чёмъ: масштабъ нашъ романистъ потерялъ, вершки за сажеви принялъ. Онъ совершенно забылъ, что если noblesse oblige, то еще больше крупный талантъ. Встрѣчая въ его книгѣ выставленными только мелкія, ничтожныя стороны извѣстнаго типа, мы, если книга исходить изъ подъ знамени-таго пера, имѣемъ право предполагать, что типъ этотъ ничего крупнаго не заключаетъ, потому что въ противномъ случаѣ, тонкій анализъ талантливаго писателя не преминула бы все это выставить въ надлежащемъ свѣтѣ. А между тѣмъ оно не таѣъ.... Крупное то есть, да авторъ его просмотрѣлъ и совершилъ проступокъ противъ художественной правды.

Нѣтъ ничего болѣе преступнаго въ художественномъ отнoshеніи, какъ возведеніе частнаго случая въ общее явле-ніе; но этотъ проступокъ вдвойнѣ достоенъ порицанія, если провинившимся является беллетристъ, уже заручившійся авторитетомъ блестящаго и умнаго аналитика. Неопытный читатель невольно поддается обаянію имени и такимъ образомъ общественное мнѣніе насилиется, направляемое по лож-ному пути. Мы никогда не станемъ утверждать, чтобы извѣстное произведеніе, подписанное даже Шекспиромъ, могло имѣть влияніе, если оно не явится выраженіемъ настроенія, распространеннаго уже въ данномъ обществѣ, но нельзя также отрицать, что такія настроенія нерѣдко бываютъ мимолетныя, основанныя на скоропереходящихъ основаніяхъ. И вотъ факторомъ такого-то настроенія можетъ быть круп-ный талантъ, поддавшійся обману своихъ чувствъ.

Молодое поколѣніе, движение шестидесятыхъ годовъ безъ сомнѣнія выдвинуло очень много нездоровыхъ элементовъ; какъ всякое движение, распространившееся на массу, оно

захватило Ноздревыхъ и Собакевичъ нигилизма, но нужно быть уже очень близорукимъ, что-бы не увидѣть за ними болѣе утѣшительныхъ фігуръ. Если г. Стебницкій или г. Вс. Крестовскій не желаетъ видѣть хорошихъ сторонъ шестидесятыхъ годовъ, то на то они гг. Стебницкій и Вс. Крестовскій. Но вѣдь не къ одной-же компаніи съ этими господами принадлежитъ Тургеневъ. Не говоря уже о нехудожественныхъ причинахъ, вышеназваннымъ писателямъ можетъ быть извинительно такъ ошибиться; не всякий же обладаетъ широкимъ кругозоромъ первокласснаго таланта. Но Тургеневъ, какъ онъ могъ отъ гордой фигуры Базарова перейти къ Губареву изъ «Дыма»?

Мы ничуть ненамѣрены утверждать, что картины байденско-российскаго радикализма не вѣрны, что они насиживаютъ дѣйствительность.—Нѣтъ! все это вѣрно, очень вѣрно, но неужели-же ничего лучшаго шестидесятые годы не произвели, неужели-же Губаревъ съ своей безголовой командой представляетъ экстрактъ «разсвѣта». Вѣдь если это правда, то какой-же грустный, безнадежно-грустный выводъ долженъ слѣдовать изъ «Дыма». Одну эпоху въ теченіи всей нашей исторической жизни мы прожили при благопріятныхъ условіяхъ, а между тѣмъ какіе отрицательные результаты! Для Губаревыхъ право не стоило пробуждаться.

Но нѣтъ! Зачѣмъ увлекаться мизантропію. Вмѣстѣ съ превосходною жатвой выросли и плевелы. Долой ихъ, пусть они не мѣшаютъ здоровымъ растеніямъ и не будемъ вѣрить тѣмъ, которые станутъ насъ увѣрять, что изъ за этихъ плевелъ пропадутъ здоровыя зерна. Будемъ смотрѣть, какъ на продуктѣ нездоровой авторской мысли всѣ возведенія на русскую жизнь, будемъ видѣть въ «Дымѣ» только то, что Тургеневъ подъ вліяніемъ двухъ, трехъ отрицательныхъ фактovъ потерялъ мѣрку и можетъ быть помимо своей воли, написалъ пасквиль на молодое поколѣніе. Но не одно только молодое поколѣніе испытало на себя мизантропическое жало автора «Дыма». Вся русская жизнь вообще представилась ему въ самыхъ черныхъ краскахъ и онъ разразился тирадою,

которая бы-бы убийственна, если-бы хотя въ четвертой доли заключала въ себѣ истину.

« Онъ привыкъ глядѣть въ окно. День стоялъ сѣрый и сырой; дождя не было, но туманъ еще держался, и низкия облака заволокли все небо. Вѣтеръ дулъ на встрѣчу поѣзду; бѣловатые клубы пара, то одни, то смѣшанные съ другими, болѣе темными клубами дыма, исчались безконечной вареницею мимо окна, подъ которымъ сидѣлъ Литвиновъ. Онъ сталъ слѣдить за этимъ паромъ, за этимъ дымомъ, безпрерывно взвиваюясь, поднимаясь и падая, крутиясь и пѣшиясь за траву, за кусты, какъ-бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами: они непрестанно мѣнялись и оставались тѣ-же.... Однообразная, торопливая, скучная игра! Иногда вѣтеръ мѣнялся, дорога уклонялась—всѧ масса вдругъ исчезала и тотчасъ-же видѣлась въ противоположномъ окнѣ; потокъ опять перебрасывался громадный хвостъ, и опять застилаль Литвинову видъ широкой, прирейнской равнины. Онъ глядѣлъ — глядѣлъ, и странное палало на него размышленіе.... Онъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ: никто ни мѣшалъ ему. — «Дымъ, дымъ», повторилъ онъ нескользко разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь — все людское, особенно все русское. Все дымъ и паръ, думалъ онъ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все тоже да тоже; все торопится, слѣдитъ куда-то — и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ — и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять также безустанная, тревожная и — немужная игра. Вспомнилось ему многое, что съ громомъ и трескомъ совершилось на его глазахъ въ послѣдніе годы.... дымъ, шепталъ онъ, дымъ; вспомнились горячіе споры, толки и крики у Губарева, у другихъ, высоко и низко-поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей.... дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ; вспомнился, наконецъ, и знаменитый пикникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи другихъ государственныхъ людей — и даже все то, что проповѣдывалъ Потугинъ... дымъ, дымъ и больше ничего».

Чтобы дойти до такого чудовищного вывода, дѣйственно нужно жить не въ Россіи, какъ это и было съ Тургеневымъ, а главное слыхать объ ней или читать только одно скверное и отчаянное.

Обвинять однакоже Тургенева за «Дымъ» въ «гражданской» нечестности не имѣть смысла. Если нѣказисты у него «демократы», то что за зрелище представляютъ аристократы! Это баденское «агрѣе russe» съ недовольными генералами, ихъ пошлые и глупые разговоры, что болѣе можетъ возбудить веселое настроеніе самого завзятаго демократа. Что

может быть поучительнее следующей «картинки съ на-
туры».

« — Нѣтъ, нѣтъ, есть прежнею мягкостію перебилъ снисходительный гене-
раль. — Вотъ нашъ пріятель, Валеріанъ Владимировичъ, упомянуль о продажѣ
дворянскихъ имѣнъ. Чѣмъ? Развѣ это не фактъ?

— Да ихъ и продать теперь не возможно, никому они не нужны! вос-
кликнулъ раздражительный генераль.

— Можетъ быть.... можетъ быть. Потому-то и надо заявлять этотъ
фактъ... этотъ грустный фактъ на каждомъ шагу. Мы разорены — прекрасно;
мы унижены — обѣ этомъ спорить нельзѧ; но мы, крупные владѣльцы, мы все-
таки представляемъ начало.... ил principe. Поддерживать этотъ принципъ —
пашъ долгъ. Pardon, madame, вы кажется, плакокъ уронили. Когда неко-
торое, такъ сказать, омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, мы должны
указывать — съ покорностию указывать (генераль протянулъ палецъ) — указывать
перстомъ гражданина на бездну, куда все стремится. Мы должны предостере-
гать; мы должны говорить съ почтительною твердостію: «вортитесь, вортит-
сесь назадъ».... Вотъ что мы должны говорить.

— Нельзя-же, однако, совсѣмъ воротиться, задумчиво замѣтилъ Раг-
мировъ.

Снисходительный генераль только склонился.

— Совсѣмъ; совсѣмъ назадъ, mon très cher. Чѣмъ дальше назадъ,
тѣмъ лучше.

Генераль опять вѣжливо взглянуль на Литвинова. Тотъ не вытерпѣлъ.

— Ужъ не до семибоярщины ли намъ вернуться, ваше превосходительство?

— А хоть-бы и такъ! Я выражаютъ свое мнѣніе не обищуясь; надо пере-
дѣлать... да... передѣлать все сдѣланное.

— И девятнадцатое февраля?

— И девятнадцатое февраля — насколько это возможно. On est patriote
ou on ne l'est pas. А воля? скажутъ мнѣ. Вы думаете сладка народу эта
воля? Спросите-ка его....»

Цѣлые годы существованія покойной «Вѣсти» исчерпаны
рукою мастера въ этихъ немногихъ строкахъ. Поэтому неудивительно, что «гуси» очень сильно загоготали и еще силь-
нѣе «нигилистовъ» напустились на автора.

При всей превосходной отдѣлкѣ, при всей жизненной
правдѣ многихъ сценъ, «Дымъ» однако же, по причинамъ
весьма понятнымъ, никого не удовлетворилъ, и авторъ его,
что называется, сѣлъ между двумя стульями. Да и неудиви-
тельно почему: жизнь не поддается никакимъ увѣщеніямъ
даже первоклассныхъ талантовъ, старающихся ее увѣрить

въ ея безсодержательности. Тѣмъ болѣе, значить, должна отнестись съ недовѣріемъ къ такимъ увѣреніямъ молодая гражданственность, полна сознанія изобилія юныхъ и свѣжихъ силъ, надѣющаяся совершить еще очень и очень многое...

Напечатавши «Дымъ» и прочитавши его на литературномъ утре въ Москвѣ 29 марта, и на литературномъ вечерѣ въ Петербургѣ 3-го Апрѣля, оба раза въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ», Тургеневъ опять отправился въ Баденъ-Баденъ; на свою «Villa Touguenéff». Отсюда онъ прислалъ для 1 № «Русскаго Вѣстника» за 1868 г. разсказъ «Исторія лейтенанта Ергунова» и для 1 № преобразованнаго въ литературный журналъ «Вѣсти. Европы» разсказъ «Бригадиръ». Съ преобразованіемъ «Вѣст. Евр.» Тургеневъ навсегда развязывается съ московскими спасителями отечества и рѣзко примыкаетъ къ «левому» флангу русской интеллигентіи. «Литературныя воспоминанія» и «Объясненія по поводу Отцевъ и Дѣтей», появившіяся въ Салаевскомъ изданіи его сочиненій открыли глаза русской публикѣ насчетъ истинныхъ политическихъ чувствъ ея любимѣшаго писателя, имя которого такъ безцеремонно эксплуатировалось катковской кликой.

Живя въ Баденѣ, Тургеневъ на свой роскошной виллѣ устроилъ нѣсколько театральныхъ представлений съ такой оригинальной обстановкой, что мы находимъ нeliшнимъ привести слѣдующее интересное мѣсто изъ нѣмецкой газеты «Der Salon». 1868 г.

Хорошая вещь национальность и родина! Но сколько бы ни проливалось «благороднаго» пота и «благородной» крови за эти святые блага, тѣмъ не менѣе приятно сознаніе, что существуютъ на свѣтѣ такие нейтральные уголки, куда не заносится ни одной изъ великихъ и страстныхъ симпатій и антипатій.

Подобный нейтральный уголокъ образуетъ на нѣмецкой почвѣ прелестная долина между возвышеностями Шварцвальда, по которой протекаетъ рѣчка Ось и надъ которой царитъ «старый замокъ» — лѣтнєе сборное мѣсто лучшаго общества Европы, прелестный Баденъ-Баденъ.

Рядомъ съ космополитическимъ міромъ, встрѣчающимъ всѣдѣ, гдѣ бывать цѣлительные ключи и бѣгасть шарики рулетки, образовалось въ Баденѣ общество, сгладившее въ своей средѣ разъединяющія национальныя начала, что-

бы въ истинномъ наслажданіи жизнью осуществить, какъ можно полнѣе, стремленія чисто-человѣческой культуры. Съ живыми людьми, прѣжающими на воды, этотъ избранный кружокъ не имѣть ничего общаго; его не касается эта блестящая, пестрая, шумная толпа. Онъ состоять не изъ лѣтникъ перелетныхъ итальянъ, не изъ больныхъ, которыхъ приводитъ сюда начало сезона и разгоняетъ по докамъ его конецъ: этотъ кружокъ сложился изъ нѣсколькихъ высокообразованныхъ, счастливо обставленахъ семействъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ, очарованныхъ несравненными прелестами Бадена и промѣнявшихъ свою прежнюю жизнь въ большихъ центрахъ современной свѣтской жизни на пребываніе среди этихъ чудакъ долинъ и лѣсовъ. Если лѣтомъ этотъ кружокъ и разрастается, то зима все-таки не уничтожаетъ его вполнѣ. Его члены остаются вѣрными прекрасной отчизнѣ, которая не заставляетъ ихъ жертвовать ни какими потребностями ума, вкуса, элегантности и комфорта, нераздѣльно связанными съ ихъ привычками. Около одной семьи группируется этотъ кружокъ: около Луи Виардо и его жены, великой пѣвицы Полины Виардо. Имя этой замечательной четы упоминается почти нераздѣльно съ другимъ, не менѣе блестящимъ именемъ ближайшаго ея друга, великаго русскаго поэта Ивана Тургенева, автора «Записокъ охотника», «Отцовъ и Дѣтей», «Призраковъ». И онъ нашель здѣсь отчизну вдали отъ родины и помѣстій своихъ отцовъ. Недалеко отъ виллы Виардо, въ тиргартенталь, со стороны Лихтентальской аллеи, возвышаются изъ-за деревьевъ сада высокая крыша и высокія трубы виллы, которую онъ выстроилъ здѣсь себѣ. И всякий удивляется, что, выстроивъ эту виллу, напоминающую прекрасный замокъ среди лѣса и полянъ, хозяинъ не живеть въ ней. Столько же роскошное, сколько и привлекательное строеніе, вполнѣ оконченное и обмѣнированное отъ чердака до погреба, стоитъ не обитаемымъ и покинутымъ. Его владѣлецъ остается жить въ павильонѣ помѣщенія, гдѣ онъ находить прѣютъ уже въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. «Зачѣмъ поэту и охотнику замокъ со всей принадлежащей къ нему жизнелажой обстановкой?» — спросилъ онъ, можетъ быть, себя.

Въ послѣднее лѣто, залы и гостиные этой виллы оживлялись однако нѣсколько разъ. Свѣжая, веселая и шумная жизнь, — искусство, юношеское увлеченіе и величавая серьезность привлекли туда и другія силы. Эльфы и феи со своей парицей во главѣ сдѣлали замокъ мѣстомъ своихъ игръ, и властители земныхъ послѣдовали за ними, чтобы послушать ихъ занятія и пѣски.

Не будемъ задавать загадокъ читателю и разскажемъ, въ чёмъ дѣло.

Тургеневъ сочинилъ воспитательную волшебную пьесу, а Полина Виардо положила ее на музыку. Чтобы познакомить общество съ художественнымъ произведеніемъ двухъ талантливыхъ друзей, въ Баденѣ — этомъ собраніи всѣхъ музыкальныхъ силъ — кѣль надобности ухитрять у театрального начальства или заинтересовать пѣвцовъ и журналистовъ. Здѣсь всегда найдется художественно образованный другъ, теноръ или баритонъ, всегда есть молодыи пѣвицы, которые беруть на себя съ величайшей готовностью исполненіе всякой

роли, какую назначить имъ ихъ уважаемая руководительница въ дѣлѣ музыки, представляющая свою особу въ одно и то же время и режиссера, и дирижера, а подчасъ и весь оркестръ. Гдѣ было найти лучшее мѣсто и гдѣ было всего удобнѣе вскоро устроить театръ, какъ не въ домѣ самаго поэта, въ салонѣ необитаемой «Villa Turgénjew»?

Такъ и сдѣлано. Въ одинъ прекрасный день тишина запустѣлой виллы была нарушена; кругомъ пробудилось эхо отъ восхитительныхъ арій и хоровъ отъ избѣжныхъ женскихъ и полныхъ силы мужскихъ голосовъ, сливавшихся въ искусномъ пѣніи, и отъ единодушныхъ и частыхъ криковъ восторга восхищенныхъ слушателей.

Многимъ извѣстна, вѣроятно, дружба, которую питаетъ къ великой артисткѣ королева прусская Августа, неизмѣнная лѣтняя гостья Бадена. Какъ на воскресныхъ утрахъ въ виллѣ Виардо, такъ присутствовала она и при исполненіяхъ оперы, повторяющихся иѣсколько разъ въ продолженіе августа и сентября. Космополитическое баденское общество, многочисленная аристократія мысли и искусства составляли публику, которая подъ вліяніемъ высокаго всплеска все болѣе и болѣе одушевлялась искренно оцѣнила живой энтузіазмъ царственной гостьи. «Это долженъ непремѣнно увидѣть король когда-онъ пріѣдетъ», заключила королева выраженіе своего удовольствія передъ Виардо и Тургеневымъ. Во второй половинѣ сентября прибылъ въ Баденъ король Вильгельмъ и вечеромъ 24-го числа того же мѣсяца въ салонѣ замка собралось общество, какое едва ли когда-нибудь собиралось въ домѣ писателя, человѣка частнаго, не служащаго, не чиновника, не имѣющаго ни какихъ знаковъ отличія. Для такого общества, разумѣется, должно было даваться что-нибудь особенное; давалось первое представление новѣйшей оперетты, «Giacquettine, le dernier des sorciers», веселенькой, фантастической музикальной сказки.

Ничего не могло быть проще импровизированной сцены: зеленый занавѣсъ отдѣлялъ ее отъ остального пространства залы; пара олеандровъ представляла лѣсъ, заставленное окно изображало хижину. Очарованіе истинной поэзіи не зависѣтъ отъ обстановки. Всякій, кто видѣлъ въ этотъ вечеръ прелестныхъ дочерей Виардо, кто видѣлъ парицу эльфовъ, съ жемчомъ въ руѣ, съ яснымъ обращеннымъ кверху взглядомъ,——кто ихъ видѣлъ, окруженнныхъ хоромъ волшебницъ, кто слышалъ финалъ первого акта «la lune, notre blanche reine», тотъ навѣрно убѣдился, что можно забыться и безъ мастерскихъ декораций.

Увлеченіе и восторгъ были всевобщіе. На всѣхъ лицахъ сиялъ отблескъ этого восторга, начиная съ лица короля Вильгельма и его супруги. Надо познакомить читателей съ остальными лицами собравшагося у Тургенева общества. Рядомъ съ королевской четой сидѣли дочери Беттины фонъ-Арнімъ, графини Флеммингъ (супруги посланника въ Карлсруэ), графиня Оріолла, придворная дама е. в. королевы прусской и графъ Флеммингъ; въ слѣдующемъ ряду—придворныя дамы, сопровождавшія ея величество: принцесса Каролатъ

и графина Бранденбургъ, прусскій министръ двора графъ Шлейнинъ и мужъ композиторши оперетты, Луи Віардо. Далѣе стояли баронъ Фреіцъ, каммергеръ королевы, знаменитый скрипачъ Леонардъ, тайный легаціоністръ Абекенъ, которому французы дали многовнаменательное прозвище: «la plume de Bismarck», гоффмаршаль графъ Плюклерь и генераль Байеръ, у рояля сидѣла сама мадамъ Віардо, а за нею, прислонясь къ камину, стояла юная фигура Тургенева, любовавшагося своимъ твореніемъ, своимъ заломъ и рѣдкими гостями.

За этимъ вечеромъ слѣдовали еще другіе: на милыхъ фей любовались не одно многочисленное и блестящее собраніе. Если, вѣжая въ Баденъ, вы оставите въ сторонѣ национальную односторонность, то двери залы Тургенева покажутся вамъ дверами въ храмъ чистаго искусства; предъ вами исчезнутъ все требования и рамки, созданныя рожденіемъ, властью, положеніемъ въ свѣтѣ, и вы убѣдитесь, что и сильные міра сего поддаются подъ конецъ облаку прекраснаго.

Лѣтомъ 1868 г. Тургеневъ былъ въ Петербургѣ и написалъ слѣдующее величеннѣе біографическаго интереса письмо къ редактору «С.-Пет. Вѣд.».

«М. Г. Сегодня проѣздомъ черезъ Петербургъ, прочель я вашъ воскресный фельетонъ (отъ 7 июля, № 183), въ которомъ упоминается мое имя, и прошу у васъ позволенія сказать два слова по этому поводу. Я и прежде зналъ, что князю П. В. Долгорукову заблагоразсудилось выкопать старый анекдотъ о томъ, какъ 30 лѣть тому назадъ (въ маѣ 1838 г.), я находясь на «Николаѣ I», сгорѣвшемъ близъ Травемюнде, кричалъ: «спасите меня, я единственный сынъ у матери!» (острота тутъ должна состоять въ томъ, что я назвалъ себя единственнымъ сыномъ, тогда какъ у меня есть братъ). Близость смерти могла смутить девятнадцатилѣтнаго мальчика—и я не намѣренъ увѣрять читателя, что я глядѣлъ на нее равнодушно, но означенныхъ словъ, сочиненныхъ на другой день однимъ остроумнымъ княземъ (не Долгоруковымъ), я не произнесъ. Видно, князю Долгорукову, желающему мнѣ сдѣлать оскорблѣніе, нечего было сказать про меня, коли онъ рѣшился повторить такую старую и вздорную симетю. — Вы совершенно вѣрно указали настоящую причину, заставившую меня избѣгать встрѣчи съ княземъ Долгоруковымъ; со многими другими эмигрантами, политическія мнѣнія которыхъ я не раздѣляю, но въ жизни кото-

рыхъ не было процессовъ въ родѣ брюссельского и парижскаго, — я остался и остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ. — Князь Долгоруковъ грозился напечатать всѣ мои бывшіе съ нимъ разговоры: я, съ моей стороны, даю ему на это полное и безусловное разрѣшеніе. Я не раскаиваюсь ни въ одномъ изъ сказанныхъ мною ему словъ; но признаюсь, не могу не раскаиваться въ томъ, что вообще вступилъ въ знакомство съ княземъ П. В. Долгоруковымъ. Примите и пр. Ив. Тургеневъ (Спб. Вѣд. 1868 г. № 186).

Намъ остается доказать еще очень не много, чтобы покончить съ биографіею Тургенева.

Начиная съ 1868 г. Тургеневъ помѣстилъ рядъ рассказовъ въ «Вѣст. Европы». Таковы: «Странная исторія», «Степной король Лиръ», «Стукъ—стукъ—стукъ» наконецъ въ 1872 г. большую (по объему только) повѣсть: «Вешнія воды». Въ 1873 г. появился въ ноябрьской книжкѣ «Вѣст. Евр.» очеркъ «Конецъ Чертопханова и Недонюскина». Въ 1874 г. появилась въ «Вѣст. Евр.» повѣсть «Пунинъ и Бабуринъ», въ «Складчинѣ», — не напечатанный въ свое время очеркъ «Записокъ Охотника» — «Живая мозаїка», а въ «Недѣлѣ» за этотъ же годъ былъ помѣщенъ небольшой рассказъ изъ «Юньскихъ дней» 48 г. «Наши послали». Въ 1875 г. Иванъ Сергеевичъ покажется (Юнь) еще начиная себя не заявить, если не считать рассказа «Стучить», еще въ прошломъ году вошедшаго въ «Полное Собрание», но просмотрѣнаго тамъ рецензентами.

Изъ небелетристическихъ вещей Тургенева за періодъ 1868—75 г. въ высшей степени интересны «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», пролившія значительный свѣтъ на личность основателя русской критики. «Казнь Тропмана», благодаря отѣлѣкѣ деталей, также читается не безъ интереса.

Въ анализъ перечисленныхъ выше новѣстей Тургенева мы вдаваться не будемъ изъ уваженія къ автору тѣхъ превосходныхъ повѣстей, разборъ которыхъ находится на предыдущихъ страницахъ...

Подводя общий итогъ произведеніямъ Тургенева, намъ

не трудно въ нихъ найти всѣ тѣ элементы, которые въ своей совокупности составляютъ человѣческую жизнь вообще и русскую въ частности. Въ глубокой и многогодарствательной натурѣ его нашло себѣ мѣсто и отголосокъ все волнующее образованнаго человѣка, или иѣть, зачѣмъ такъ узко ограничивать кругъ поэтической дѣятельности Тургенева, его духъ обнимаетъ собою и съ любовью лѣбѣтъ все, что является слѣдствіемъ доброй и не пошлой натуры. *Nihil humanum mihi alienum est*, смѣло можетъ онъ сказать про себя. Человѣчество и цивилизациѣ—вотъ два главные героя всѣхъ его многочисленныхъ произведеній и въ этомъ сила его таланта и тайна успѣха его беллетристической пропаганды. Сила убѣжденій и связанныя съ этимъ мощь духа окружаютъ читателя волной неотразимаго вліянія и нѣжно, но крѣпко направляютъ его на широкое поле обще-человѣческихъ интересовъ, въ область спокойнаго духа, гдѣ находять отдохновеніе и утѣшеніе самыя разнообразныя чувства. Грусть умѣряется сочувствіемъ просвѣщенаго мыслителя, стонъ наболѣвшаго сердца находить отголосокъ своимъ страданіямъ, а усталая душа, разочарованная въ поискахъ за совершиеннымъ, наталкивается на то убѣженіе, что въ сочувствіи всеобщимъ страданіямъ и отклику на всякое идеальное проявленіе она найдетъ себѣ успокоеніе. Рудинъ, ничуть не отбиваю охоты стать поклонникомъ его міровыхъ стремленій, въ связи съ энергию Базарова, даетъ вамъ образецъ, заслуживающій всеобщаго уваженія, а прекрасная натура Лизы Калитиной въ связи съ культурой Елены Стаковой представлять при своемъ смѣшнѣй идеаль. вполнѣ удовлетворяющій всякую стремящуюся женщину. Съ другой стороны порывы животныхъ стремленій, некультурные элементы русскаго характера, его вѣлость и не выдержанность, гамлетство Щагровскаго уѣзда, разрушающее дѣйствіе рефлексіи, этого оплота безхарактерности, холодное отношеніе къ возвышенному—все это находить своего грознаго Ювенала въ Тургеневѣ, грознаго не силою своего бичующаго негодованія, не страстнымъ выраженіемъ своихъ чувствъ, но за то безпощадно убивающаго

тонкимъ анализомъ и вѣрнымъ выставленіемъ на общественное позорище тѣхъ качествъ нашихъ, которыхъ явились слѣдствіемъ дурно сложившихся историческихъ условій и по-мѣшали намъ достичь той степени образованія, которая намъ самою природою была предназначена въ силу нашихъ естественныхъ дарованій.

Литературная карьера Тургенева далеко еще не кончена, ему всего 56 лѣтъ, значитъ мы многое еще можемъ ожидать отъ него и сказать, чѣмъ онъ еще станетъ впослѣдствіи довольно трудно, но одно, несомнѣнно уже теперь: Тургеневъ принадлежитъ къ числу тѣхъ именъ, которыхъ оставляютъ глубокій слѣдъ въ умахъ своихъ современниковъ и съ превосходною атестацію переходятъ въ потомство. Онъ не гений, поэтому нельзя разсчитывать, что *всѣ* его произведенія прочтутся черезъ сто лѣтъ съ такимъ же интересомъ, но въ тоже время вѣрно и то, что многіе типы его не умрутъ. Не перестанутъ жить какъ историческіе типы Рудинъ и Лаврецкий, едвали изгладится изъ памяти Базаровъ. Наконецъ Лиза Калитина и Елена Стахова едва-ли тоже скоро перестанутъ привлекать къ себѣ всеобщую симпатію.

Литературная карьера всякаго первокласснаго писателя претерпѣваютъ три фазиса, отдѣляющіяся другъ отъ друга болѣе или менѣе продолжительными промежутками времени, смотря по степени таланта писателя. Наиболѣе рѣзко эти фазисы выходятъ у беллетриста.

Первый фазисъ—это рожденіе литературной славы. Непрѣбѣстный дотолѣ писатель пишетъ первую вещь, обращающую на него вниманіе. Его хвалить или бранить — это зависить отъ степени тенденціозности его первенца и понятно отъ степени обнаруженнаго таланта. Если ему удалось возбудить интересную полемику, пріобрѣсть друзей и враговъ (необходимое условіе)—карьера его сдѣлана, онъ пойдетъ впередъ. Очень много писателей, можно даже сказать громадное большинство, однако же очень часто останавливается на этой ступени и живуть въ памяти читателей и рецензентовъ лѣть пять, шесть — максимум десять.

Но избранные переходят въ слѣдующую категорію. Они не довольствуются первоначальнымъ успѣхомъ, талантъ ихъ развивается и производятъ наконецъ вещь, составляющую «крупное явленіе» въ литературѣ. Роману или повѣсти посвящаются цѣлые критическая статьи, авторъ становится «нашъ даровитый писатель N N». Прочность имени этой категоріи писателей несравненно продолжительнѣе первой, оно простирается на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Но лишь очень немногіе переходятъ въ третій фазисъ. Это уже «классики». Отличительное ихъ свойство то, что слава ихъ крѣпнетъ съ годами, совершенно независимо отъ степени ихъ продуктивности. Тургеневъ уже лѣтъ 12 перешель въ послѣднюю категорію. Съ «Отцемъ и Дѣтей» онъ ничего *epoché machen*, какъ нѣмцы говорятъ, не произвелъ, а между тѣмъ имя его становится все крупнѣе и крупнѣе и превратилось наконецъ въ предметъ національной гордости. Ежегодно расходится многотысячное полное собраніе его сочиненій, онъ попадаетъ наконецъ въ курсы словесности. Заграницею существуютъ многочисленные переводы всѣхъ его даже невыдающихся сочиненій, ему заграничные критики посвящаютъ цѣлые этюды, но что самое главное — онъ уже не называется въ литературной рѣчи господинъ Тургеневъ, а просто Тургеневъ — признаясь, что известное имя сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ и знакомо всякому грамотному человѣку. И все это въ пятидесятыхъ годахъ своей жизни — возрастъ для писателя едва перешедшій «молодой». Будемъ надѣяться, что наиболѣе любимый послѣ Пушкина писатель подарить настъ еще многими первоклассными произведеніями, которая еще болѣе укрѣпить симпатичныя связи, существующія между нимъ и образованной публикою всѣхъ странъ. Мы-же русскіе наиболѣе будемъ гордиться такимъ превосходнымъ воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ качествъ русскаго духа и съ любовью будемъ слѣдить за дальнѣйшими могучими его обнаруженіями.

Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ женатъ не былъ.

КОНЕЦЪ.